

Павел Назаров

БЕГСТВО ИЗ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Павел Назаров

Бегство из Центральной Азии

«Раритет»

1932

Назаров П. С.

Бегство из Центральной Азии / П. С. Назаров — «Раритет», 1932

ISBN 978-9-96-745530-6

В книге воспоминаний Павла Назарова «Бегство из Центральной Азии» повествуется о сложном для Туркестана времени Гражданской войны начала XX столетия. Автор – русский геолог и натуралист был одним из руководителей восстания против большевиков в Туркестане. О его восприятии событий и о трудном пути к спасению рассказывается в этой книге. Для широкого круга читателей.

ISBN 978-9-96-745530-6

© Назаров П. С., 1932

© Раритет, 1932

Содержание

Павел Степанович Назаров и время перемен	5
Предисловие	7
Глава I	10
Глава II	19
Глава III	26
Глава IV	33
Глава V	40
Глава VI	48
Глава VII	53
Глава VIII	60
Глава IX	66
Глава X	72
Глава XI	80
Глава XII	86
Глава XIII	96
Глава XIV	103
Глава XV	110
Глава XVI	117
Глава XVII	125
Глава XVIII	133
Глава XIX	141
Глава XX	149
Приложение	157

Павел Степанович Назаров Бегство из Центральной Азии

Павел Степанович Назаров и время перемен

Нет ничего хуже, чем жить в эпоху великих перемен.
Конфуций

Книга «Hunted Through Central Asia», названная в переводе «Бегство из Центральной Азии», была создана русским геологом и натуралистом Павлом Степановичем Назаровым, человеком с очень сложной судьбой. В ней он описывает свое пребывание в Туркестане в течение приблизительно шести лет – с осени 1918 до лета 1924 года.

Для России и народов Средней Азии это было время великих перемен. Закончилась Первая мировая война, Россия прошла через революцию, и на просторах бывшей Российской Империи шла кровопролитная Гражданская война. Британские войска вторглись на территорию Туркестана в районе Ашхабада, оказав вооруженную поддержку антисоветским силам в регионе, и в это же время в Ташкенте запыхал мятеж, целью которого являлось отстранение от власти большевиков.

Павел Назаров был не только свидетелем этих событий, но и активным их участником. В сообщении от 29 октября 1918 года Туркестанская чрезвычайная следственная комиссия указывала, что «антисоветский заговор охватывает всю территорию края; руководящие члены заговорщической организации – брат известного монархистского генерала Корнилова – П. Г. Корнилов, командир отряда оренбургских казаков И. М. Зайцев, бывший комиссар Временного правительства в Ташкенте адвокат А. Д. Арсеньев вели работу по мобилизации Белой гвардии и активно привлекали к антисоветскому движению басмачей. В дальнейшем стало известно, что во главе «Туркестанской военной организации» стояли генерал-лейтенант Л. Л. Кондратович, инженер П. С. Назаров (намечавшийся на пост премьер-министра будущего «правительства Туркестана»), бывший помощник генерал-губернатора Туркестана гене-

рал Е. Джунковский, полковник Блаватский и некоторые деятели буржуазно-националистического движения»¹.

Причастность Назарова к антибольшевистскому мятежу подтверждает и известный английский разведчик полковник Фредерик Маршман Бейли, который был лично знаком с Павлом Степановичем по Ташкенту. В «Отчете Кашгарской Миссии, 1918–1920» он пишет: «Вскоре после моего прибытия я вступил в контакт с тем, кто, как я думал, был главой нескольких антибольшевистских организаций <...>. Самая большая организация антибольшевистского типа возглавлялась генералом Кондратовичем, но настоящим ее главой был мистер Назаров. Они сказали мне, что в их организации 3000 русских и что в нее входит Иргаш с 15 000 туземцев».

После подавления белого мятежа Павел Назаров сначала скрывался в горах, затем в городе Пишпек (нынешний Бишкек) и далее в китайском Кашгаре. В августе 1924 года, избегая выдачи советским властям, он предпринял еще одно сложное, полное опасностей двухмесячное путешествие через Гималаи в Кашмир и Индию, которое он описал во второй книге «MOVED ON! From Kashgar to Kashmir», изданной в Лондоне в 1935 году.

Позже он работал геологом во многих южноафриканских компаниях, преподавал в университетах Кейптауна, Претории, Блумфонтейна. Скончался Назаров в Йоханнесбурге в 1941 или 1942 году.

Книга Павла Назарова, которая публикуется здесь в переводе с английского языка, была издана в Лондоне в 1932 году. И по понятным причинам у нас о ней не было известно более 80 лет. На русском языке книга издается впервые.

История Гражданской войны в СССР – одна из самых драматичных страниц в мировой истории. О том, на чьей стороне, красных или белых, была правда, можно долго спорить. Какой могла быть альтернативная история, по какому сценарию она могла бы развиваться – трудно судить. Но в условиях демократии события рассматриваются с позиции общечеловеческих ценностей, и для получения объективной оценки мы должны знать мнение участников обеих противоборствующих сторон. Одну из них и представляет писатель и ученый Павел Степанович Назаров.

Кемелбек Кожомкулов, историк

---

¹ Голиков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР (1917–1925 гг.). – М.: Политиздат, 1975.

Предисловие

Уже второе издание за рубежом переживает книга Павла Назарова «Hunted Through Central Asia». У нас она мало известна широкому читателю, но ее автор тесно связан с историей нашей республики и в частности с городом Пишпек, где ему пришлось провести почти год, скрываясь от преследований большевистской власти.

Павел Степанович Назаров родился в 1863 году в глубоко религиозной семье староверов. Его отец был городским головой, или, как бы теперь назвали эту должность, был мэром города Оренбурга. Назаров закончил зоогеографический факультет Московского университета и прошел специализацию горного инженера в Санкт-Петербургском горном институте. Он был действительным членом Русского минералогического и географического обществ. В течение нескольких лет Назаров путешествовал по Кавказу и Уралу. Но главное его дело было начато в Туркестане. В 1886 году в возрасте 23 лет он опубликовал первую научную работу «Зоологические исследования Киргизских степей», более века сохраняющую интерес для специалистов. Свыше двадцати лет своей жизни он посвятил геологическому изучению Тянь-Шаня. Здесь им были открыты несколько месторождений меди, серебра, угля и нефти. Он создал товарищество «Назаров и К°», которое разрабатывало угольные копи в районе Таш-Кумыра и в урочище Джида-Булак под Ляйляком, содержало промыслы и несколько хлопкоочистительных заводов. Назаров уделял большое внимание проблемам огородничества, внедрил в местную культуру выращивание арахиса и производство из него масла, за что был награжден золотой медалью. Он обладал энциклопедическими познаниями в орнитологии, археологии, ботанике, в совершенстве знал тюркские языки, был великолепным охотником. У него была большая коллекция ружей из многих стран, и при случае он становился экспертом по баллистике, давал профессиональные рекомендации в разных областях знаний.

Карьера горного инженера Назарова была прервана Октябрьской революцией. В октябре 1918 года его арестовали в Ташкенте как лидера контрреволюционного движения. Из тюрьмы его освободили во время белого мятежа, после подавления которого Назаров скрылся в горах. После революции он потерял все: горные предприятия, библиотеку, коллекцию минералов и руд, свои дневники. Убегая, он захватил с собой только две книги по геологии, которые заменили ему приключенческие романы.

Он великолепно знал языки и обычаи киргизов, казахов и узбеков. Среди них у него было много друзей, которые прятали его от агентов ЧК и помогали преодолеть невзгоды жизни среди дикой природы.

С августа 1919 года Павел Степанович Назаров жил в Пишпекке. Здесь под именем Николая Ивановича Новикова он работал инженером по исследованию гидротехнических условий Семиречья.

К сожалению, в представленной книге мало написано о людях и достопримечательностях города Пишпекка, но как точно передана им духовная атмосфера того времени! Также замечательны описания ближайших окрестностей города, рек и горных ущелий Чуйской долины.

18 мая 1920 года Назаров покинул Пишпек. Официально он отправился в очередную изыскательскую экспедицию в сторону Балхаша. На самом деле его тройка лошадей, управляемая джигитом Азамат Бекком, направилась в противоположную сторону – на юг через Нарын к китайской границе.

Во время вынужденного путешествия по Тянь-Шаню Назаров продолжал геологические исследования. Рядом с дорогой он находил руду оловянного камня и киновари, обнаруживал золотые россыпи в реках. Здесь же он намывал драгоценные камни, сапфиры и топазы. «Что это за богатая страна, – писал он, – где человек, даже спасая свою жизнь, случайно натывается на рудные месторождения!»

Следующие четыре года Павел Назаров провел в Кашгаре, тщетно надеясь, что большевистская власть скоро будет свергнута и он вернется к своей семье и к собственности в России. Но жену он больше никогда не увидит, ее таинственная судьба и сей день скрыта в пыльных архивах ЧК.

В 1924 году после формального признания Китаем Советской России агенты ЧК усилили свое влияние в приграничных странах. Назарова предупредили из Ташкента о том, что за ним следят, и он ушел в Индию через высокие перевалы Каракорума, а оттуда уехал в Англию. Дальнейшая его жизнь была связана с Черным континентом. В бушах экваториальной Африки Назаров работал геологом, не оставляя своих увлечений зоологией и археологией. Он умер в 1942 году. Его имя значится в Книге выдающихся граждан ЮАР.

«Бегство из Центральной Азии» П. С. Назарова – прекрасный документ, дополняющий знания читателя по геологии, археологии, истории региона, она повествует о драматических событиях в Средней Азии в начале XX века, очевидцем и летописцем которых стал замечательный ученый. Перед нами не обычное повествование о путешествии. На страницах книги – мастерски изображенные картины природы, дикие звери, птицы, растения, интересные профессиональные наблюдения над геологией региона. Книга представляет интерес и для археологов, и для этнографов, а также для специалистов в области естествознания.

Автор открывает читателям удивительно красивую горную страну и воссоздает не менее замечательную ее историю.

Предвосхищая работы Льва Гумилева, Павел Назаров дал высокую оценку цивилизации кочевников. Он писал: «Свобода и мобильность кочевников выработали их своеобразную культуру, характер и образ жизни и сыграли очень важную роль в истории Азии, еще не оцененную историками и недостаточно изученную. Кочевники глубоко повлияли на судьбу России; и даже Западная Европа, без сомнения, не избежала их влияния. Жгучие пески Египта, долины Месопотамии, Палестины (мириады всадников Гога и Магога) и Индии, долины России и Центральной Европы, даже Шалонская и Каталонские долины Франции, Эллада, а также и Рим – все видели предков наших сегодняшних киргизов, хотя и под другими именами, такими как скифы или массагеты, гунны, половцы, кипчаки, куманы, печенег, аланы, татары и т. д. Везде их вторжение оставило следы, не только разрушительные; иногда они изменяли вектор исторического развития и повлияли на кровь, язык, характер, поведение и обычаи народов, с которыми они входили в контакт. Как норманны в свое время распространили свое влияние на культуру Запада, используя морские просторы, так и номады степей Азии сделали то же самое на Востоке».

Эта исключительно интересная книга продолжает литературную традицию, начатую в середине XIX века П. П. Семеновым-Тянь-Шанским, и достойна быть в одном ряду с классической литературой о путешествиях.

И еще один очень важный момент. Книга написана представителем той старой России, которой уже нет, и свидетельствует о страшных событиях начала XX века. Подобных документов сохранилось немного, о регионе Туркестана их фактически нет. Время конца двадцатых – начала тридцатых годов XX века советскими историками описывалось достаточно тенденциозно и однобоко, потому книга Назарова позволяет дать объективную оценку многим событиям этого сложного периода истории. Автор убедителен, и читателю становится понятным его неприятие большевистской власти и резко критическое отношение к ее представителям, но в то же время обычные люди описаны им с большой любовью и пониманием.

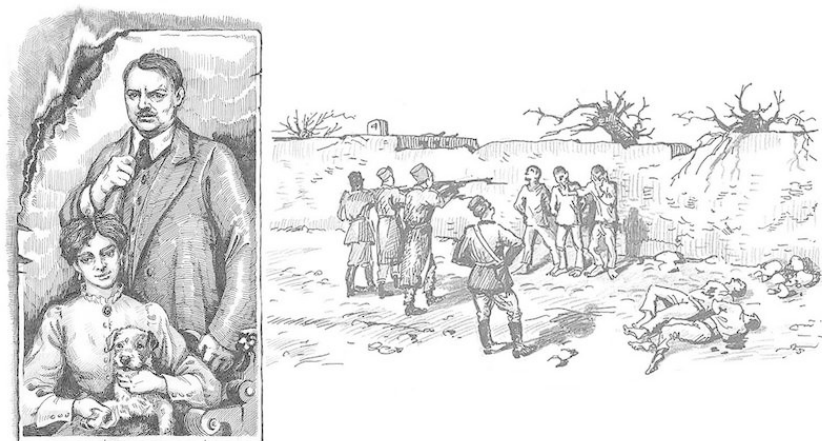
История возникновения книги Павла Назарова не менее интересна. Около двух лет его большим другом и соратником по работе в Экваториальной Африке был Малькольм Берр – писатель и переводчик. Из бесед вечерами у лагерного костра он узнал историю удивительной одиссеи Павла Назарова и порекомендовал записать воспоминания, а затем сам перевел и издал в 1932 году на английском языке книгу своего друга. Мы не знаем, сохранился ли русский вариант рукописи Павла Назарова. Неизвестно, как называлась эта книга на русском языке. Мы ее называли «Бегство из Центральной Азии». Возможно, когда-нибудь рукопись будет найдена, тогда станет понятно, насколько приближен к оригиналу перевод с английского языка яркой прозы Павла Назарова.

В полном варианте английское название книги имеет дополнение «On the run from Lenin's Secret Police» – «Бегство от ленинской тайной полиции», что отражает приключенческий характер повествования. Увлекательные страницы книги Павла Назарова, несомненно, доставят удовольствие также любителям детективного и приключенческого жанров литературы.

И еще несколько замечаний. Опасаясь за жизнь своих друзей и соратников, автор наделял героев книги вымышленными именами или просто обозначал их первыми буквами имени. Описывая народ Туркестана, Павел Назаров, не различая казахов и кыргызов, почти всегда называл их одним этнонимом – «киргиз», узбеков и таджиков он называет сартами, как это было принято в царской России. Некоторые специфические термины в английском варианте книги приводятся на русском или тюркских языках в транскрипции на латинице и выделены курсивом, например: *burjuı*, *Ak Padsha*, *aul*, *kese*. При переводе они даются на русском языке, но выделяются кавычками. Сохранены и обозначены курсивом авторские латинские определения флоры и фауны. Английские единицы измерений переведены в метрическую систему. Все даты сохранены в авторском варианте и относятся к старому стилю.

Владимир Петров, переводчик

Глава I В ожидании казни

Мои приключения начались в конце августа 1918 года. Однажды тихим ташкентским вечерком я сидел в своем кабинете, набивая патроны для предстоящей бекасиной охоты. И тут с улицы донеслись звуки подъехавшей к дому повозки. Выглянув в окно, я увидел двух мужчин, выходящих из элегантного экипажа, запряженного парой великолепных гнедых. Приехавшие были одеты в черную мягкую кожу – нынешнюю униформу большевиков. Они направились к крыльцу моего дома.

Вглядевшись, я признал обоих. Когда-то один из них, господин М., был моим хорошим другом и партнером по охоте. Сколько увлекательных историй, случавшихся во время прогулок по горам, нас тогда связывало! К сожалению, он примкнул к коммунистам, польстившись на какой-то пост в Туркестанской Советской республике. Ничего, кроме чувства презрения, теперь господин М. у меня не вызывал. Со вторым господином я никогда не был в близких отношениях, но занять должность председателя Народного комиссариата по делам земледелия в правительстве большевиков можно было лишь одним путем – предав свои прежние идеалы в обмен на сомнительные привилегии. Понятно, что и к этому господину я не испытывал дружеской симпатии. Надо сказать, я был весьма озадачен их визитом.

– Не удивляйтесь, Павел Степанович, нашему приходу, – сказал господин М., входя без стука в комнату. – Мы пришли по важному заданию правительства. Республика предлагает использовать ваше прекрасное знание Туркестана и ваш огромный опыт. Вам известна эта страна лучше, чем кому-либо еще...

Я прервал поток его дифирамбов:

– Ради Бога, не надо комплиментов! Говорите сразу по делу. Что вам нужно и какую информацию вы желаете от меня получить?

Господин М. переглянулся со вторым посетителем и выпалил:

– Расскажите нам об Устюрте². Как вы полагаете, его можно пересечь на машине?

Вопрос для меня был совершенно неожиданным и я удивленно спросил:

– Почему вы интересуетесь этой пустыней?

Теперь заговорил сотоварищ моего бывшего друга. Он кашлянул для солидности и произнес:

² Пустыня и одноименное плато на западе Средней Азии.

– Туркестанский Совет народного комиссариата земледелия предполагает послать научную экспедицию для изучения этого района.

– Как?! – моему изумлению не было предела. – Научную экспедицию на Устюрт? Сейчас?! Вокруг идет война, специалисты разбежались! Уж не собираетесь ли вы набирать технический персонал для экспедиции среди рабочих и крестьян? – с иронией спросил я, и тут же до меня дошла истинная причина интереса коммунистов к Устюрту.

Сообщение между Туркестанской Советской Республикой и Москвой было прервано: на юге, на реке Амударье около Чарджоу, стоял британо-индийский контингент войск³ вместе с частями белых, и Среднеазиатская железная дорога была в их руках. На севере казаки атамана Дутова⁴ отрезали связь с Оренбургом, а в это самое время на востоке, в Семиречье, полыхало восстание против большевиков. В Туркестане на исходе были и боеприпасы, и стратегические запасы, – положение Советской власти здесь становилось критическим. Республика была окружена врагами со всех сторон. Мне стало понятно, что комиссары хотят открыть автомобильную дорогу через Устюрт, пустынное плато между Аралом и Каспием, к заливу Мертвый Култук, где можно встречать суда из Астрахани, которая была в руках большевиков.

Скрывать, что возможность связи через Устюрт существует, было бесполезно, так как комиссары сами рано или поздно поняли бы истинное положение дел. Мне было необходимо узнать об их планах, чтобы предпринять соответствующие контрмеры, потому я решил схитрить.

– Вам нужна не научная экспедиция, – прямо сказал я им. – Вы же хотите связаться с Москвой через Арал и залив Мертвый Култук.

Мои посетители сначала слегка смутились, но потом обрадовались, поняв, что могут говорить по делу открыто.

– Видите ли, – сказал председатель комиссариата земледелия, – мы действительно должны проверить этот путь – район малоизучен. Как, по-вашему, есть ли шанс проложить автомобильную дорогу через Устюрт?

– Конечно, и довольно легко, – ответил я.

– В таком случае, не возьмете ли вы на себя командование экспедицией? – спросил он, явно обрадованный моим ответом.

– Ни при каких обстоятельствах и ни за что! – я решительно отверг предложение председателя.

– Но почему? – воскликнули оба посетителя с удивлением.

Мой собеседник продолжал:

– Павел Степанович, я знаю вашу антипатию к большевикам. Вы можете взять в экспедицию своих людей. Советское правительство предоставит вам отличный, надежный автомобиль и все, что вы посчитаете нужным, а также достаточно денег для расходов. И, кроме того, ваше участие в этом предприятии будет щедро оплачено.

– Я слышал, что на Устюрте хорошая охота, – проговорил мой бывший друг М., неуклюже пытаясь склонить меня к положительному ответу.

– Премного вам обязан, – ответил я безразличным тоном.

– Все, что вам предлагается сделать, – это пересечь на автомобиле Устюрт, – продолжал уговаривать меня председатель. – Вы должны доказать, что это возможно. И написать отчет о дороге – это все!

– Послушайте, это уже было сделано много лет тому назад, – спокойно ответил я.

---

³ Отдельная группа британо-индийских войск, располагавшаяся в 1918–1919 гг. на севере Персии в Мешхеде.

⁴ *Дутов Александр Ильич* (1879–1921) – атаман Оренбургского казачества, генерал-лейтенант (1919). Участник русско-японской и 1-й мировой войн. Одним из первых в России, уже в октябре 1917 г., выступил против большевиков. Убит в Китае русскими агентами.

– Как?! Где и кем?! – воскликнули оба, не скрывая радости. Они чуть не прыгали от волнения, словно дети.

– Пойдите в бывшую контору генерал-губернатора и поднимете архивные документы за 1883 год, там вы найдете полное и детальное описание пути через Устюрт. Дорога была описана генералом Черняевым⁵, когда он весной того же года ехал в конном экипаже через Устюрт на коронацию императора Александра III. Он должен был быть там безоговорочно, согласно списку офицеров Российского государства. Сама дорога, места отдыха, колодцы – все это описано детально, и вы можете взять там всю необходимую вам информацию.

– Как же мы можем отблагодарить вас за столь важное сообщение? – спросил председатель, удивленный и обрадованный моей откровенностью. Господин М. тоже сиял от удовольствия. Конечно же, они не ожидали, что ответственное задание, полученное ими от коммунистической верхушки, решится так скоро и так просто. Оба уже предвкушали награду от своих хозяев за выполненную работу без траты времени и средств.

– Я знаю, что вы откажетесь от денег или чего-либо другого от Советского правительства, но взгляните на этот экипаж, – комиссар земледелия указал за окно. – Эта пара лошадей всегда будет в вашем распоряжении, если пожелаете куда-нибудь поехать.

– Например, на охоту, – не к месту вставил М.

– Извольте, но вы же знаете, что лошади и экипаж краденые. Эти вещи были «социализированы» у мадам Х., – сказал я, прерывая изъявление благодарности.

Такой ответ их смутил, и, наскоро попрощавшись, они удалились.

Рано утром следующего дня из моего дома вышли два человека. Один выглядел как бухарский еврей, с седой бородой и в грязном кафтане, другой был «товарищ» в черных штанах и кожаной кепке. Первый на самом деле был капитаном одной из гвардейских частей Русской армии, и путь его лежал через пустыню в штаб британо-индийского контингента. Другой был полковником артиллерии, и направлялся он на север к атаману Дутову. Оба они несли информацию о планах большевиков организовать снабжение Туркестанской республики через Устюрт.

Надежда комиссаров на автомобильное сообщение через пустыню умерла раньше, чем большевистская «научная экспедиция» состоялась. Пароход «Скобелев»⁶, переоборудованный в крейсер англичанами, оккупировавшими Баку, встал под парами в заливе Мертвый Култук на Каспии, а оренбургские казаки атамана Дутова подошли к Устюрту с севера. Рабоче-крестьянская республика была надежно отрезана от большевистского центра и могла рассчитывать только на собственные ресурсы.

Пару месяцев большевикам понадобилось для того, чтобы понять, откуда произошла утечка секретной информации.

В один из прекрасных октябрьских вечеров я отдыхал в кабинете после хорошего дня удачной охоты. Внезапно раздался визг тормозов, и какой-то автомобиль остановился возле моего крыльца. Выглянув на улицу, я увидел, как шестеро человек, с головы до ног затянутые в черную кожу и вооруженные винтовками, выпрыгнули из грузовика и направились к моему дому. Я не стал дожидаться их прихода, сразу поняв, зачем они приехали, поэтому, не теряя времени, бросился через веранду в сад. Пока красноармейцы входили в комнату, я уже перелез через забор в соседний сад и исчез без следа.

Два дня спустя, перебираясь с одной тайной квартиры на другую, мне пришлось идти по старому кварталу Ташкента. На ступенях мечети сидели двое русских, облаченных в белые

---

⁵ Черняев Михаил Григорьевич (1828–1898) – генерал-лейтенант (1882), член Военного Совета (1882–84, 1890). Генерал-губернатор Туркестанского края (с 25 мая 1882 по 21 февр. 1884).

⁶ Скобелев Михаил Дмитриевич (1843–1882) – видный русский военачальник, генерал от инфантерии (1881), генерал-адъютант (1878). Участник Среднеазиатских завоеваний Российской империи и русско-турецкой войны 1877–1878 гг., освободитель Болгарии.

туники, на которых я не обратил никакого внимания. Лишь почувствовав холод приставленных к голове дул револьверов, я понял, что они сотрудники всесильной ЧК⁷.

У этих негодяев было по два револьвера, и они очень удивились, не найдя у меня при обыске никакого оружия.

Личности обоих чекистов мне были знакомы. Один работал некогда клоуном местного цирка, и теперь блестяще исполнял роль представителя революционного правительства рабочих и крестьян, задерживая и допрашивая любого, кого посчитает нужным. Другой – бывший приказчик из ташкентской лавки модных вещей, насколько я помню едва умеющий писать и читать, – стал революционным следователем! Такова была воля «Великой Хартии Свобод⁸» граждан «Самой Свободной Советской Республики»!

Меня допрашивали одновременно шестеро сотрудников ЧК, и каждый из них, задавая вопросы, картинно направлял на меня свой револьвер. Порой в мою сторону смотрели сразу все шесть дул револьверов, и раздосадованные следователи наперебой угрожали убить, если я не скажу правды.

Толпа вооруженных негодяев выглядела так смешно и глупо, словно мы находились не в ЧК, а на арене цирка. Подумав об этом, я не смог удержаться от улыбки, несмотря на смертельную опасность, грозившую мне.

– Чему ты улыбаешься?! – взбешенно спросил один из следователей. – Или не боишься расстрела?!

– Нет,нисколько, – ответил я спокойно. – Вы в поисках чудесного социалистического рая создали такие условия для существования, что жизнь для простого смертного потеряла всякую ценность.

Мой ответ привел следователя в замешательство: он не ожидал такой оценки «созидательного социализма».

Одним из инкриминированных мне документов было письмо, которое перехватили большевики. Оно было послано из Ферганы с вестовым полковника П. Г. Корнилова⁹, брата хорошо известного генерала¹⁰. Вместе с полковником мы снаряжали и отправляли группы офицеров для организации в Фергане кавалерийских отрядов из местных всадников для борьбы с большевиками. Несмотря на мои неоднократные просьбы не посылать ничего в письменной форме, педантичность несчастного Корнилова заставила его направить мне детальный отчет о расходах и рапорт о своих действиях в надежде, что его вестовой благополучно преодолет горы и посты Красной гвардии. В этом письме среди прочего была фраза: «Я послал капитану Б. скакуна».

Следователь, далекий от представления, что слово «скакун» могло иметь прямой смысл и относиться к лошадям – скакунам, рысакам и иноходцам, – увидел в нем какую-то тайну или кодовое слово и принуждал меня выдать скрытое в ней таинственное значение.

Не добившись никакого признания, они отправили меня в подвал ЧК, который уже заработал себе жуткую репутацию.

Коммунисты, которых я считал отвратительной накипью рода человеческого, негодяями, чуждыми туркестанской земле, тем не менее, захватили ее и деспотически распорядились ею. Сколько достойных людей погибло в этих подвалах!

---

⁷ ЧК – Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем.

⁸ *Великая хартия вольностей* – грамота, подписанная в 1215 г. английским королем Иоанном Безземельным. Ограничивала права короля, предоставляя некоторые привилегии рыцарству, верхушке свободного крестьянства и городам.

⁹ *Корнилов Петр Георгиевич* (1880–1919) – полковник. В 1918 г. принял активное участие в белогвардейской Туркестанской военной организации, тесно сотрудничал с английской разведкой при подготовке военного переворота.

¹⁰ *Корнилов Лавр Георгиевич* (1870–1918) – русский государственный и военный деятель, один из основателей белого движения, генерал от инфантерии (1917).

Несмотря на то, что меня переполняли ярость и ненависть к моим врагам, жизненные потребности оказались сильнее. Было уже поздно, и чувство голода начинало серьезно беспокоить меня.

Окно подвала, забранное железной решеткой, находилось высоко, и я смотрел на него, размышляя, получу ли я вообще сегодня что-нибудь поесть. Неожиданно раздался стук, и через решетку на пол упал небольшой сверток. Приглядевшись, я увидел за решеткой улыбающееся лицо киргизского мальчика Керимбая, служившего в моих конюшнях.

Необъяснимым образом через огромные расстояния в любое время с удивительной быстротой новости распространяются среди киргизов быстрее, чем телеграммы. «Узун кулак» – (длинное ухо) – «киргизское радио», несомненно, помогло и мне. Весть о моем аресте разнеслась, как молния, и мне доставили сверток с едой из дома. Если бы еду передавали через «Красную гвардию», а не через окно, то бутерброды и фрукты были бы съедены охраной – большевики ведь не признают частной собственности.

Для врагов рабоче-крестьянской власти освещения не полагалось, и, как только стемнело, мне не оставалось ничего другого, кроме как лечь на голые доски широкой скамьи и попытаться заснуть.

Среди ночи я был разбужен звуком открывающейся двери, чьими-то шагами и светом. Вошли два сотрудника ЧК в сопровождении пары вооруженных красногвардейцев.

– Мы пришли сообщить вам, – сказали чекисты, – что вас решено расстрелять.

– Хорошо, расстреливайте, – спокойно ответил я.

Снова я увидел на их лицах выражение такого же тупого непонимания, какое заметил раньше у следователя.

Эти дурни, напичканные марксизмом, грубые, невежественные материалисты, понимали лишь животный страх смерти. Она в их глазах была полным уничтожением личности, и ничего страшнее этого не было на свете. Чекисты всерьез полагали, что напугают меня расстрелом, но, увидев, что угрозы не возымели действия, были совершенно сбиты с толку.

Позже для запугивания арестованных большевики начали применять пытки, используя для этого китайцев и латышей, так как боялись возможного протеста своих же красногвардейцев и местных сартов¹¹. Довольно часто заключенных пытали до смерти, к примеру, ошпаривая их кипятком. Называлась такая процедура «принятие душа».

О чем-то переговорив, красноармейцы и чекисты вышли, а я снова лег и проспал до утра.

Пару дней спустя, в 11 часов ночи, конвоиры вывели меня из камеры и доставили в большую комнату. Вокруг стола, накрытого красной тканью, сидела вся местная ЧК.

Торжествуя, комиссар протянул мне лист бумаги с длинным перечнем вопросов о «Заговоре против Правительства рабочих и крестьян»: «Кто был в заговоре?», «Откуда получали средства?», «Где спрятано оружие и каково его количество?», «Какие совместные планы с британо-индийским контингентом замыслились для вторжения на мирную землю Туркестанской Социалистической Республики?»

– Если ты детально и письменно ответишь на все эти вопросы, мы простим тебя, – сказал председатель. – Но если откажешься отвечать или дашь ложные показания, мы расстреляем тебя. Подумай хорошо над этим и к завтрашнему вечеру дашь нам ответ.

Пробежав глазами по списку вопросов, я улыбнулся, возвратил бумагу и сказал:

– Расстреливайте прямо сейчас. Я не могу ответить вам ни на один из вопросов, потому что все это – бред вашей фантазии. Нет никакого заговора вовсе.

---

¹¹ В. Бартольд считал сартов отдельным этносом оседлых тюрков, отличающихся от таджиков языком, а от кочевых тюрков – образом жизни. Л. Н. Соболев писал: Сартом называется безразлично и узбек и таджик, живущие в городе и занимающиеся торговлей.

– Подумай серьезно, – снова сказал председатель, – расскажешь правду – мы дадим тебе деньги, паспорт и тайно переправим через фронт!

«Мне известно, куда вы собираетесь отправить меня в любом случае», – подумал я и ответил:

– Не было никакого заговора. Просто несколько офицеров выехали в Фергану, спасаясь от вашего преследования, ведь вы убивали каждого, кто честно боролся за свою страну. Я дал им деньги на дорогу из своих собственных сбережений.

Не добившись признания, меня снова отправили в подвал на три дня, а затем перевели в тюрьму.

Тюрьма в те дни была совершенно такой же, как и в царское время, поэтому в ней после подвалов ЧК я почувствовал себя гораздо лучше, несмотря на то, что был заключен в одиночную камеру. На второй день кто-то в маленькое смотровое окошко в двери просунул местную газету. Там была напечатана заметка, в которой торжественно сообщалось, что заговор «белых бандитов», угрожавший диктатуре пролетариата, разгромлен, а зачинщики и главный организатор арестованы. Заметка была подписана большой группой народных комиссаров¹². Время показало, как они ошибались, поспешно демонстрируя победу новой власти!

Я провел в одиночном заключении месяц. Только однажды меня вывели для прогулки во двор под охраной двух вооруженных солдат. Общение с другими заключенными и с моими друзьями, сидевшими в этой же тюрьме, было исключено. Воздух в камеру попадал через небольшое окошко под потолком, забранное железной решеткой. Через него я мог видеть лишь маленький кусочек голубого неба.

Стояла прекрасная туркестанская осень, сухая, ясная и теплая, – время миграции огромных стай с далекого севера. Ночью я часто слышал голоса перелетных птиц. Свист маленьких уток-чирков, мелодичный трубный глас журавлей, гортанные «ханг-ханг» диких гусей – все эти звуки достигали и моей камеры. Птицы, наслаждаясь свободой, улетали в теплые края, не боясь дальних путей к Индии. Как страстно я желал улететь вместе с ними в эту удивительную землю чудес подальше от штормов и тревог революции! Я вспоминал старых друзей, которых любил с детства, представлял картины великолепной природы Туркестана, припоминал счастливые моменты своей охоты. И я прощался со всем этим, зная, что каждая ночь может стать для меня последней. Я даже не мог себе представить, что однажды, как и эти птицы, тоже последую по тому же маршруту и через те же горы, пробираясь в солнечные дали Хиндустана¹³.

Каждую неделю меня под усиленной вооруженной охраной водили на допрос в ЧК. Теперь новый следователь заново допрашивал меня. Это был настоящий военный юрист, перешедший на службу к большевикам, но в географии он был профаном, полагая, что город Мешхед¹⁴ находится в Западном Китае, а Кашгар – в Персии.

Два или три охранника всегда присутствовали на этих допросах. Это были простые русские парни, солдаты старой армии. Они рассказывали мне, что большевики пытаются заключенных с невыносимой жестокостью, поэтому решили присутствовать на допросах, чтобы предупредить бесчеловечное отношение к арестованным. В это время коммунисты «демократизировали» все и допускали солдат и рабочих во все Советы и организации власти. Отношения между этими молодыми солдатами и большевистскими властями были довольно напряженными.

В тюрьме вызов любого заключенного в ЧК рождал огромную тревогу. Иногда арестованные просто исчезали или возвращались назад в самом плачевном состоянии. Однажды меня

---

¹² Напечатано в «Нашей газете» 29 октября 1918 года.

¹³ Хиндустан – устаревшее название Индии.

¹⁴ Город на северо-востоке Ирана (Персии), где находилась военная база британо-индийской группы войск во главе с генерал-майором В. Маллесоном.

продержали в ЧК с утра до 10 часов ночи. Когда я вернулся в тюрьму, тюремщик, бывший городской извозчик, достаточно хорошо меня знавший, был очень обрадован, увидев меня живым. Он воскликнул:

– Доброго здравия, Павел Степанович! Вы вернулись здоровым и невредимым! Мы очень беспокоились. Даже в уголовной части никто не пошел спать, так они беспокоились за вас.

Тюремная пища была ужасной, в основном она состояла из овощной похлебки без мяса. Но те из заключенных, у кого были в городе родные и друзья, получали от них передачи, которые делили с сокамерниками, иначе многие погибли бы от голода. Еду обычно приносили женщины. Они с тревогой ожидали у ворот тюрьмы возврата посуды. Ведь часто охранники возвращали еду со словами: «Он не желает больше обедать!» Это означало, что заключенный был ночью расстрелян.

Однажды моя жена оказалась у ворот тюрьмы как раз в тот момент, когда меня уводили в ЧК. Ворота открылись, и я увидел ее и нашего маленького фокстерьера Дэзи. У меня сжалось сердце, когда я заметил, насколько жена осунулась от постоянного переживания. Она была взволнована, ведь мы впервые встретились после моего ареста. Дэзи тоже радовалась, вновь увидев своего хозяина; и с этого дня, когда моя жена приносила мне еду, сопровождающая ее Дэзи начинала неистово копать под воротами тюрьмы.

Маленькое умное животное отлично понимало, что я был насильно заключен в этом здании, и упорно пыталось добраться до меня, желая моего освобождения. Она так сильно повредила лапы и когти, царапая камни, что жена перестала ее брать с собой. Уходя, она привязывала собаку дома, и бедная маленькая Дэзи выла от огорчения.

Наконец в один из дней следователь сообщил мне, что мои допросы закончены.

– Будьте добры сказать, в чем меня обвиняют? – спросил я.

– Собственно говоря, конкретных обвинений против вас нет. Следствие ничего не выявило, – ответил он. – Тем не менее, вы известный враг советской власти и поэтому заслуживаете строжайшего наказания.

Позже я узнал, что Совет народных комиссаров создал специальный суд для решения моей участи. «Революционный полевой трибунал» состоял исключительно из судей пролетарского происхождения и рабочих-коммунистов. На этом процессе не было ни прокурора, ни адвокатов, так как перекрестный допрос обвиняемого считался излишним.

– Вас приведут в суд, где зачитают приговор, – сказал мне следователь.

По завершении следствия меня перевели из одиночки в общую камеру № 22. Среди заключенных я встретил друзей и товарищей, которые участвовали вместе со мной в заговоре против Советов. Одинаковая судьба ждала каждого из нас – быть расстрелянным. Казнь казалась неизбежной. Не так давно десять членов Конституционно-демократической партии были арестованы и преданы смерти по одной простой причине – они принадлежали к «буржуазной партии». В зимнюю ночь бедняг вывели раздетыми на тюремный двор и стали поливать холодной водой. Когда несчастные покрылись коркой льда, пьяные солдаты изрубили их саблями.

С друзьями в камере мы обсудили ситуацию и через несколько дней смогли наладить связь с нашими соратниками в городе и даже с жителями Ферганы, выступавшими против большевиков под командованием кадровых офицеров бывшей Русской армии. Это была не простая задача, ведь тюрьма усиленно охранялась.

Утром и вечером заключенных выводили на прогулку во внутренний двор. В старом здании тюрьмы было два двора. Внешний двор через тяжелые железные ворота выходил прямо на улицу. В нем размещались конторы, служебные помещения и склады. Во внутреннем дворе, отделенном от внешнего такими же металлическими воротами, располагались камеры, кухня и лазарет.

Ворота были всегда закрыты, их охраняли вооруженные часовые. Оба двора окружала массивная высокая каменная стена, в качестве дополнительной меры безопасности опутанная

рядами колючей проволоки. Вдоль стен непрерывно, днем и ночью, патрулировали караулы из красногвардейцев. Казалось, связь с внешним миром была для нас напрочь отрезана. Но моя дружба с местным населением и случай помогли преодолеть все препятствия.

Во внутренний двор выходило маленькое окно-люк тюремного магазина. Во время прогулки заключенные могли подойти к этому люку и купить табак, спички, сухофрукты, «нан», или местный хлеб, имеющий круглую форму лепешки, а также другие мелочи.

Старый сарт, державший этот маленький магазинчик, каждое утро приходил с носильщиком, тоже сартом, несшим на плечах мешок с товаром. При входе в тюремный двор содержимое мешка обязательно и быстро осматривалось тюремной охраной.

Когда меня переводили из одиночной камеры в общую, первоочередной заботой стало попасть в ту камеру, где сидел мой хороший друг из местных по имени Абдул Каспар. Он был влиятельным человеком, пользовавшимся уважением жителей Ферганы, поэтому, видимо, большевики и посадили его в тюрьму без какой-либо причины. По их мнению, он мог быть опасен для Советской власти.

Но Абдул Каспар, как выяснилось, содержался в камере для местных. Когда ему передали, что я тоже нахожусь в тюрьме, он обратился к комиссару с просьбой перевести его в камеру № 22.

– Почему туда? – спросил комиссар с удивлением. – Разве ты не знаешь, что там находятся преступники, приговоренные к смерти?

– Там мой хороший друг Назаров-бек. Мне хочется быть с ним в его последние дни на земле, – ответил Абдул Каспар по-восточному образно.

– Хорошо. Если хочешь, можешь даже в иной мир пойти вместе с Назаровым, – ответил комиссар с усмешкой.

Спустя три дня после перевода Абдула Каспара в нашу камеру он принес из маленького магазина несколько круглых «нан» и дал каждому из нас. Это была первая передача, которую мы получили извне.

Местный хлеб делается круглой формы. В середине тонкой части простым шаблоном выдавливается рисунок, при этом по краю лепешки образуется толстый слой теста.

В рисунке каждой лепешки Абдул Каспар без труда прочитал имя и адрес того, кому она предназначалась. В шаблоне использовались буквы арабского алфавита, а в толстых краях лепешек были скрыты письма от друзей и родственников.

Наша еда, приносимая из дома, тщательно проверялась охраной, иногда даже самим комиссаром. Хлеб всегда был изломан и порезан на куски. Но никто и никогда не слышал о том, чтобы лепешки, принесенные с базара для продажи заключенным, проверялись охраной. Кто бы мог заподозрить в грязном, одетом в рванье носильщике, который таскал тяжелый мешок с базара в магазин, сына Абдул Каспара – бывшего местного щеголя?

Спустя два дня этот молодой носильщик был заменен другим – старшим по возрасту и еще более оборванным сартом с безнадежно тупым выражением лица.

– Мадамин-бек¹⁵ просит ваших инструкций для дальнейших операций против большевиков, – сообщил мне Абдул на прогулке, отведя немного в сторону. – Его посыльный сидит в магазинчике, переодетый в бедного носильщика.

На следующий день во время прогулки Абдул Каспар, яростно ругаясь по-сартски и по-русски, бросился к окну магазинчика и швырнул внутрь лепешку:

– Вы собаки, а не правоверные мусульмане! Вы беднякам заключенным продали хлеб с тараканами! Вы хуже, чем собаки, ешьте его сами! Подавитесь, и будьте вы прокляты!

Потом он прокричал что-то по-таджикски. Этот язык хорошо знали в Фергане, но его не понимал никто из молодых красно-гвардейцев, дежуривших в лавке.

---

¹⁵ *Мадамин Ахметбеков* (1893(?)–1920) – один из организаторов и руководителей басмаческого движения в Туркестане.

Таким образом в лепешке были отправлены следующие инструкции и рекомендации Мадамин-беку в Фергану:

1. Взорвать железную дорогу, разрушить мосты и дороги, ведущие в Фергану.

2. Разрушить нефтяные вышки в Фергане и этим лишить большевиков топливных запасов для железной дороги.

3. Собрать сильную кавалерию на Кендырь-Даваньском перевале, которая пройдет из Ферганы прямо через горы к Ташкенту и нападет на советские части, когда поднимется мятеж в Ташкенте. Необходимо достичь города ночью и нанести тяжелый удар в тыл большевикам.

От наших друзей в городе мы получали хорошие новости. После недолгого замешательства, последовавшего за моим арестом, они возобновили подготовку к мятежу.

Часть рабочих города была против Советов и примкнула к нашей организации. Но я не особенно доверял им, подозревая, что они могут предать нас в самый решительный момент и перейти на сторону большевиков.

Весть о готовящемся мятеже ободрила нас. Остальных заключенных, не посвященных в наши планы, удивлял наш беззаботный вид и бодрое настроение. Хотя и для нас оставалось неясным: успеют ли большевики привести приговор в исполнение до начала восстания? Мы удивлялись, почему ЧК медлит. Судя по тюремным слухам, я стоял первым в расстрельном списке.

Позднее я узнал, что задержка была вызвана успешным продвижением британо-индийского военного контингента, действующего совместно с отрядами белых. Они были уже в Чарджоу на Амударье. Их прибытие в Ташкент было делом двух дней. С севера, как я уже упоминал, казаки двигались на юг, и в Семиречье в этот момент было восстание против большевиков. Туркестанская Советская Республика оказалась в незавидном положении. Комиссары, как огня, боялись казаков атамана Дутова и повстанцев, зная, что пощады от них не дождутся. Меньшей опасностью для большевиков были англичане, которые могли воздержаться от расправы над коммунистами. Кроме того, мои британские друзья информировали комиссаров, что если хоть один волос упадет с головы у кого-либо из политических заключенных, то с обидчиками не будут либеральничать и всех немедленно повесят.

Глава II Восстание

Жизнь в тюрьме текла монотонно и ужасно скучно, особенно это ощущалось долгими зимними вечерами. Дав охраннику сто рублей, чтобы он не обращал внимания на нашу камеру, мы, раздобыв керосиновые лампы, засиживались допоздна, коротая время в бесконечных разговорах.

Как-то в нашу камеру смертников вошел глава советского правительства в Туркестане Вотинцев¹⁶. Я знал его еще в то время, когда он был студентом Электротехнического института в Петрограде. Хорошо знал и его жену. Их принимали в нашем доме. Вотинцев, так и не закончив института, подался в ряды большевиков. Как видно, он стал одним из лидеров новой власти.

Я с трудом узнал его. Вместо юного, прекрасно выглядевшего, жизнерадостного студента передо мной стоял худой, бледный, постаревший, невротического вида человек, небрежно одетый, с грязными руками и нечесаными волосами.

Полагая, что я имею связи со штабом британских сил и осведомлен о планах их действий, он пришел ко мне прояснить ситуацию. Его страшила мысль о возможности захвата Ташкента британцами. Вотинцев не верил, что части Красной армии смогут оказать им серьезное сопротивление.

– Если британцы захватят весь Туркестан, не сделают ли они его, как Индию, своим доминионом? – спросил он меня с тревогой.

Я попытался объяснить ему полную невозможность последнего ввиду бесполезности нашего Туркестана для Британии.

– Но хлопок? Неужели у них достаточно хлопка для промышленности? – продолжал расспросы Вотинцев.

– Если британцам не будет хватать хлопка из Индии и Египта, не выгоднее ли его импортировать из США, чем из Туркестана? – вопросом на вопрос ответил я.

– Тогда что им здесь нужно? Почему британцы нацелены на Ташкент? – спросил он раздраженно.

---

¹⁶ *Вотинцев Всеволод Дмитриевич* (1892–1919) – председатель Туркестанского ЦИКа, член Верховной коллегии по обороне республики.

Неприятное лицо этого ренегата было столь перепугано, что я невольно улыбнулся, когда Вотинцев выходил из моей камеры. Но я тут же поспешил скрыть свою веселость, чтобы охрана ее не заметила. Было необходимо соблюдать осторожность.

Забегая вперед, скажу, что месяц спустя, в ночь с 18 на 19 января 1919 года, когда белые подняли мятеж в городе, Вотинцев вместе с другими комиссарами был убит¹⁷.

Я услышал об обстоятельствах его смерти от одного из белых офицеров, принимавшего участие в расстреле большевиков.

– Эти головорезы перед лицом смерти оказались жалкими трусами, – рассказал он. – К примеру, Вотинцев. Он упал на землю к моим ногам и, пресмыкаясь, умолял о пощаде. Обещал отказаться от своих ошибок и помогать нам в борьбе с коммунизмом! Он плакал как ребенок: «Мама, мама, как я хочу жить!». Я вспомнил, сколько людей они расстреляли в Туркестане и, без сожаления, пустил ему пулю в лоб.

Вскоре после визита Вотинцева, охранники информировали нас, что в подвалы ЧК помещен капитан А., прибывший из Ферганы. Он был одним из тех, кого я послал к полковнику П. Г. Корнилову. Я не мог поверить сообщению, так как у капитана под началом был вооруженный отряд из местных джигитов, и сдать его живым он не мог. Когда же новость была подтверждена, стало ясно, что большевики устроят мне очную ставку с капитаном, чтобы узнать о наших связях. Эта встреча могла стать для него фатальной. Я-то уже давно был приговорен.

Однажды утром меня привели в ЧК под усиленной охраной из десяти человек.

Вскоре в комнату ввели капитана А., было видно, что он подавлен своим провалом.

Я приблизительно знал, что он сказал на предварительном следствии, какую избрал линию защиты, как объяснял свое присутствие среди местных жителей Ферганы, где и при каких обстоятельствах был арестован.

В ожидании начала допроса наши охранники затеяли глупейшую дискуссию, ругая капитализм, буржуазию, угнетавшую рабочий класс и тому подобное. Я ввязался в их разговор, сделав несколько провокационных замечаний. Они набросились на меня, горячо доказывая свою правоту. Для большевиков я был непримиримым противником и «классовым врагом». Во время этого краткого спора я пытался сообразить, в чем меня обвинят, как мне защищаться и как должен вести себя с капитаном А. Он, поняв мои намерения, тоже вступил в оживленную дискуссию. Благодаря нашему спору с этими глупцами, мы быстро выяснили друг у друга все, что нам было нужно, и когда следователь вошел в комнату, уже знали, что отвечать и как говорить с ним.

После этого допроса капитана бросили в нашу камеру № 22, что означало одно: его судьбу решит пуля.

А. поведал нам печальную историю о том, как он попал в руки большевиков. Капитан и еще один офицер Р. со своим четырнадцатилетним сыном были в отряде Мадамин-бека, успешно проводившим операции против большевиков, рассеивая воинские соединения красных одно за другим.

Однажды они услышали, что Мадамин-бек собирается напасть на русскую деревню Мын-Тюбе. Надо признать, что у него для этого были веские основания. Поселение располагалось на землях, отнятых у коренного населения царским правительством, да и сами переселенцы были отчаянными головорезами, бежавшими из Центральной России, где оставаться им становилось опасно. Они притесняли здешнее население, ненавидевшее переселенцев за постоянные оскорбления.

---

¹⁷ После начала мятежа военком Туркестанской республики Константин Осипов провозгласил себя военным диктатором. Вечером 18 января председатель ЦИК В. Д. Вотинцев, председатель Ташкентского совета Н. В. Шумилов, его заместитель В. Н. Финкельштейн, а также председатель Туркестанского ЧК Д. П. Фоменко приехали к Осипову выяснить обстановку. Он отдал приказ о расстреле комиссаров.

Русские офицеры пытались отговорить Мадамин-бека от его намерений, которые могли быть фатальными во всех отношениях, не говоря уже о неизбежной потере доверия русских поселенцев к восстанию, так успешно начатому коренным населением против большевиков. Я думаю, что Мадамин-бек сам понимал это, но не мог удержать своих сторонников. Когда все попытки увещевания были исчерпаны и нападение уже совершенно точно было предрешено, А. и Р. со своим сыном, покинули отряд и поскакали в Мын-Тюбе, где предупредили жителей о предстоящем нападении. Жители Мын-Тюбе были не особенно уверены в своих силах, поэтому они попросили помощи у советской власти. Но пока эта помощь в виде отряда Красной армии в сопровождении комиссара ЧК прибыла, нападение киргизов уже было отбито с большими потерями со стороны нападавших.

Жители Мын-Тюбе сполна подтвердили свою дурную репутацию. Первым делом по прибытии красных войск они передали с рук на руки агентам ЧК своих спасителей А. и Р., как «имперских офицеров». Даже командир красного соединения был удивлен таким поступком.

Двумя годами позже меч Немезиды сделал свое дело. Поселение Мын-Тюбе было захвачено отрядом местных басмачей и все дома были сровнены с землей, а жители порублены саблями.

Бедный капитан А. был подавлен и удивлялся нашему бодрому состоянию духа.

– Благодарю вас, господа, – говорил он. – Ваша забота и вера в благополучный исход могут поддержать меня, но все это бесполезно, ведь все мы, без сомнения, скоро умрем.

Мы успокаивали его, рассказывая о приготовлениях к восстанию, о нашей надежде на освобождение, несмотря на грозящий нам расстрел.

Через тайную почту, приходящую через магазин, нам сообщили, что дата начала восстания скоро будет определена. Это известие нас обрадовало, и мы сами принялись разрабатывать планы освобождения из тюрьмы.

Наши друзья на свободе получали сведения через девушку, которая работала машинисткой в ЧК и к тому же имела возможность добывать бланки документов с официальными штампами и подписями комиссаров. Так был написан приказ тюремной администрации прислать всех заключенных камеры № 22 в ЧК. Конвой, составленный из десяти наших людей, переодетых в красноармейскую форму, должен был доставить этот приказ в тюрьму в обеденный час, когда комиссары уходили на трапезу. На месте оставался лишь один секретарь, дежуривший у телефона на случай экстренных звонков. Оставалось выбрать день и обозначить дату на приказе.

Как-то в эти дни ожидания мне представилась прекрасная возможность побега. В то утро я был доставлен в ЧК для допроса, но держали меня там до поздней ночи, где я отвечал на бесчисленные вопросы следователя. Когда, наконец, они меня отпустили и я вышел в коридор, все мои конвоиры крепко спали. Можно было незаметно выйти на улицу и скрыться в темноте ночи: в то время не было уличного освещения. Но я знал, что мое исчезновение вызовет переполох в тюрьме и навлечет на моих товарищей чрезвычайные репрессивные меры, сделав общий побег невозможным: с них начнут просто «взимать за расходы», как цинично назывались здесь тайные пытки заключенных.

Во время прогулок в тюремном дворе я познакомился с двумя интересными туркменами, привезенных из Транскаспийской провинции. Первый – чрезвычайно высокий молодой человек, чей рост превышал два метра! Он ужасно страдал от голода, у него здесь не было ни друзей, ни денег, а тюремная еда была невыносимо плохой. Я начал делиться с ним обедом, и бедный парень быстро восстановил силы. Он был из богатой семьи и гордился тем, что собственноручно срубил саблей немалое количество голов красноармейцев и комиссаров. Я представил себе, как величественно выглядел этот молодой гигант с ятаганом в руке верхом на великолепном туркменском скакуне! Захватили его не в честном бою, а был он предательски схвачен во время перемирия вместе со своим другом, влиятельным туркменом по имени

Джунаид-хан¹⁸. Большевики не считали себя связанными обещаниями, данными «классовым врагам», и потому арестовали их во время намаза в мечети.

Его друг, второй заключенный, Джунаид-хан, был человеком пожилого возраста, вождем десяти тысяч туркменских семей, которых он вывел из Афганистана на Российскую территорию много лет назад. Он пользовался непререкаемым авторитетом среди своих соплеменников. Даже здесь в тюрьме его адъютант, прекрасно выглядевший туркмен с длинной черной бородой, был рядом с ним. У Джунаид-хана тоже не было никаких денежных средств, и я предложил ему воспользоваться нашей секретной почтой для получения денег с воли от его сторонников. После этого Джунаид-хан начал усиленно уговаривать меня уйти с ним в туркменские степи, как только мы освободимся.

– Я дам тебе все, что захочешь, – убеждал он меня. – Войлочный шатер с коврами, утварью и скотом, прекрасных лошадей бадахшанской породы. Они есть только в Афганистане! Их вывоз оттуда строжайше запрещен!

Одно время я даже серьезно подумывал уйти с ним, но мои обязательства перед «белым» движением держали меня в Туркестане. Джунаид-хан при первом же удобном случае снова вернулся в степи Туркмении, и вел жестокую и непрерывную войну против большевиков за свободу своего народа. В конце концов, потерпев поражение, он ушел с большими силами в Персию, и уже оттуда вынужден был бежать в Афганистан. В течение одиннадцати лет Джунаид-хан, не имея помощи со стороны, в одиночку продолжал неравную схватку. Несмотря на свой возраст, он не сложил оружия, не уступил заманчивым предложениям советского правительства, упрямо отстаивая свою свободу, свою религию и свои обычаи. Все эти годы Джунаид-хан со своими джигитами наводил ужас на большевиков. Жаль, что его прекрасному примеру не последовали русские люди, живущие в Туркестане и не согласные с новой властью.

Наконец, после многочисленных задержек, приносящих нам горькое разочарование и отнимающих последние надежды, день или, вернее ночь предполагаемого восстания была назначена на канун Нового года. Предполагалось, что все комиссары будут пьяны.

С каким нетерпением мы ждали этот день! Но тут возникла новая отсрочка по каким-то непредвиденным причинам, и наши сердца сжались от предчувствия скорой казни. Ведь ЧК, думали мы, может исполнить смертный приговор именно в канун Рождества, чтобы напомнить населению, что красный террор все еще в силе. Кроме того, рассуждали мы, тюремная охрана в праздник будет непременно пьяна и может по собственному усмотрению решить разобраться с «контрреволюционерами и врагами пролетариата».

Основные силы подпольной организации, готовящей восстание, были сформированы из офицеров старой армии, местной молодежи и части красного гарнизона, под командованием офицера по фамилии Осипов¹⁹. Мне говорили, что и некоторые рабочие готовы были принять участие в восстании. Я боялся, что среди них мог легко затесаться провокатор, способный выдать наши планы большевикам.

Третьего января наша секретная почта принесла хорошие новости о том, что дата восстания определена на 6-е января – канун Крещения – важный праздник в России. Эта ночь для верующих людей полна мистического смысла, в эту ночь в селениях на всех воротах, дверях и окнах рисуют кресты. Девушки гадают, пытаются узнать свою судьбу и будущего супруга.

Мы же надеялись, что утром 6-го января, счастливо выпавшее на воскресенье, наша тюрьма будет взята штурмом, и мы получим долгожданную свободу.

---

¹⁸ Джунаид-хан – *Мухаммед-Курбан Сердар* (1857–1938) – один из руководителей басмачества в Хорезме и в Туркмении.

¹⁹ *Осипов Константин Павлович* (1896–1919) – подпоручик, коммунист. В 1918 г. окружной военком Туркестанского военного округа, нарком по военным делам Туркестанской АССР (1.05.1918–19.01.1919). В январе 1919 г. возглавил антисоветский мятеж в Ташкенте. После подавления мятежа с небольшим отрядом скрылся в горах, позже бежал за границу и по дороге убит напарником.

Приближался не только час освобождения, но и миг торжества белого движения, свободы, порядка и христианских идеалов над темными силами большевизма. Все мы уже предвкушали наступление того сладкого часа, когда будем в силах отомстить этим детям ада за то зло, которое они принесли нашей стране. И в то же время чувство тревоги не покидало нас: что-то могло пойти не так, как было задумано. Могла возникнуть любая непредвиденная помеха до наступления одиннадцати часов, контрольного времени начала восстания. Но в душе мы не сомневались в успехе.

Накануне вечером мы разработали план операции, распределили роли каждого из нас, если вдруг придется принять непосредственное участие в схватке.

Утро 6-го было прекрасным и ясным, легкий иней покрыл ветви деревьев. Во время утренней прогулки по тюремному двору мы получили нашу обычную почту через магазинчик с новостями о том, что тюрьма будет окружена ночью, и штурм начнется в десять часов утра.

Тюремный комиссар, словно предчувствуя назревающие события, ходил среди заключенных, внимательно приглядываясь к ним. Наконец он собрал нас вокруг себя и объявил, что в тюрьму занесли «испанку»²⁰. Двое заключенных в уголовном отделении умерли вчера, поэтому все сношения с внешним миром с этого дня не допускаются. Также запрещаются передачи пищи из дома на неопределенное время, и мы должны будем довольствоваться только тюремной едой.

– Вы не можете винить рабоче-крестьянское правительство во всех тех несчастьях и лишениях, которые сейчас испытывает наша страна, – сказал он в заключение. – В этом виновата сама история.

«Кто ты такой, чтобы снимать вину за все нынешние грехи со своих приятелей-коммунистов?» – подумал я.

«Ничего, негодяй, через несколько часов ты будешь болтаться на ближайшем тополе», – этими мыслям я не мог не улыбнуться.

– Над чем ты смеешься? – резко спросил комиссар.

– Я счастлив! – ответил я и добавил, улыбаясь еще шире. – Посмотрите, какое прекрасное солнечное утро, какое голубое небо!

– По своим камерам – марш! – выкрикнул комиссар в диком раздражении. – Не хотите слушать науку?

Вернувшись в помещение, все буквально попадали от безудержного смеха. Мы не могли контролировать себя, находясь в предельном нервном напряжении. Дверь громко закрылась, и ключи звякнули в замке.

«В последний раз», – прошептал я про себя.

Потом я лег на свои нары и заставил себя читать книгу Жюль Верна «Путешествие на Луну», взятую из тюремной библиотеки.

Время тянулось безнадежно медленно. Все то и дело посматривали на часы. Стрелки неуклонно продвигались по циферблату, приближаясь к заветной цифре. И вот они показывают ровно десять часов. Все взоры прикованы к ним. Обострившимся слухом мы ловим малейшие звуки, доносящиеся к нам из города. Так прошла четверть часа.

– Что-то непредвиденное произошло, какая-нибудь случайность, все очень тихо, – нервно сказал один из нас.

– Терпение, господа, терпение! – попытался успокоить другой.

Действительно все было совершенно неподвижно, ничего необычного для этого утреннего времени не происходило. С улицы не доносилось ни звука.

Прошло еще десять минут.

---

²⁰ «Испанка» – самая массовая пандемия гриппа (1918–1919) за всю историю человечества в абсолютных цифрах как по числу заразившихся, так и умерших.

Вдруг мертвая тишина разорвалась залпом из сотни ружей и пули застучали по крыше здания.

– Все от окон! – закричал я. – Жаль будет погибнуть от дружеской пули!

Громкие вопли и стоны последовали за залпом. Потом поднялся страшный шум, топот бегущих людей – это отступали красногвардейцы... затем взрыв...

«Видимо, взорвали ворота внешнего двора!» – догадались мы.

Затем шум еще больше усилился, прозвучало несколько отдельных выстрелов и донесся топот лошадиных копыт.

Мы услышали, как ворота внутреннего двора с треском распахнулись, и внутрь ворвались всадники.

Раздались крики:

– Откройте камеру № 22. Быстрой!

Мы услышали звон ключей в дрожащих руках охранника, пытавшегося попасть в замочную скважину. Наконец дверь распахнулась, и на пороге появился мой старый друг капитан В., в полной форме русской армии при эполетах и шпорах.

– Выходите, господа! – сказал он, улыбаясь нам. – Город полностью в наших руках! Все комиссары, кроме одного, расстреляны, а здание ЧК со всем его содержимым взорвано.

Мы приветствовали его громкими возгласами. Вот она – долгожданная свобода!

Но мы не торопились покинуть тюрьму. Заранее было решено проследить, чтобы в суматохе на волю не вышли опасные уголовники. В камеру принесли книги из конторы, и мы стали работать.

Между тем оба тюремных двора заполнились белыми войсками и жителями города.

Наша работа была скоро прервана появлением двух офицеров в сопровождении одного или двух гражданских, которые настаивали на том, чтобы мы вышли на улицу.

– Люди очень обеспокоены тем, что не видят вас, – сказал один из офицеров. – Они боятся, что вы снова будете схвачены красными. Выйдите и покажитесь им. Все беспокоятся за вас, хотят убедиться, что вы живы и в добром здравии.

Мы оставили книги и вышли. Во внутреннем дворе, заполненном толпой, устроившей нам бурную встречу, я увидел курьезную сцену.

У массивной тюремной стены стояла дрожащая фигура. Это был мужчина, более похожий на обезьяну, чем на человека, среднего роста, крепко сбитый, с длинными руками, неуклюжим тяжелым телом, спутанными черными волосами, очень низким лбом и маленькими синими глазами.

Напротив, всего в нескольких шагах, на ступенях тюрьмы стоял молодой князь С., направив на него дуло револьвера. Князь повернулся ко мне, как бы спрашивая взглядом, стоит ли ему нажимать на спусковой крючок.

– Простите! Простите меня! – слова человека, охваченного ужасом, сливались в какой-то дикий вой и мало походило на человеческую речь. – Я всегда был против жестокости... Я всегда был против расстрелов... Я защищал буржуа... Я буду помогать вам... Пощадите меня...

Невольно улыбнувшись, я узнал в нем военного комиссара Пашко²¹. На его счету были тысячи смертей, сотни человек, замученных зверскими пытками. До Ташкента он участвовал в диких расправах большевиков в Севастополе, когда были расстреляны десятки тысяч офицеров и солдат Белой гвардии. Я вспомнил его знаменитые слова: «Встретитесь на дне морском», – они были произнесены Пашко в след утопленным его людьми сотням офицеров старого военно-морского флота. Безоружных либо расстреливали в упор, либо живыми топили в

---

²¹ Пашко – среди ведущих военных комиссаров Туркестанской АССР такой фамилии не значится. Бейли пишет, что Пашков «был один из лидеров мятежа на Черноморском флоте в Одессе».

море, привязав к ногам груз. И этот человек, известный своей жестокостью, молил о пощаде! Пашко был настолько жалок, что смех прошел по толпе.

– Оставьте его пока, – сказал я князю. – Мы должны допросить его, он может сообщить нам немало полезных сведений.

Комиссара посадили в грузовик и увезли в штаб восстания.

Я подумал, что революции выводят на роль вождей отъявленных негодяев, неспособных даже достойно умереть. Только отсутствием благородства, можно объяснить их удивительную трусость, когда дело касалось их собственной жизни.

На улице я встретил толпы людей, и русских, и местных, все счастливо улыбались. Они окружали меня, поздравляли с освобождением, пожимали мне руки и обнимали.

Внезапно все замолкли. Радостные крики сменились тревожным шепотом. Я огляделся в поисках причины, изменившей настроение людей. В дальнем конце улицы появился отряд всадников, стремительно скачущих к нам. «Что это? Кто они? Красные или белые? Друзья или враги?» – тревожные мысли замелькали у меня в голове. Толпа затихла, оцепенев. Люди, испытавшие многое и только что – радость освобождения, ждали с тревогой возможного возвращения кошмара.

Вдруг из тысяч глоток вырвался крик: «Ура!»

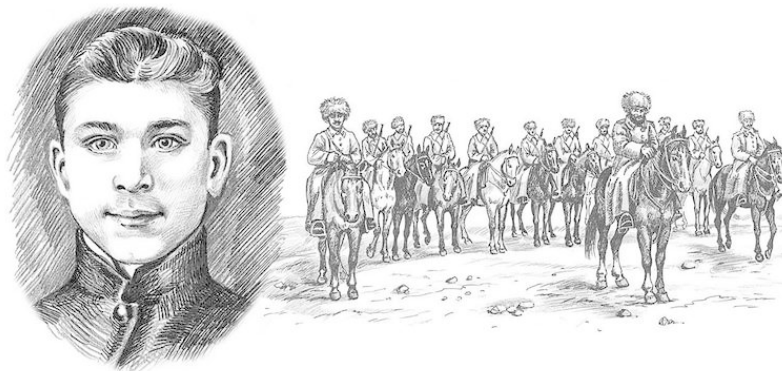
Это был кавалерийский отряд белых, посланных генералом Л.К. к нам на помощь, он думал, что тюрьма все еще не была освобождена.

Я шел домой очень медленно, меня останавливали и приветствовали со всех сторон. Я был окружен добротой и вниманием: друзья и даже совершенно незнакомые люди подходили, протягивали руки, обнимали и целовали меня. Улицы были переполнены людьми, вздохнувшими с облегчением после четырнадцати месяцев пребывания под игом большевиков.

Церковные колокола радостно возносили благодарность небесам за избавление от власти зла. День был прекрасный, солнечный, небо голубое, с легким морозным воздухом, как будто сама природа была заодно с ликующими людьми. Это был момент триумфа! Мы наивно думали, что земля окончательно освобождена от разбойников. Всего тридцать часов езды на поезде отделяли нас от британских сил, стоящих в Чарджоу, которые, казалось, не могли встретиться с каким-либо реальным сопротивлением.

А дома меня ждала жена и обезумевшая от радости Дэзи...

Глава III Роковые дни

Через двое суток ранним утром город проснулся от винтовочных выстрелов и грохота оружейных залпов²². Рабочие, поначалу поддерживавшие мятеж, перешли на сторону Советов. На третий день Ташкент был снова в руках толпы, ведомой коммунистами. Они брали реванш. Грабежи и массовые убийства были в полном разгаре. Своими глазами я видел, как погибли глава и сестра милосердия шведского Красного креста²³. Большевики тащили знакомую мне несчастную девушку вместе с ее матерью к железнодорожным мастерским, откуда уже никто не возвращался живым.

Были арестованы более пяти тысяч просвещенных людей, объявленных неблагонадежными. Им приказали вырыть общую могилу, раздели догола и расстреляли²⁴, потом наспех едва присыпали землей. Среди казненных был и молодой князь С. Раненый, он упал поверх кучи трупов, и на этой жуткой постели пролежал неподвижно много часов. Ночью князю удалось добраться домой. Оказалось, что его отец к тому времени уже был убит, а мать, увидев своего мальчика обнаженным и окровавленным, лишилась разума. Сестра обмыла брата, перевязала раны, уложила в постель, но на следующий день по доносу соседей пришли большевики и расстреляли их обоих. Стояла холодная снежная зима, и протяженные потоки замерзшей крови еще долгое время были видны на дорогах и тротуарах города.

Без лошади я не мог последовать за отступающей горсткой белых и нашел убежище в доме, где до этого скрывался британский офицер²⁵. Рядом с кроватью была потайная дверь, и буфет сдвигался так, что можно было спуститься вниз, в подвал, и переждать там опасность. Она буквально ходила за мной по пятам. В городе шли повальные обыски, искали спрятав-

---

²² Комендант военной крепости левый эсер Иван Белов отказался, несмотря на ультимативные требования Осипова, сдать крепость и тем самым лишил мятежников источника оружия и боеприпасов. Контингент крепости в тот момент в основном состоял из отрядов венгров-интернационалистов – бывших австро-венгерских военнопленных, вступивших в Красную армию и оставшихся верных советскому правительству Туркестана. Решительные действия Ивана Белова, начавшего обстрел шестидюймовыми гаубичными снарядами штаба мятежников в казармах 2-го стрелкового полка, и действия вооруженного отряда рабочих железнодорожных мастерских под командованием левого эсера Г. А. Колузаева предопределили исход мятежа.

²³ Миссия шведского Красного креста прибыла в Ташкент в марте 1916 г., ее задачей было облегчить положение австро-венгерских пленных, количество которых достигало в лагерях вокруг Ташкента около 150 тысяч. При подавлении антисоветского мятежа большевики арестовали и расстреляли Клеберга – главу шведской миссии.

²⁴ «Несмотря на то, что в ночь на 21 января было уничтожено 2,5 тыс. мятежников, в течение первой последующей недели было уничтожено еще 6 тыс. человек, заподозренных в связях с мятежниками. Затем чекисты произвели аресты еще 700 человек, которых потом ежедневно по 10–12 человек убивали в тюрьме». С. В. Волков. Трагедия русского офицерства», М., 1999, 382 с.

²⁵ Речь идет об известном английском разведчике полковнике Фредерике Маршмане Бейли.

шихся мятежников. Однажды в течение дня в наш дом красноармейцы приходили не менее семнадцати раз. Особым рвением отличались венгры – бывшие австро-венгерские военнопленные, перешедшие на сторону большевиков. Правительство «трудящихся масс» было поистине интернациональным!

Мне сообщили, что советские власти узнали о моем убежище, и пришлось спешно покинуть укрытие. Вечером 12 января, когда солнце скрылось за аллеей высоких тополей, а дома терялись в мистической дымке, я вышел из города. Морозный снег хрустел под ногами. Одетый в рабочую робу и с фальшивым удостоверением в кармане, я сумел пройти через красный патруль на окраине города.

Мог ли я тогда подумать, какая мне предстоит длинная и долгая одиссея через всю Центральную Азию, таинственную землю Тибета и через Гималаи в долины Хиндустана? Я верил, что скоро вновь вернусь домой. Ведь британские силы стояли на Амударье, а с севера надвигалось войско атамана Дутова. Вопрос захвата Туркестана казался делом нескольких дней.

В течение недели я скрывался у друга, чей дом стоял у дороги, по которой шли постоянным потоком большевистские подводы, грузовики и красная кавалерия. Дни проходили в постоянной тревоге. В любую минуту могли войти в дом с обыском, который обернулся бы для меня и моего друга расстрелом. Лишь долгие холодные ночи приносили немного покоя и отдыха. Ночью никто сюда не приходил, но это отнюдь не приносило радости – с рассветом начинался новый день, такой же неопределенный и тревожный, как и предыдущий.

Однажды мой хозяин попросил разрешения пригласить своего родственника с женой для знакомства со мной.

– Он не большевик, даже совсем наоборот. Он против советской власти, но вынужден служить у них как мобилизованный большевиками, – пояснил мой друг.

Я согласился, потому что хорошо знал отца этого человека, типичного «буржуя», как теперь именовали представителей среднего класса. На следующий вечер гости пришли, молодая приятная пара осталась у нас на ночь, так как никому не разрешалось передвигаться по дорогам после наступления темноты. После скудного ужина молодой человек рассказал нам об интересном случае, который произошел пару месяцев назад, когда он с отрядом Красной армии был в Чарджоу.

Так вот однажды ночью там произошла ужасная суматоха. Со станции Ак-Кум²⁶ пришла срочная телеграмма, сообщавшая, что красные части, окруженные британскими и индийскими солдатами, сдались. Вслед за этой новостью по телеграфу пришел ультиматум, приказывающий немедленно выбрать комитет из беспартийных представителей местных жителей и передать им управление городом, а также сдать все оружие. В ультиматуме говорилось, что сопротивление бесполезно; англичане идут на город, и в случае невыполнения выдвинутых условий все коммунисты будут повешены. Большевики в Чарджоу были в панике, большинство комиссаров согласилось подчиниться ультиматуму. Меньшинство же предлагало просить отсрочку до следующего полудня и в течение этого срока направить отряд с бронепоездом на рекогносцировку. Так и сделали. Рано утром рассказчик в составе красного отряда на бронепоезде отправился в рискованную разведку. Все участники событий ужасно боялись встречи с грозным врагом: были наслышаны о меткости индийских стрелков и английских артиллеристов. Когда отряд приблизился к станции Ак-Кум, его боевой дух был совершенно подорван, и многие предлагали повернуть назад. Был отдан приказ остановить паровоз, выгрузиться и далее осторожно продвигаться пешим порядком.

На станции не было видно ни души. Отряд решил, что это может быть ловушкой. Им позволят подойти совсем близко, а затем неожиданно орудийными залпами расстреляют со

---

²⁶ Событие произошло на станции Караул-Кую (Голинков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР (1917–1925), Политиздат, 1975 г. стр.281–282).

всех сторон. Красноармейцам такая ситуация явно не нравилась. С трудом командиры заставили отряд продвигаться вперед. Красноармейцы подошли совсем близко к станции. Стояла такая зловещая тишина, что нервы у всех были напряжены до предела. Казалось, раздайся в этот момент хоть один выстрел – весь отряд бежал бы в панике прочь. Но все было тихо. На станции не было видно и следа врага. Красные, немного осмелев, произвели разведку станционных строений. В одной из комнат они обнаружили начальника станции и его помощника, а в караульном помещении – сорок солдат и железнодорожников, обезоруженных и запертых. Никто из них не мог ясно объяснить, что же случилось. Говорили, что ночью на станцию прибыла делегация белых и британских военных, которая заявила, что станция окружена и во избежание ненужного кровопролития, было приказано сложить оружие. Так и произошло, и арестованных заперли. Что случилось потом с этой «делегацией» никто из бывших на станции людей не знал.

Мой собеседник рассказал, что, поднявшись на водонапорную башню, увидел в далекой низине между двумя барханами две человеческие фигурки и маленькую собачку с ними. Тут же была организована погоня, и вскоре одного задержанного привели. Это был студент Мошков, другой – офицер по фамилии Бомбчинский – был смертельно ранен и брошен умирать в пустыне. Выяснилось, что эти двое, переодетые в красноармейскую форму, приехали на поезде из Ташкента, незаметно вышли на станции Ак-Кум, перерезали телеграфные провода, арестовали и закрыли начальника станции и его помощника, разоружили и заперли всю охрану. Потом они восстановили связь и послали одно сообщение в Чарджоу, другое – красному командованию в Ташкент о том, что станция Ак-Кум взята, а британские войска уже подходят к городу и призвали их разоружиться. Паника среди большевиков была полная.

Мошкова хотели расстрелять на месте, но его блеф был настолько смелым и оригинальным, что даже красные пощадили его, и было решено отправить задержанного в Ташкент, чтобы ЧК выпытала у него имена сообщников.

– Но почему же вы пошли служить большевикам? – спросил я своего нового знакомого. – Почему не притворились, что не заметили тех двух людей вдаль? Вы же не большевик, а теперь и вы причастны к смерти этих двух отважных героев.

– Когда вас мобилизуют в Красную Армию, и потребуют подчиняться дисциплине, тогда вы сделаете все, что они скажут, и забудете все ваши прежние симпатии, – с горечью ответил он.

Этот ответ прекрасно характеризует беспринципные массы русских людей, позволивших разрушить свою страну, будучи сегодня белыми, а завтра красными, с одной только мыслью: сохранить свою ничтожную жизнь.

Я знал о рассказанном случае и раньше. Мошков был брошен в тюрьму, когда я еще находился в ней, и он сам поведал мне эту историю. Я также хорошо знал и Бомбчинского – находчивого, опытного и смелого офицера. Когда он жил в Ташкенте, ему удалось раздобыть телеграфные аппараты, и с них он отправлял советским комиссарам различные телеграммы, наводившие на них панику. Когда возникла необходимость послать надежного человека в Кашгар с очень важной миссией, мой выбор пал именно на него. Бомбчинский, никогда до этого не ездивший верхом, сел на лошадь и отправился в длительное и опасное путешествие через горные перевалы, объезжая стороной поселения и прячась от патрулей. Он отлично выполнил поручение и успешно вернулся назад, но в это время, к сожалению, я уже был в тюрьме. Немного позже, когда американская миссия хотела послать важную депешу в Персию для передачи в дальнейшем своему правительству (советские власти отказались отправить ее телеграммой по своим каналам), эта задача тоже была поручена Бомбчинскому. Он привлек к ее исполнению Мошкова, они добрались на поезде до станции Ак-Кум, передали депешу и совершили там свой дерзкий трюк. После короткой перестрелки Бомбчинский был ранен в живот и был оставлен умирать в пустыне. Мошков вынужден был сдаться большевикам.

Через несколько дней я узнал, что белые, отступая по Чимкентской дороге, завернули в горы. Я решил не испытывать судьбу и оставить дом друга. Он помог мне раздобыть лошадь, и я двинулся в сторону Чаткала, надеясь соединиться там с отступающим отрядом.

Был очень сильный мороз, и лежал глубокий снег. Болота и ирригационные каналы перемерзли, так что я без особых помех добрался до окраины села Никольское, где уже побывали большевики. Моя лошадь была старой, едва тащившейся кобылой, и у меня не было даже слабой надежды при встрече уйти от красных. С каким сожалением я вспоминал, как много раз проезжал по этой самой дороге на своих собственных лошадях, которые могли обогнать и оставить позади любого всадника. Сейчас дорога была пустынна и свободна, как будто некий гибельный мор прошел над землей. На лицах случайных прохожих я видел уныние и страх. Диктатура пролетариата повсюду оставляла свои отметины.

На закате я добрался до дома знакомого богатого киргиза по имени Джакши-бай. Он думал, что я давно расстрелян, и был сильно удивлен, увидев меня. Он не скрывал своей радости.

– Куда ты едешь, тахир²⁷? – спросил он.

– Собираюсь поохотиться в горах, – уклончиво ответил я.

– Хорошо, но на ночь ты должен остаться здесь, – сказал Джакши-бай.

Когда мы вошли в дом и остались одни, он сказал:

– Тахир, скажи мне правду, ведь ты здесь не для охоты. У тебя нет ружья и собаки. Ты совершенно один.

– Да, Джакши-бай, ты прав. Мне нужно встретиться с отрядом белых, который этим путем идет к Чимкенту: ты что-нибудь знаешь о них?

– Если хочешь, я дам тебе своего племянника в проводники. Он проведет тебя ночью прямо в горы через степь. Но ты должен поспать, да и твоя лошадь устала. Завтра утром я узнаю про твоих друзей на базаре от киргизов, которые спустились с гор.

Я с радостью согласился на его предложение. После чая и великолепного плова я улегся на удобную постель из стопки мягких ковров, постеленных на полу, и меня укрыли теплым тулупом из волчьей шкуры.

В течение ночи жена Джакши-бая просыпалась несколько раз присмотреть за своим младенцем, и каждый раз заботливо поправляла покрывало, думая, что мне холодно.

Утром Джакши-бай надел тулуп и шапку из лисьего меха, оседлал самую лучшую лошадь и поехал на базар. Он вернулся домой только поздно вечером, пешком, без тулупа и шапки и даже без хлыста.

– Вся дорога забита красными войсками, которые преследуют белый отряд, – грустно сказал он. – Они забирают себе лошадей, одежду – все, что захотят. Они реквизируют мою лошадь, тулуп и шапку! Аллах отвернулся от нас, и наслал несчастья, потому что мы его плохо слушали. Тахир, ты не можешь сейчас ехать в горы. Оставайся у нас, завтра мы все обсудим с мудрыми и опытными людьми и решим, что делать дальше.

И он вышел, сделав мне знак, оставаться на месте.

На следующий день с полдюжины киргизов и сартов собрались в доме Джакши-бая, они долго обсуждали, что делать, и наконец решили, что сейчас для меня нет возможности уйти в горы. Они знали, что белые прячутся в отдаленной долине реки Пскем, но единственная дорога туда охранялась красными патрулями, по дороге масса кавалерии и пехоты. У меня оставался только один выход – скрыться где-то поблизости.

– Ты не можешь прятаться среди киргизов, – говорили мудрые люди. – Киргизы живут открыто, их двери никогда не запираются. Любой, кто захочет, может войти в их дом. И в селах они живут так же, как привыкли жить в степи. Ты должен спрятаться у сартов. Они

---

²⁷ Уважительное обращение, принятое на востоке. Тахир (араб.) – чистый, святой; безгрешный.

ревниво охраняют свои семьи и дома. Ворота их домов всегда заперты, и никто не войдет туда без спроса. Сарты живут скрытно, и ты можешь легко спрятаться среди них. Мы только что послали за Акбар-беком. Он старый солдат Худояр-хана²⁸, верный и опытный человек. Ты можешь рассчитывать на него.

Через час в комнату вошел сарт огромного роста, с черной бородой, настороженными серыми глазами и открытым, волевым лицом. Когда после обычных приветствий ему объяснили ситуацию, он просто утвердительно кивнул и сказал:

– Хорошо, я спрячу тебя, тахир, в доме. Я привык давать кров гонимым. Ненавижу большевиков – сынов шайтана! Я рад услужить человеку старой гвардии. Ночью переезжай в мой дом. Я много слышал о тебе и рад помочь.

Поздней ночью киргиз проводил меня. Была полная луна, но падал густой снег, скрывавший нас от любопытных глаз. Через полчаса мы пришли к воротам одиноко стоящего в поле дома сарта. Мой проводник постучал условным сигналом, и дверь открылась. Хозяин встретил нас в маленьком внутреннем дворике и провел в комнату с земляным полом, слабо освещенную «чираком» – маленькой масляной лампой, похожей на древние греческие или египетские светильники. Недалеко от двери вокруг пылающего очага сидели две женщины и молодой человек – сын Акбар-бека, рядом был мальчик лет двенадцати. Они вежливо приветствовали меня и пригласили присесть рядом с ними. Одна из женщин была молода, с большими карими глазами и задумчивым выражением бледного лица; другая была постарше, с простодушным выражением, но не без благородства. Их не стесняло мое присутствие, хотя мусульманский закон запрещает женщинам показывать лицо чужим мужчинам, но я был не простой гость, а гонимый чужак, пришедший под их кров в поисках убежища. Никто из домочадцев не задавал мне никаких вопросов. Они, вероятно, хорошо знали, кого пригласили в свой дом, и какую это представляет опасность для всей семьи.

Вскоре все начали готовиться ко сну. Женщины приготовили мне постель, а та, что моложе, достала из сундука ковер для меня, как она пояснила, из ее приданого. Покидая комнату, Акбар-бек сказал мне:

– Тахир, ты никого не бойся. Ни один посторонний человек не войдет сюда ночью. Я перережу ему горло.

Я остался в этой комнате, вместе с мальчиком и молодой сартской женщиной с младенцем.

Стены комнаты были просто обмазаны глиной, крыша покрыта камышом, несколько грязных кусков войлока лежали на полу, и они с парой больших сундуков, стоящих у стены, составляли внутреннее убранство этого жалкого дома, который на неопределенное время стал моим пристанищем. Дверь закрывалась не очень плотно; ужасные сквозняки дули со всех сторон, в окнах не было стекол, а земляной пол был очень холодным. Я лежал на своем ложе, не раздеваясь. Сон все не шел ко мне, и я размышлял о своей будущей судьбе. Так началась моя жизнь среди сартов.

Редко когда выпадало на долю европейца в Туркестане жить в бедном мусульманском доме и видеть жизнь сартской семьи изнутри. Уже следующим утром я с большим интересом наблюдал все, что происходило вокруг моего нового пристанища. На одной стороне внутреннего дворика находилась комната, моя обитель, на другой были две комнаты поменьше и остатки кирпичного сарая, где держали корм для лошадей. По две другие стороны – навес и сарай для повозок. Ворота открывались прямо на главную дорогу, обсаженную тополями, и на полуразрушенную стену, позади которой был большой «арык», или ирригационный канал. В течение всего дня на дороге гудели грузовики, везущие красные войска в горы, раздавались пьяные ругательства, звякали подковы лошадей.

---

²⁸ Один из последних кокандских ханов.

Возле двора стоял примитивный маслобойный пресс, принадлежащий Акбару и являющийся кормильцем и опорой его семьи. Это очень простая большая деревянная ступка с деревянным пестом, сидящим наискось, к дальнему концу которого запрягали лошадь. Животное ходило круг за кругом, и пест выбивал из хлопковых семян черное с неприятным запахом масло. Во время всеобщих лишений и недостатка это дело приносило Акбару неплохой доход. Лошадь была худой, покрытая гноящимися болячками, и вся жизнь семьи зависела от работы этой несчастной старой клячи.

Семья Акбара состояла из его старшей жены Гульбиби, очень скромной женщины с хорошими манерами воспитанной дамы, и второй жены – молодой с несимпатичным и грубым лицом. В доме были две маленькие девочки: примерно семи и девяти лет, младенец и маленький мальчик, уже упомянутый мной ранее.

У старшего сына Акбара Юлдаша, рослого молодого сарта, было тоже две жены. Первая – Тохта-джан²⁹ – имела всегда печальное выражение лица, ее я видел предыдущим вечером; вторая – Камар-джан – была краснолицей, крепкой, хорошо сложенной женщиной, с грубым непривлекательным лицом, зато всегда жизнерадостным. Камар-джан была родом из Ферганы, из долины Алмас, которая славилась красотой своих женщин, но, по моему мнению, совершенно незаслуженно, принимая во внимание внешние данные второй жены Юлдаша.

В течение дня мне нельзя было выходить во двор: из-за высокого роста я боялся, что меня легко увидят через низкие стены забора, и только ночью предоставлялась возможность размять ноги прогулкой. Целый день я вынужден был тихо сидеть в маленькой комнатке.

Начинался день с чашки чая и лепешки – круглого хлеба, иногда выпеченного из самой грубой муки. Лепешки были неплохи, пока свежи, но, по-моему, ужасный вкус им придавал лук, который сарты обязательно в них добавляют. Потом я сидел и читал; к счастью, мне удалось захватить с собой пару томов специальных работ по геологии, даже многократная читка этих книг мне не наскучивала. Таким образом я проводил время до часа или двух, когда был готов обед, состоящий из овощного супа с лепешками и чаем.

Юлдаш работал на маслобойке, а Акбар продавал масло на базаре, в то же время собирая для меня новости и информацию о передвижении красных войск. Вечером мы все встречались дома, и на закате был готов «аш» – этим словом местные жители называют плов. Блюдо было не тем восхитительным пловом прежних времен, а иным, приготовленным на хлопковом масле и с маленьким куском сушеного мяса. Было невкусно, и мы ели его просто, чтобы утолить голод. Семья ужинала в другой комнате, но Акбар составлял мне компанию. В центре комнаты, на полу, расстилалась небольшая застиранная скатерть, на которую ставилось блюдо с пловом. Мне портило аппетит то, что Акбар ел руками, как делают все сарты, нагребая полную горсть горячего риса и пальцами выжимая из него влагу, затем вымесив из него твердый комочек, он клал его в рот. Первое время я делил плов на блюде на две половины, и мы ели каждый свою порцию. Но позже, следуя законам гигиены, я попросил выделить мне отдельную тарелку. Чтобы не оскорблять чувств Акбара, я объяснил ему, что наша религия разрешает нам есть только из собственной тарелки и пить только из собственной чашки. Таким был обычай староверов³⁰, к секте которых принадлежали мои предки. В скитаниях это предохраняло меня от необходимости есть и пить из чужой немытой посуды и давало мне право иметь собственную чашку и кружку, не раздражая никого, – разумное правило гигиены, очень важное для Центральной Азии.

Временами, когда Акбар хотел оказать какой-нибудь из своих женщин особую честь, он звал ее в комнату. Скромно сняв свои тапочки в дверях, избранница проходила босиком, при-

---

²⁹ Это имя означает – «оставайся с нами» – мольба, чтобы ребенок не умер (Прим. Павла Назарова).

³⁰ Старообрядчество – религиозные течения в русле русской православной церкви, отвергающих предпринятую в 1650–1660-х гг. патриархом Никоном и царём Алексеем Михайловичем церковную реформу; раскольничество.

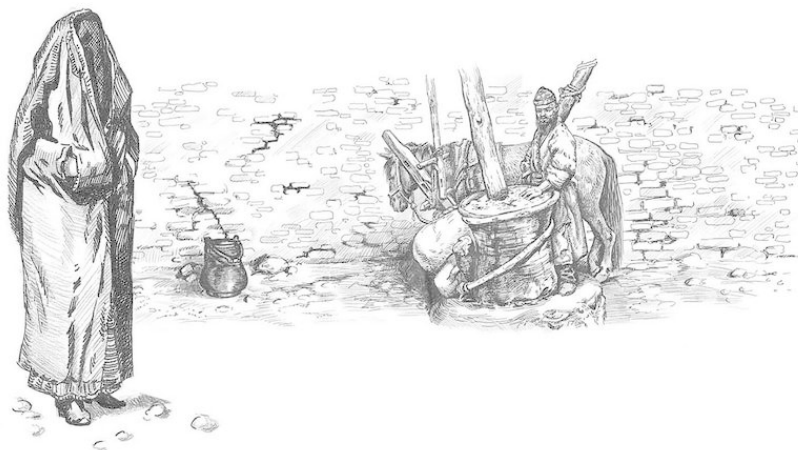
саживалась, широко открывая рот, и Акбар собственной рукой вкладывал туда пригоршню плова. Юная Тохта-джан удостаивалась такой чести чаще всех. Если же на блюде оставались кости, после того как мясо с них было тщательно съедено им самим, Акбар отдавал кости своим дамам, которые поглотив их, относили остатки детям. Иногда Акбар отдавал кости собаке, жалкому, забитому существу. Она была жертвой постоянных ударов, пинков и швыряния в нее, чем ни попадя. Сарты не любят собак, полагая, что их близость отгоняет ангела-хранителя. Кошки же, наоборот, более почитаемы, но и это не помешало однажды Камар-джан схватить кошку, которую она только что держала на коленях и нежно поглаживала, и швырнуть ею в мужа во время ссоры. Тот поймал животное на лету и использовал ее как дубину для битья своей жены по лицу. Кошка, обиженная за такое ее применение в семейной ссоре, удрала из дома и не возвращалась несколько дней.

После обеда Акбар сообщал мне дневные новости. Он рассказывал мне о боях между белыми и красными, происходящих в это время в горах, о неудачных атаках большевиков на позиции белых, об огромных потерях красных, об их жестокости по отношению к местному мирному населению. Он рассказывал мне, как красноармейцы отбирали все у местных жителей: котлы, лошадей, зерно, одежду, обувь, – как они похищали молодых женщин и девушек, некоторых из них позже находили убитыми. Говорил и об отчаянии населения, и о всеобщей ненависти к большевикам.

Мы часто слышали печальный звон колоколов в русской деревне неподалеку, когда там хоронили убитых односельчан, мобилизованных советским правительством на борьбу против Белой гвардии. Иногда его рассказы были приукрашены наивной восточной фантазией, например, местные жители упорно утверждали, что белые обязаны своими успехами «Ак ханым» – Белой фурии, которая пролетает на аэроплане над вражескими позициями и наносит ужасный урон большевистским войскам.

Глава IV Среди сартов

Вечером после ужина, когда Акбар ушел в свою комнату, его старший сын, жены и дети пришли погреться возле очага. Говорили обо всем. Юлдаш рассказывал о своих охотничьих приключениях, об интересных местах, виденных им в горах, а женщины задавали мне вопросы, свойственные лишь женскому характеру: «Когда англичане придут в Туркестан, будет ли все, как прежде?», «Будет ли снова на базаре набивной ситец?», «Появятся ли в продаже на базаре иголки и нитки?»

Были и такие: «Где сейчас Белый Паша (Белый Царь)?», «Сколько часов сейчас длится день и сколько ночь?», «Сколько дней до Рамазан Байрама³¹?», «Что больше: Ташкент или Москва? Москва или Россия?», «Как русские обращаются к Богу: на Ты или на Вы?» и т. д. Когда я удовлетворял их любопытство, то получал комплимент: «Какой вы умный! Вы все знаете!»

Юлдаш рассказал мне, как однажды он убил в горах двух огромных кабанов, выдру и «дикого человека». Когда я выразил некоторое сомнение в существовании «дикого человека» в нашей части мира, он начал детально описывать его внешность. Похоже, что это был медведь, которого местные жители часто называют «диким человеком».

В эти дни стоял сильный мороз, но сартские женщины выходили во двор просто в галошах, обычно стоявших возле двери. В доме ходили босиком, хотя температура внутри была не намного выше, чем снаружи. Женщины были очень скудно одеты, простой халат свободного покроя, восточное платье-рубаша и шаровары, – все старое и латаное. Когда наступал банный день, все мылись во дворе; несмотря на холод, женщины были только в халатах. Дети сидели обнаженными, и даже грудной младенец, едва начинавший ходить, сидел на снегу совершенно голый. Удивительно, но никто из них не болел.

Женщины, особенно жёны Юлдаша, упрашивали Акбара купить им материи для шитья, но подобный товар давно пропал с прилавков, и цены на любой вид ткани были необычайно высоки.

Когда молодые женщины выходили в гости, то первым делом сильно темнили брови сурьмой или соком растения, называвшимся «усьмой», из рода вайды (*Jsatis tinctoria*). Затем обе брови соединялись сплошной линией поперху носа. Сарты не пользуются пудрой, но иногда

---

³¹ Один из крупнейших праздников Ислама, завершающий священный месяц Рамадан.

румянят щеки. Потом женщины доставали самую лучшую одежду из своих сундуков. Комплект состоял из такого же простого платья-рубahi, но, пошитого из шелка и, замечу, чрезвычайно похожего по стилю на сегодняшние женские европейские фасоны. Потом они обматывали полоски материи, как портянки, вокруг ног и обували мягкие высокие сапожки. Сверху они накидывали «паранджу» – вид покрывала типа халата, закрывающего всю фигуру женщины с головы до ног, с ложными декоративными рукавами, сходящимися на спине. Лицо закрывалось от посторонних глаз черной волосяной сеткой – «чимбатом». Так как все паранджи абсолютно одинаковы, одного цвета, покроя и ткани, то и все женщины, идущие по улице, тоже похожи друг на друга, и различить их можно только по росту и объему. Лишь молодым девушкам разрешаются некоторые вольности: их паранджи могут быть цветными, а чимбат заменяется на белую вуаль.

Такая одежда сартских женщин, очевидно, появилась от обычая покрывать на улице голову халатом, как это делали до революции татарские женщины в Оренбургской и Казанской губерниях. Правда, они не закрывали лицо полностью, лишь прикрывая его слегка углом халата, как бы из кокетства, тем самым соблюдая обычай. Но для сартских женщин Хивы, Бухары и Русского Туркестана показаться на улице без паранджи и чимбата – самый большой позор, равный признанию себя существом пропащим, и ни одна сартская женщина не сделает такого, даже нищенки одеваются так же.

По этой же причине проблема отказа от паранджи и чимбата местных женщин не так проста, как думают европейцы, вопрос глубоко связан с психологией сартов. Большевики сумели набрать коммунисток среди сартских женщин, вооружили их револьверами, одели в типичные френчи и кожаные куртки и первым делом послали их по домам агитировать женщин открыть лица. Но мусульманские женщины увидели в том свое оскорбление, и многих проповедниц эмансипации нашли потом с перерезанным горлом.

Татарские женщины в России эту проблему решали долгое время самостоятельно. Состоятельные предпочитали европейскую одежду и манеры, кто победнее – просто сохранили халат, накинутый на голову. Киргизские женщины никогда не закрывали своих лиц и не прятали их от посторонних. Женщины горных таджиков, закрывали от посторонних только лица, не надевая паранджу. Мне кажется, что лучший способ решения вопроса о парандже и чимбате – оставить решение самим сартским женщинам. Они не желают вмешательства чужих, и сартская женщина, одетая традиционным образом, чувствует себя на улице так же свободно и легко, как и ее европейская сестра, надевающая маску во время карнавала...

Однажды утром, принеся мне кипяток для чая, Тохта-джан скромно села около меня и сказала:

– Тахир, вы не будете против, если я спрошу у вас кое-что? Как правильно по вашим законам, если мужчина имеет двух жен, то он должен любить обеих одинаково?

– Тохта-джан, у нас в России мужчина может иметь только одну жену, иметь двух жен одновременно невозможно, – ответил я.

– Какой хороший и мудрый закон у вас, – сказала она с глубоким вздохом. – Я очень несчастна, тахир. Я родилась в горах, в селении Кумсан, а там не носят паранджи и чимбат. Я вышла замуж и жила счастливо со своим мужем, он был очень добр ко мне. Мы всегда были вместе. Обедали вместе, долго сидели и разговаривали. Я родила ребенка, и он решил взять вторую жену. Я не возражала, думая, что буду старшей, а новая будет помогать мне по дому. Он взял Камар-джан, она уже была замужем, и он заплатил за нее немного, всего 30 рублей. И теперь муж не любит меня совсем.

Ее большие черные глаза наполнились слезами, и, уходя, она сказала:

– Сейчас я ему совсем чужая. Я не виню Камар-джан, она хорошая женщина и мы дружим с ней, но муж должен обращаться с нами одинаково, а он любит только ее. Весь прошедший год

я не была ему женой, и поэтому я свободна уйти к другому. Есть богатый армянин, который предлагал мне выйти за него замуж.

Вскоре после этого ко мне пришёл Юлдаш и начал жаловаться на свою первую жену:

– Она – джинды, тахир, – сказал он, – означает сумасшедшая, истеричная женщина. – Ты мог сам это видеть.

Этим вечером, за пловом Акбар поведал мне многое о трудностях своей семейной жизни.

– Ты никогда не поверишь, – сказал он, – как наши женщины испорчены нами мужчинами-сартами. Ты можешь часто видеть киргизских женщин, работающих на полях, да и русских женщин тоже, но никогда не увидишь там сартских женщин. В доме они делают не так много, даже хороший плов не могут приготовить, только испортят рис. Раньше, когда у меня все было в порядке, я имел кирпичный завод и нанимал двадцать человек. Моя жена держала домашнее хозяйство в своих руках, и все шло гладко: еда была всегда вовремя приготовлена, жена даже находила время прясть хлопок и шерсть. Сейчас же у меня две жены и у Юлдаша тоже две, но они только шляются по своим подругам целыми днями и ничего не делают по дому. Не хотят прясть, ткать, зато все время надоедают мне просьбами купить им материи. А где мне взять деньги? Мы живем только с продажи масла; старая лошадь еле-еле работает, и я боюсь, что она вскоре падет. Что мы тогда будем делать? Мы умрем от голода. Камар-джан все время донимает меня своими просьбами и даже грозит оставить Юлдаша, если я не куплю ей ткань на новую одежду, и еще просит купить бубен. Тохта-джан все время устраивает сцены Юлдашу и тоже требует материи на одежду. Моя вторая жена – ленивая неряха. Только моя первая жена порядочная женщина и хорошая хозяйка.

– Когда я был молодым, то служил Худояр-хану, – продолжал он. – Мы работали на железных рудниках и добывали руду в горах за Гава-Саем. Никто из русских там не бывал. Когда прогонят большевиков, ты поедешь со мной туда, и я покажу тебе это прекрасное место. Там громадное, чистое, с зеленоватым отливом озеро, вокруг высокие горы, покрытыми еловыми лесами. В тех горах великолепная охота. Водятся тигры, медведи, барсы, множество кабанов, диких баранов и множество «тау теке» – горных козлов с огромными рогами. Много фазанов и других птиц. Мы сможем жить в свое удовольствие, и никто не будет беспокоить нас, так как киргизы редко заходят туда. Это место доступно только три месяца, большую часть года перевал закрыт снегом. Там много минералов. Есть железная руда, дающая двадцать пудов серебра из пятисот пудов руды, одиннадцать пудов стали и триста чугуна. Мы использовали ее и для получения селитры, чтобы делать порох. Там есть и другие руды, дающие серебро, свинец и олово, очень хорошее олово. А на другом конце озера, там, где бегущие ручьи с песчаными берегами, мы мыли золото. Иногда намывали целый фунт за неделю. В том озере водится форель – очень вкусная рыба. Живут там и водяные лошади, но они очень пугливы и, как только увидят человека, бросаются прямо в воду и исчезают. Я сам видел одну убитую. Она была желтовато-серого цвета, очень жирная и совершенно безволосая. Пойдем туда, тахир, и ты сам убедишься, какое это интересное место, какое изумительное охотничье угодье и какое множество там богатых руд.

Такое озеро, как описывал Акбар, действительно существует, но оно мало кому известно из местных жителей и абсолютно неизвестно русским, потому что не отмечено на картах. Фактически карты горных районов Туркестана не дают даже слабого представления действительности. Есть здесь и осадочные руды железа, серебра и селитры, похожие на описанные Акбарбеком, но водяные лошади – плод местной фантазии. Это очень древнее поверье, оно известно по Геродоту от скифов, который связывал диких белых лошадей с выпасами в истоках реки Гипанис. Может быть, появление этого поверья связано с «куланом» (*Equus hemionus*), и сейчас встречающимся в этой части Туркестана. Сарты и киргизы до сих пор верят, что вблизи отдаленных горных озер живут дикие безволосые лошади.

Когда Акбар рассказывал мне о чудесах этого таинственного озера, в комнату неожиданно ворвалась Камар-джан, задула лампу, закрыла дверь и прошептала:

– Там у ворот стоят двое подозрительного вида людей, одетых, как русские.

Акбар быстро выскочил на дорогу, но мужчин там уже не было.

Спустя несколько дней произошел неприятный инцидент, который имел для меня ужасные последствия.

Я сидел, читая книгу, как обычно по утрам, с открытой дверью комнаты. Вдруг почувствовал, что кто-то наблюдает за мной. Краем глаза я заметил, что молодая, довольно хорошенькая сартская женщина, которую прежде никогда не видел, внимательно разглядывала меня. Не выказав никакого волнения от ее неожиданного появления, я продолжал, не двигаясь, спокойно читать. Она оказалась подружкой жен Юлдаша, и, придя с неожиданным визитом, воспользовалась правом женщины войти без стука, обнаружив почему-то не запертые ворота. Она сразу увидела, что я русский, христианин, и забросала женщин вопросами: кто я и почему живу здесь? Камар-джан с готовностью и остроумно объяснила ситуацию. Она вытянула свои руки, покрытые сыпью, и сказала:

– Это я попросила русского доктора полечить мои руки, которые очень сильно болят, ведь у большевиков ужасное лечение, и он, не предупредив никого, тайно пришел.

Как потом выяснилось, молодая женщина разболтала своим подругам, конечно под большим секретом, о таинственном докторе, и несколько дней спустя местный милиционер подошел к Акбар-беку на базаре и сказал:

– Начальник послал меня проверить твоё жильё; говорят, какой-то русский прячется у тебя.

– Ты городишь вздор, – спокойно ответил Акбар. – В доме только четыре женщины и две маленькие девочки, и, как мусульманин, ты не можешь войти туда.

– Хорошо, – сказал милиционер, – я верю тебе, ты старый и уважаемый человек. Дай мне сто рублей, и я скажу начальнику, что у тебя в доме никого нет.

Конечно, Акбар дал ему сто рублей.

После этого инцидента Акбар посоветовал мне не показываться в той комнате в течение дня, и я перебрался в другой конец двора в полуподвал, где держали сено. Там не было окон, а вместо дверей была большая дыра в стене, закрытая со двора куском войлока. Внутри было тепло, но через щели старой стены пробивался только один маленький лучик света, и приходилось присматриваться, чтобы что-нибудь различить в полумраке. Чтение стало невозможным.

В этом полуподвале я провел много долгих дней и ночей. Только во время обеда и около часа после него я мог находиться в своей прежней комнате среди семьи Акбара, слушая их рассказы. Остальное время я сидел или лежал в моей берлоге.

Тоскливые дни тянулись своей чередой. Было физически невыносимо находиться в таком ужасном бездействии и без дневного света. Убивая время, я перебирал в своей памяти мою прошлую жизнь и работу в Туркестане и предавался философским размышлениям. Меня чрезвычайно интересовала теория Эйнштейна, которая, по моему мнению, замечательно соотносилась а priori³² с выводами русских метафизических философов, таких как Аксенов, Успенский и другие, о природе времени.

Однажды, когда я только что вернулся в свою берлогу, Тохта-джан начала говорить что-то очень оскорбительное своему мужу. Я должен пояснить, что все члены семьи свободно говорили на двух языках: на узбекском диалекте джагатайских тюрок, являющимся основным языком Туркестана, и на таджикском – диалекте персидского. Я не знал последнего совсем, и когда они не хотели, чтобы я понимал их, то говорили на таджикском. Разговор быстро перерос в

---

³² Независимое от опыта утверждение (лат).

серьезную ссору, и я постарался заснуть. Немного позже я услышал крики, визг и плач. Похоже, что били Тохта-джан.

Следующим утром я увидел следы крови на снегу возле моей комнаты. А потом маленький мальчик показал мне железный прут, пояснив, что Акбар-бек дал Тохта-джан хорошую порку этим прутом, потому что она сделала глупость. Сама она появилась с полностью расцарапанным лицом и распухшими от слез глазами.

– Тебя били, Тохта-джан? – участливо спросил я ее.

– Да, тахир, и я заслужила это наказание. Я была очень капризна и вела себя очень плохо прошлой ночью. Ох, как все у меня здесь болит, – сказала она и показала синяки на руках и ногах.

Днем позже Юлдаш принес Камар-джан бубен, который она так долго и горячо просила купить. С этого дня у нас каждый вечер были концерты. Все женщины пели, а Камар-джан аккомпанировала. У нее была книга с песнями, которые они все исполняли. Сарты – не музыкальные люди; их пение – это дикое диссонансное завывание. Кроме того, некоторые песни были недостаточно мелодичны и исполнялись уныло и однообразно. Бубен стал постоянной игрушкой Камар-джан, на нем она играла целыми днями. Это очень беспокоило меня. Главная дорога, всегда занятая красными войсками, грузовиками и комиссарами, проходила всего в нескольких сотнях метров от нашего двора, только арык разделял нас. Непрекращающиеся звуки бубна на протяжении всего дня могли легко привлечь внимание красных солдат, особенно татар или сартов. Описывая эти дни уже годы спустя, я по-прежнему слышу эти постоянные звуки бубна, рев моторов грузовиков и стук веретена, на котором старшая жена Акбара, казалось, прядла беспрестанно.

Воскрешая эти звуки в памяти, я неизменно вновь переживаю чувство страха, не оставившего меня в те дни. Я постоянно ожидал появления во дворе красногвардейского патруля. Для меня это грозило бы неминуемым расстрелом. К счастью, одной удачной ночью жалкий бубен был погрызен мышами. Наша певица впала в отчаяние. Юлдаш успокоил ее, сказав, что натянет на него новую кожу, но Акбар строго запретил ему делать это, так как он тоже понимал ту опасность, которой эта упрямая женщина подвергает всех нас.

В том году весна запоздала. На 23 марта были жестокие метели, после которых вновь пришло тепло, и на 26-е начали ворковать голуби. Юлдаш объявил, что поедет в предгорья, в Кумсан, – родные места его первой жены, чтобы привезти оттуда чудесный камень «загкхар мура» – серпентин; по поверьям сартов, очень сильное средство от укусов змей и скорпионов, и, что он надеется заработать много денег от продажи камня. Юлдаш довольно много знал о камнях и рассказывал мне множество историй о разнообразных образцах, которые он находил в горах. Как-то он описывал одну, очень хорошо известную пещеру в горах, расположенную среди прекрасной рощи ореховых и фисташковых деревьев, облюбованное место сартских пилигримов. В эту пещеру есть несколько входов и над одним из них было выбито арабской вязью, что он открыт уже тысячу лет назад. Пещера была низкой, не выше роста подростка двенадцати лет. В ущелье, недалеко от входа в пещеру, есть отверстие в скале, искусно заложено большими камнями. Вполне вероятно, это был вход в какую-нибудь старую выработку. В Туркестане много подобных старых, заброшенных рудников, вход в которые тщательно замурован. Возможно, прежние рудокопы так скрывали свои лучшие рудники во время вторжения разрушительных орд монголов. Точно такой же вход был на горе, называемой Майдан-Тау, и я знал, что не так давно киргизы открыли его и в забое маленькой шахты нашли мощную залежь с самородным серебром. Они до сих пор работают там украдкой, приходя в шахту ночью и тщательно скрывая свою разработку камнями, уходя домой.

– Я был в той пещере сам, – рассказывал Юлдаш. – В ней действительно богатая жила. Недалеко от Таш-Хана в горах есть не очень большой рудник, где сарты тайно моют золото. Это очень богатое место. Кроме золота там нашли рубины и сапфиры. Один знакомый сарт

продал сапфир, найденный там, индийцу в Ташкенте за пятьсот рублей. Все эти рудники и другие интересные места описаны в очень старой арабской книге, хранящейся у одного муллы в горной деревне Х. Он показывал мне несколько рисунков из нее.

Эта последняя информация Юлдаша чрезвычайно заинтересовала меня. Как хорошо известно, старые арабские писатели – Ибн-Хаукаль³³, Ибн-Хордарбек³⁴, Абу-ль-Фида³⁵ и другие – дают хорошие и точные описания старых рудных разработок в Туркестане в девятом и десятом веках нашей эры, в период расцвета династии сасанидов³⁶. Там, например, есть великолепные описания ртутных, свинцовых и серебряных месторождений Туркестана, а также копей Ферганы, где уголь начали добывать намного раньше, чем в Европе. Незадолго перед началом Первой мировой войны, когда приступили к разработке угольных пластов в Шурбадском бассейне Ферганской провинции, были обнаружены старые копи. Удивительно, что, описывая этот уголь, Ибн-Хордарбек утверждал, что его зола использовалась для отбеливания тканей. И хотя это кажется странным, но это совершенная правда – зола этого угля содержит отбеливатель – оксид цинка.

Вполне вероятно, что книга, о которой говорил Юлдаш, – какая-нибудь старая география, еще неизвестная европейцам. Некоторое время назад была обнаружена в Семиречье книга на уйгурском языке³⁷, которая оставалась уникальной до тех пор, пока не были сделаны открытия³⁸ сэра Ауреля Стейна³⁹ в регионе Хотан⁴⁰.

Я посвятил почти четверть века исследованиям минеральных богатств Туркестана, поэтому смог увидеть правду в описанных Юлдашем картинах. Целые холмы старых отвалов, интенсивные разработки в горах, старые дороги и т. д. – все полностью сходится с этими описаниями. С помощью старых арабских писателей, чьи работы замечательно точны, я увидел много интересного, и среди них – серебряный рудник, обнаруженный мной в горах, прямо как знаменитая Кух-и-Сим⁴¹ – Серебряная Гора, когда-то снабжавшая серебром всю Центральную Азию, Персию и Россию. В Петрограде, в Эрмитаже, хранятся серебряные монеты с надписью, говорящей, что они были чеканены на монетном дворе Тункенда из серебра Кух-и-Сима.

Однажды перед войной я прошел через старый рудник, расположенный далеко в горах. Огромные холмы шлака, заросшие травой и кустарником, следы многочисленных построек, старые отвалы и подземные галереи, глубокие выработки в скале – все было изменено без-

---

³³ *Ибн-Хаукаль (Абдул-Касим-Мухамед)* – арабский географ и путешественник X в., родом из Багдада. Путешествовал более 30 лет по разным странам, его «Книга путей и стран» («Китаб ал-масалик ва-л-мамалик») содержит многочисленные сведения по истории и топонимике Халифата и окрестных стран.

³⁴ *Абу-ль-Касим Убайдаллах ибн Абдаллах ибн Хордабех*, ок. 820 – ок. 912/913, по др. данным 885) – мусульманский географ иранского происхождения. Его «Китаб ал-масалик ва-л-мамалик» – первый дошедший до нас образец жанра арабской описательной географии. Содержит многочисленные сведения по истории и топонимике Халифата и окрестных стран, в том числе самые ранние в арабской географии упоминания о руссах и славянах.

³⁵ *Абу-ль-Фида* (1273, Дамаск – 1331, Хама) – арабский историк и географ из курдского рода Айюбидов, Главное сочинение – «Краткая история рода человеческого» («Мухтасар фи тарих аль-башар»), охватывающая события по 1329 г.

³⁶ Династия персидских правителей (шахиншахов), правивших в Сасанидской империи с 224 по 651 годы. Во времена, указанные Назаровым, эта территория принадлежала государству караханидов (прим. редактора).

³⁷ «Священная книга двух основ» – древнетюркский памятник манихейства, предположительно VIII века.

³⁸ «Книга гаданий» – древнетюркский памятник манихейства, предположительно IX века. Относится ко времени Уйгурского каганата. Представляет собой бумажную книгу, размером 13,75 на 8,75 см, состоящую из 104 страниц, написанную от руки тюркским руническим письмом. В 1907 году «Книга гаданий» в числе других рукописей была приобретена археологом А. Стейном у служителя храма «Пещера 1000 Будд», приблизительно в двадцати километрах от оазиса Дуньхуань (провинция Ганьсу, Китай). Ныне хранится в Британском музее, (Лондон).

³⁹ Марк Аурель Стейн (1862–1943) – венгерский путешественник и этнограф. Обнаруженные им документы на китайском, тохарском, иранских, тюркском и других языках, в настоящее время находятся во многих музеях мира.

⁴⁰ Округ на юго-востоке Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая, южнее пустыни Такла-Макан, к юго-востоку от Яркенда.

⁴¹ Смотрите мою статью «Kuh-i-Sim, The Treasure of Turkestan» in «Blackwood's Magazine», august, 1911, p.184–196 (Прим. Павла Назарова).

жалостным временем и обрушениями в этих естественных пещерах, стены которых были покрыты известковыми слоями, а с кровли то здесь, то там свисали крупные сталактиты. Требовался очень опытный глаз и искусное исследование для распознавания в этих природных образованиях работу человеческих рук и понимание того, какие руды брали здесь и из каких именно мест. Было отмечено, что во многих таких рудниках главные жилы и подходы к ним искусно запечатаны, замурованы и замаскированы. Богатое и высокоразвитое рудничное дело, несомненно, процветало в этих местах. Здесь кипела жизнь и был такой рой производств, какой мы сейчас видим в Англии и Бельгии. Здешние железо и сталь экспортировались в Дамаск, где из них производились знаменитые булатные клинки.

Да, земля Туркестана хранит большие сокровища и бесчисленные месторождения различных руд, известные с древности и новые, которые были найдены мною. В лучшие дни они станут богатством страны и будут служить ее процветанию. Но мы этого уже не увидим. Как вторжение орд монгольских разбойников опустошило страну и остановило ее развитие в средние века, так и современные их последователи разрушили все, и разработка ее минеральных богатств откладывается, возможно, на столетие или более. Единственное различие между этими двумя видами грабителей в том, что монголы, со всей их страстью к разрушению, спасли просвещенное население – философов, ученых, священников и писателей, а их современные преемники почли за лучшее истребить этих людей первыми. И теперь нам долго придется ждать возрождения былого расцвета Туркестана, как промышленно развитой территории, какой она была в дни сасанидов.

В своих странствиях я часто посещал затерянное место Тункент – столицу средневекового царства Илак. Нашел я ее совершенно случайно много лет назад, когда собирался, после дневной охоты на кабанов провести ночь в степном аиле у знакомого киргиза, но в жестоким зимнем буране потерял дорогу. После нескольких часов борьбы с бушующим снегом моя лошадь совершенно обессилила, и я нашел убежище от слепящего урагана под прикрытием каких-то заснеженных бугров. Намотав вожжи на руку, я забился в уголок и заснул.

Когда я проснулся, буря уже утихла и небо прояснилось. Я выполз и осмотрелся вокруг, пытаюсь определить, где я нахожусь. То, что я увидел, вызвало у меня величайшее удивление. Кругом, куда только достигал взор, передо мной, словно нарисованный в натуральную величину, расстилался план огромного города, нанесенный черными линиями на белом снежном покрывале. Все улицы были четко размечены: участки домов и строений, ирригационные каналы и водоемы, башни, стены и городские валы. Сухой снег, движимый ветром, заполнил все углубления на земле и, образуя рельефные выступы, как бы обозначил город, в какое-то далекое время разрушенный до основания. Эти развалины древнего города, потерянного и забытого, вдруг проявились, в этом странном мимолетном видении, похожие на фотографический негатив.

Глава V Преследование и тревоги

Вскоре весна решительно вступила в свои права. В апреле абрикосы и персики были в полном цвету. Через щели в старой стене я мог видеть только кусочек голубого неба и парочку деревьев. Лишь ночью я мог выйти наружу и вдыхать аромат цветущих садов. Весенние запахи и ласковое тепло волновали мою кровь, жизнь казалась не такой мрачной, хотя будущее было неопределенным.

Однажды я даже принялся обсуждать с Акбаром, как мне лучше всего пройти через горы в Фергану, большая часть которой все еще была в руках местных повстанцев, среди которых, без сомнения, было много моих друзей. Но новости, получаемые Акбаром на базаре от киргизов и сартов, были неутешительными: большевистские караулы стояли на дорогах повсюду, и два из них были совсем рядом с нами. Я вынужден был ждать.

Юлдаш вернулся с гор и принес несколько маленьких кусочков серпентина, а также известие, что белые отряды, отразив атаки красноармейцев, отступили в направлении Ферганы, уйдя через труднодоступные снежные перевалы. Тем временем движение грузовиков и кавалерии по нашей дороге становилось все более редким.

С приездом Юлдаша Тохта-джан становилась все более и более беспокойной и угнетенной. Улучив момент, она сказала мне, что Юлдаш ездил в Кумсан не только за камешками серпентина. Он также посетил место, называемое Катаналык, чтобы увидеться со старой и знаменитой колдуньей, и принес от нее немного «маргумуш» – мышьяка, чтобы отравить Тохта-джан. Она обнаружила его в кармане пальто Юлдаша, но побоялась взять оттуда.

– Но как он сможет отравить тебя, если мы все едим из одного и того же блюда? – пытался успокоить я ее.

– Не думаю, что он это сделает днем, – отвечала она. – Скорее всего, он сделает это ночью.

Видя мое изумление, Тохта-джан добавила:

– Ты совсем не знаешь нас, тахир: мужья часто травят своих жен, а жены своих мужей, и даже родители избавляются так от нежеланных детей. Когда кто-нибудь умирает, его хоронят сразу и тихо, никто не осматривает тело, и никто не узнает, от чего умер человек.

– Но как можно отравить спящего?

– Очень просто. Истираешь мышьяк в порошок, насыпаешь его в трубочку из камыша, закрытую с одной стороны. Подкрадываешься осторожно к спящему и высыпаешь порошок в его ноздри. Человек вдыхает яд, не осознавая этого.

– Тогда ты лучше запирай дверь туда, где спишь, – посоветовал я женщине.

– Так я и делаю, – ответила Тохта-джан, – но все равно я очень боюсь.

Через два дня пришел Юлдаш и поведал мне, что Тохта-джан собирается отравить его. Он нашел «маргумуш» в ее сундуке. Юлдаш сказал, что его жена – настоящая ведьма.

Я не знал, кто из этих двоих был прав. Но странная вещь – отношения между двумя его женами оставались вполне хорошими и дружественными.

Однажды вечером пришла Камар-джан и стала задавать мне вопросы:

– Почему твоя жена не приходит сюда увидеться с тобой?

– Ты же знаешь, Камар-джан, это совершенно невозможно!

– Но, если твоя жена не может встречаться с тобой, почему ты не возьмешь себе другую, из русской деревни, там же много хорошеньких девушек.

– Но мы не можем иметь двух жен.

– Тогда я скажу тебе вот что: возьми лучше сартскую девушку. Я полагаю: ты можешь жениться на сартской женщине. Я знаю одну молодую вдову, очень хорошенькую, которая с удовольствием пойдет за тебя.

– Брось болтать ерунду, ты – полная дура! – прервал ее Акбар, входя в этот момент в комнату.

В следующий раз она вновь принялась за расспросы:

– Что за книгу ты читаешь все время?

– Эта книга о полезных камнях и рудах, которые находятся в земле.

– Покажи мне картинки, – потребовала она.

Все, кто был в комнате, подошли посмотреть на иллюстрации в моей геологической книге. Но, как и большинство киргизов и сартов, они абсолютно неспособны были понять того, что было изображено на картинках или иллюстрациях: пейзаж, план, рисунок животного или вид машины. Они то и дело спрашивали:

– А это какая руда? – хотя на картинке не было вовсе никакой руды, а был вид горы или реки, либо чего-нибудь еще, подобного этому.

Однажды Акбар вернулся к обеду, что было необычно, сильно взволнованный. Он рассказал, что молодой русский, очень хорошо одетый, расспрашивал его, не знает ли он, где скрываюсь я, утверждая, что он мой хороший друг, и хочет передать мне приветы и помочь деньгами и всем, что нужно.

– Я сказал ему, что ничего не знаю о тебе, – продолжал Акбар. – И не знаю никого, кто бы говорил о тебе. И вообще не желаю знать никаких русских, так я ему ответил.

Я поблагодарил его и попросил быть более осторожным.

Несколько дней спустя Акбар не возвратился с базара вовремя. Это обстоятельство вызвало у меня значительную тревогу, я предположил, что он арестован.

Прекрасный солнечный день подходил к концу, и через щели моего заточения была видна далекая цепочка гор. Снег на горных вершинах становился пурпурным в лучах заходящего солнца. Это божественно красивое сияние вызвало во мне сильное чувство тоски по дому. Как страстно желал я оказаться в моих ненаглядных горах, где любил бродить и охотиться. Мне казалось, что там я буду в безопасности и на свободе.

А пока я со страхом прислушивался к каждому звуку, ожидая, что во двор войдут большевистский патруль или агенты ЧК. Я представлял себе, как они схватят меня в этой каменной ловушке, откуда некуда скрыться. Меня терзала мысль о том, что не только я, но и эти добрые люди, которые так хорошо обходились со мной, тоже будут расстреляны. Я чувствовал себя глубоко несчастным.

Лишь поздно ночью в темноте появился взволнованный Акбар.

– Тахир, такая беда! Я напуган ужасно, но, слава Аллаху, Он защитил нас! – воскликнул он.

Акбар рассказал, что к нему на базаре подошли два красноармейца и повели его в русское село. Там, в следственном комитете исполкома, было несколько человек из ташкентского ЧК,

комиссары и взвод солдат. Они сразу спросили у него, где скрывается русский. Требовали говорить им всю правду, иначе грозили расстрелять на месте. Акбар держался с холодным спокойствием и твердо отвечал, что он не прячет никакого русского, что вообще не знает, кто и где прячется, что он старый человек и не был в городе двадцать лет, что было правдой, и даже не говорит по-русски.

– Не ври! – орали комиссары и приставляли револьверы к его лбу.

– Говори немедленно и не отпирайся! Мы охотимся за этим Назаровым вечность. Наши отряды искали его в Пскеме, в Чиназе и в Чимкенте, но теперь мы знаем: он прячется здесь.

– Если вы так уверены, что он в моем доме, то идите и посмотрите сами, – отвечал Акбар с достоинством.

– Конечно, ты прячешь его не дома, но ты знаешь, где он, и должен сказать нам об этом.

– Я не знаю никого по имени Назаров и никогда не слышал о нем, – устало повторял Акбар.

Следователи грозились облить Акбара керосином и поджечь или забить его до смерти, но стойкое сердце старого воина не дрогнуло. Он оставался верен своему слову, своей чести, и смотрел на своих мучителей с глубочайшим презрением.

После долгих угроз комиссары дали ему короткую передышку, потом высыпали перед ним огромную кучу денег на стол, но не своих советских рублей, а старых российских банкнот, которые тогда очень высоко ценились местными жителями, и сказали ему:

– Смотри, здесь целое состояние для тебя. Только скажи нам, где Назаров, и можешь взять все это себе.

– Даже когда вы угрожали мне смертью, я не мог сказать вам того, чего не знаю. Что же я могу сказать вам за деньги? Снова повторяю, я ничего не знаю!

Думается, что большевики признают только два чувства – страх за свою собственную жалкую шкуру и жадность. Другие человеческие качества им неизвестны.

В конце концов они отпустили Акбара, и он вышел на улицу. Староста этого русского села тихо подошел к нему и, взяв за рукав, прошептал:

– Молодец, Акбар. Ты мужественный человек!

Весна брала свое. Появились сизоворонки (*Socias sp.*), – верный признак того, что пришло время работать на винограднике, и Акбар целые дни был занят подвязыванием виноградных лоз к шпалерам вокруг дома. Его маленькому сыну удавалось ловить в арыке мелкую рыбешку, он чистил и запекал ее в золе, а потом приносил и предлагал мне. Естественно, я отказывался, и он быстро и с большим удовольствием съедал их сам. Однажды утром дети принесли несколько пирожков, начиненных какой-то травой, пахнущей апельсином. Пирожки были действительно очень хороши, и я спросил, что это за растение? Маленькая девочка принесла мне немного листьев, это оказался бальзам (*Melissa officinalis*), который растет всюду по берегам арыков. Другое растение, которое они использовали, с молодыми листьями под вид щавеля, было тоже необычно хорошим. Потом пошли свежие овощи и с ними приятные изменения в скудной и грубой пище, которой я питался.

Как-то вечером дети принесли мне пригоршню каких-то земляных орехов, они были очень хороши – высококалорийны и применялись для лечения желудочных расстройств. Листья у них маленькие, продолговатые и дольчатые, но я не видел растение цветущим и поэтому не смог определить его вид. Такая жалость, что я не слышал о нем прежде.

Женщины Акбара были вольны ходить днем, куда им было угодно, и часто тратили на визиты весь день. Однако в мусульманской семье не считалось хорошей манерой женщине самой ходить на базар. Все, что ей нужно, должен купить муж или брат. Как-то Акбар принес домой огромный сверток материи, от которого женщины в доме были на седьмом небе от счастья, так как их платья-рубахи сильно износились. Они сразу сели за работу – кройку и шитье. Все было очень быстро сделано. Женщины на глазок разрезали ткань и сметывали куски вме-

сте. Менее чем за час вся семья была одета в новые платья, а лица женщин и маленьких девочек сияли от счастья. В это же самое время они прокололи ноздри маленьким девочкам и продели туда кольца. Это был большой праздник для всех.

Однажды вечером Акбар сказал мне, что он решил развестись со своей второй женой. Они прожили вместе три года и имели маленького сына.

– Она совершенно бесполезна для меня, – объяснил он. – Она ничего не делает по дому, не помогает совсем и очень ленива.

На следующий день в двенадцать часов пришел мулла. Все сели вокруг, и мулла прочел соответствующую молитву. Потом подали плов, и на этом церемония закончилась. Часом позже Юлдаш повез разведенную жену с ребенком и вещами в Ташкент, откуда она раньше была взята. Все случилось так быстро и просто, как будто отослали слугу.

Примерно в это время Камар-джан передала Акбару через своего мужа ультиматум: она требовала купить ей отрез набивного ситца на платье, новый халат и новые сапожки с галошами, иначе она оставит Юлдаша и уйдет прочь. Бедный муж, который безнадежно ее любил, был в ужасе от возможной потери, но хорошо понимал неисполнимость ее требований при нынешних обстоятельствах. Поругавшись с ним, Камар-джан ушла на целый день из дома. Вернулась она поздно вечером и, рыдая, устроила Акбару сцену.

– Сумасшедшая женщина, тахир, – сказал мне бедный Акбар. – Сейчас совершенно невозможно купить ей те вещи, которые она желает. Под большевиками все стало безумно дорого, а мы и так еле-еле сводим концы с концами. Если я куплю ей ткань на платье, то должен буду тоже самое сделать для всех других женщин. Почему я должен обидеть свою жену? Она работает в два раза больше, чем все другие, и никогда не жалуется и ничего не просит.

Его первая жена на самом деле была замечательной женщиной: воспитанной, работающей, с простыми и благородными манерами, удивительными для сартской семьи. Тохта-джан предложила простое средство:

– Устрой ей хорошую порку, – сказала она. – Когда я капризничала, ты поколотил меня, и я стала хорошей.

Но, как мы увидим позже, и она ненадолго стала хорошей.

Между тем несчастная старая лошадь, от работы которой зависела вся семья, становилась все слабее и слабее. Я обрабатывал огромную рану на ее спине марганцовкой, которую успешно использовал также для остановки диареи у детей, и вся семья смотрела на это, как на чудеса медицины.

Однажды ночью дикий крик Камар-джан разбудил нас всех. Она истерично рыдала над бедным дряхлым существом, которое лежало на боку и хрипело. Вся семья принялась плакать и причитать. Для них смерть лошади была равносильна потери друга, который кормил и служил семье преданно и верно много лет.

Следующим утром Акбар снял с павшей лошади шкуру, разрезал подсохшее, голубоватое, жилистое мясо на полосы и развесил его.

– Ты собираешься есть это мясо, Акбар? – удивился я.

– Нет, конечно же, нет, я продам его.

И видя мою оторопь при этом известии, успокоил:

– Все нормально, я перерезал ей горло и выпустил кровь, как положено. При этом я повторял надлежащие молитвы.

Весь день все были угнетены и несчастны, даже маленькие девочки перестали играть. Я дал Акбару денег. На следующий базарный день он купил хорошую молодую лошадь, и старая вскоре была забыта.

На базаре Акбар встретил одного из комиссаров ЧК, возвращавшегося верхом с несколькими солдатами с гор Чимгана. Комиссар остановил Акбара и сказал ему:

– Мы были в горах, высматривая Назарова в Чимгане, но там нет следов его пребывания. Я уверен, ты знаешь, черт тебя побери, где он и не хочешь сказать нам!

Вскоре после этого Тохта-джан пришла в мое убежище и сказала:

– Тахир, у Камар-джан есть злой умысел, она собирается пойти и рассказать Советам, что Акбар прячет русского в своем доме.

– Но она ведь знает, что мы все будем расстреляны, если она это сделает!

– Она говорит, что ей все равно. Тахир, дай этой дурной женщине сто рублей и успокой ее.

Конечно, я согласился и дал Камар-джан сто рублей. Она взяла их сразу и обещала никому ничего не говорить.

На следующий день Акбар послал за муллою, чтобы попытаться убедить Камар-джан оставить свое сумасбродство и жить с мужем в мире. Я слышал, как вежливо и убедительно говорил мулла, дело закончилось компромиссом: она пообещала жить с мужем спокойно, если...ей купят новые сапожки и галоши! После этого в семье Акбара на время воцарились мир и покой.

Вскоре наступила Пасха. В начале пасхальной недели распространился слух, что в пасхальную ночь, когда будет идти служба в православных церквях, объявят военное положение и введут комендантский час, а патрули на дорогах удвоят. Акбар предполагал, что в пасхальную ночь я смогу поехать с ним в Ташкент и увидеться с женой.

– У тебя уже такая борода отросла, – говорил он. – Ты выглядишь как сарт. В нашем национальном костюме ночью никто тебя не узнает. До утра мы сможем вернуться.

Эта идея мне понравилась, и я давно ждал встречи со своей женой.

Но задуманному не суждено было сбыться. Вдруг пришли новости о специальном досмотре, который начал производиться во всех деревнях, на всех главных дорогах, даже на отдаленных стоянках, где детально обыскивались дом за домом. Для этого были откомандированы отряды войск с комиссарами из ЧК. Они окружали все поселения и дома, осматривая каждый угол и открывая все сундуки. Видимо, у них была установка – во что бы то ни стало найти нужного им человека. Я решил, что эта операция была назначена с целью моей поимки.

В среду Акбар вернулся с базара очень рано и сразу зашел ко мне, в мою нору. Он сказал, что обыск начнется рано утром следующего дня, что красные войска уже прибыли, и патруль на мосту усилен.

– Что будем делать, Акбар? – с тревогой спросил я его. – Куда я смогу спрятаться?

– Не знаю, тахир. Ситуация ужасно опасная, надо обдумать ее.

– Если все дороги и мост удерживаются часовыми, остается единственный путь, – сказал я. – Переплыть Чирчик вплавь, и спрятаться у киргизов на той стороне, среди камышей. Твоя лошадь сможет вынести меня и переплыть реку.

– Река сейчас полноводна, и плыть тебе придется почти два километра, – с сомнением произнес Акбар.

– Лучше утонуть, чем попасть живым в руки этих бандитов, – твердо ответил я.

– Нет большой разницы, утонешь ты или нет, – задумчиво произнес Акбар. – Киргизы, конечно, примут тебя и дадут кров. Но дело в том, что они ужасные болтуны и привыкли жить открыто. Так что все тотчас узнают, что ты там. Тебя сразу схватят большевики.

– Тогда, что нам делать? – обреченно спросил я.

– Обед готов, пойдем немного поедим, тахир, и потом мы что-нибудь придумаем.

Должен признаться, аппетита у меня не было. Обед прошел в полном молчании. Когда выпили чай, Акбар сделал следующее предложение:

– Ты останешься здесь с нами, тахир. Ночью я и Юлдаш заложим стену, замажем ее глиной, засыплем пылью и потом закоптим дочерна дымом. Она будет выглядеть совсем, как старая, и никто не предположит, что за ней может лежать человек.

Других вариантов, кроме как быть похороненным заживо, не было. Мы принесли целую бадью воды, добрую кучу глины и взялись за работу. Стены выросли быстро и отрезали меня от внешнего мира. Осталось только крохотное незаметное отверстие, и в моей норе наступила темнота, как в могиле. Я только слышал, как в полном молчании работали Акбар и Юлдаш.

Вскоре я заснул. В течение ночи я просыпался несколько раз и ощущал себя как в гробнице, отрезанный стеной от Нового Мира последователей Карла Маркса. Зато я чувствовал абсолютный покой и мир в своем сердце.

На следующее утро маленькая дочка Акбара развлекла меня: она подошла к стене и спросила тихим голосом:

– Тахир, а как ты будешь пить чай?

Около трех часов пополудни послышался град ругательств и топот ног во внутреннем дворе. Потом я узнал, что бандиты допрашивали даже детей, спрашивая их, нет ли русского человека здесь или у кого-нибудь из соседей. Умные, хорошо наученные сартские дети отвечали, что они ничего не знают.

В пятницу вечером Акбар сообщил, что солдаты покинули деревню и теперь можно выйти. Он разломал стену. Какое же это было величайшее удовольствие – выползти на свежий воздух из моей добровольной могилы и вытянуть затекшие ноги!

В пасхальную ночь я не спал, а залез на крышу и слушал доносящиеся из русской деревни звуки колоколов, возвещавших радостную, праздничную весть. Я жадно вдыхал легкими аромат фруктовых деревьев, напомнивший мне счастливые дни, когда я встречал этот праздник дома, в своем семейном кругу. Волнующие запахи весны были связаны с самыми лучшими воспоминаниями моего детства.

– И сейчас, – думал я, – в эти мгновения, мои родные молятся за всех странников, страждущих и плененных, за их спасение, и думают обо мне, оторванном от них и живущем такой странной жизнью среди людей иной веры.

Следующие дни прошли довольно спокойно. Погода стала жаркой, и вся семья Акбара спала под навесом во дворе, а я перешел в их комнату, дверь которой крепко закрывалась. Деревья распускались, отцвела акация, и наступило чудеснейшее время года. Настоящая весна пришла в Туркестан. Ночи были теплые, а воздух был наполнен ароматом цветущих деревьев.

Молодые женщины, среди них была и Камар-джан, выкопали глубокую яму во дворе и наполнили ее толстыми ветками.

– Мы хотим приготовить для тебя кое-что очень вкусное, – сообщили они мне. Потом по верху ямы установили огромный котел, который вмещал дюжину ведер воды. В него положили пшеницу, муку, несколько хорошо вымытых булжников и налили масла. Потом внизу разожгли сильный огонь, непрерывно размешивая в котле специальной деревянной мешалкой.

– Это блюдо должно кипеть день и ночь беспрестанно, – объяснили они мне.

Я тоже провел всю ночь во дворе. Было так хорошо лежать на открытом воздухе возле большого костра, в то время как женщины по очереди мешали свое варево в котле и поочередно спали.

В результате всех этих усилий получилась густая сладкая масса, похожая на патоку, очень приятная на вкус. Дети были в восторге, так как долгое время не имели ничего сладкого, потому что сахар теперь совсем не продавался. Сарты каждую весну делают это лакомство⁴².

Примерно в десять часов следующего утра я внезапно услышал дикий плач, завывания и жалобы. Все женщины причитали и плакали, и с ними плакали и вопили маленькие девочки. Это поразило и расстроило меня, я подумал, что случилось, должно быть, нечто ужасное, и даже отважился покинуть свое убежище. Но когда я вышел наружу, шум вдруг прекратился

---

⁴² Праздничное блюдо сумаляк (сумолок) готовится накануне Навруза (Нооруса) – дня весеннего равноденствия, начала Нового года по традиции зороастризма.

и все успокоились. Немного позже пришла Тохта-джан и объяснила мне, что это был обряд оплакивания ребенка, умершего год назад.

Впоследствии я узнал, что сарты, жившие около моего дома в Ташкенте, удостоили меня таким же плачем, когда решили, что я был убит. Но позже одна старуха-гадалка по неким круглым камешкам поведала им, что оплакивание было совершенно бесполезным, так как я не только жив, но и нахожусь не очень далеко и живу не с русскими, а с сартами.

Завывания женщин были так сильны, рыдания столь искренни и действовали на нервы так сильно, что моя жена, присутствовавшая на реквиеме, точно зная, что я жив, не могла сдерживать своих эмоций и тоже разразилась истерическими слезами.

С приходом весны, покой ушел из юлдашевского семейства.

Теперь все начала Тохта-джан. Однажды, во время нашего скудного обеда, состоящего из неизменного овощного супа и лепешек, она вдруг вскочила и, не надевая даже паранджи с чимбатом, бросилась к воротам, чтобы бежать к кази⁴³ просить развода. Юлдаш опередил ее, запер двери, схватил за руку и вернул к столу, несмотря на ее сопротивление. Тохта-джан ничего не ела, все время придиралась ко всем, раздражая и задевая всех за живое, пока Акбар и Юлдаш не вскочили и не закричали на нее. Это еще больше возбудило Тохта-джан, отвечая им, она пронзительно выкрикивала дичайшие обвинения. Всё вокруг обратилось в содом.

Вдруг Тохта-джан сделалась совсем безумной: она бросилась на самую безвредную, тактичную и добрую среди всех женщину – первую жену Акбара – и схватила ее за волосы. Губы Тахта-джан вытянулись, глаза заблестели, как у дикого зверя, рот открылся, будто она хотела укусить несчастную женщину, которая в ужасе отшатнулась от нее. Это было уже сверх того, что мог выдержать Акбар, который внезапным сильным толчком отбросил озлобленную фурию и дал ей гневного пинка.

Я испугался, что может случиться худшее, втянул Тохта-джан в свою комнату, рядом с которой и происходила эта ужасная сцена. Она тяжело дышала, пытаясь вырваться, но я преградил ей дорогу и начал ее успокаивать и утешать.

– Это не твое дело, тахир! – закричала она и выскочила, прежде, чем я смог остановить ее.

Другие члены семьи сразу столпились вокруг Тохта-джан. Она сказала им что-то такое, что привело их в ярость. Юлдаш в бешенстве схватил тяжелый железный засов и кинулся на нее, намереваясь ударить по голове. Убийство казалось неизбежным, но Камар-джан бросилась между ними и схватила его за руку. Я опять втолкнул вопящую женщину в свою комнату, где и закрыл ее. Юлдаш начал бить дверь снизу своим железным прутком, но я строго приказал ему остановиться, он сразу послушался и ушел. Нелегко было справиться с Тохта-джан. Она в бешенстве пыталась выпрыгнуть из окна, но я смог остановить ее и силой уложить на пол. Потом я налил большую кружку холодной воды, вылил ей на голову и заставил, правда под угрозами, немного выпить. Это привело ее в чувство, но потребовалось еще много времени, чтобы она успокоилась. Ее зубы стучали, тело дрожало, как в лихорадке, а глаза сумасшедше блестели.

Прошло около двух часов, прежде чем она окончательно успокоилась. Потом, удостоверившись, что Акбар и Юлдаш тоже остыли, я ее выпустил. Установилось временное перемирие.

Впоследствии Юлдаш рассказал мне, что Тохта-джан в яростном гневе хотела идти не только к кази, но и к аксакалам и сообщить, что у нас в доме прячется русский.

Вскоре после этого опять задумала Камар-джан. Как-то она начала устраивать сцены своему мужу, угрожая разводом, если ее требования не будут удовлетворены. Юлдаш принял сторону своей любимой жены. Он прекратил обедать с отцом и начал требовать денег от него на покупку жене обновы.

---

⁴³ В мусульманских странах судья, осуществляющий судопроизводство на основе мусульманского права (шариата).

Несчастный старый человек пришел ко мне в унынии и объявил, что Юлдаш и его жена замышляют отравить его, что Камар-джан давно рассказала своим подругам о том, что у них в доме скрывается русский, который дал ей сто рублей, чтобы она ничего не говорила о нем.

Следующим утром Камар-джан ушла рано, никому не сказав куда, и Юлдаш обезумел. Ее не было около двух часов и, вернувшись, она заявила совершенно ясно, что если не будут удовлетворены ее требования, то она пойдет немедленно к советским властям и расскажет им, что Акбар прячет русского.

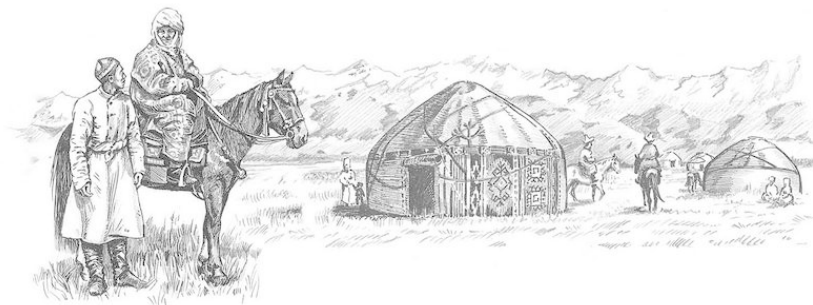
Я предложил Акбару денег для удовлетворения ее требований.

– Тахир, – сказал он печально, – сейчас совершенно невозможно купить того, что она хочет, и, даже если я это сделаю сегодня, то завтра она захочет вдвое большего. И потом все другие женщины тоже начнут просить. Нет, ты должен уйти.

Мне и самому было совершенно ясно, что необходимо уйти, но оставался открытым вопрос: куда?

Глава VI

Домашняя жизнь сартов и киргизов

Внутренняя жизнь центрально-азиатских народов мало известна европейцам, потому что тщательно скрывается от посторонних глаз. Европейцы, кроме случайных сведений в области семейных обычаев, не знают ничего.

Мое длительное пребывание в сартской семье уже описано. Я также имел возможность познакомиться с центрально-азиатскими традициями во время своих многочисленных странствий по Туркестану и Киргизской степи, поэтому рискну прервать последовательность моего рассказа своими наблюдениями, понимая, что это будет интересно и познавательно для читателя.

Не только европейцы, но даже русские, живущие в городах Туркестана, склонны видеть в женщинах – узбечках, киргизках, туркменках, а также в женщинах Хивы, Бухары и Кашгара – рабынь, проводящих всю свою жизнь в гаремах и призванных угождать капризам мужей, как своих хозяев. Европейцы считают, что местные обращаются со своими женами, как с вещью, что здесь обычным делом считается торговля женщинами, как рабами, и особенно высокая цена назначается за девушек.

Эти взгляды совершенно ошибочны. Для того чтобы понять положение женщин на Востоке, здесь я говорю о Туркестане, прежде всего необходимо освободиться от обычных для нас европейских понятий о браке. В восточных странах институт брака значительно отличается от нашего, сложившегося и менявшегося под влиянием христианских идеалов, в соответствии с которыми брак является сакральным действием, связью, санкционированной церковью, а не обычным гражданским актом. В языке узбеков, киргизов, кашгарских, татарских и других близких диалектах даже нет слов, соответствующих нашему слову «женитьба». Говорят только «взять женщину». Также нет подходящего эквивалента слову «любить», существует только пара фраз – «якши корамун», дословно – «хорошо подходишь», что равнозначно словам «я люблю». Глагол «карауджа», который употребляется в похожем контексте, означает «смотреть, наблюдать, контролировать, следить».

Семейная жизнь оседлого населения, сартов, с одной стороны, и кочевников, киргизов и туркмен, с другой, сильно отличается друг от друга, поэтому у них существуют различия и в положении женщин. Давайте сначала рассмотрим жизнь сартов.

Сарты берут своих женщин и расстаются с ними также легко, как мы поступаем со служанками. Жених платит родителям невесты калым, который зависит от положения родителей, молодости и прелести невесты. За девушку калым выше, за женщину – ниже. В реальности это может быть сумма в четыре или пять рублей. Они приобретают женщину как служанку или вещь для дома, только определенного сорта. Обычные человеческие чувства остаются сами по себе; преданность, любовь, дети могут скрепить договор, но по правде говоря, отношение сарта

к женитьбе точно такое же, как к любому гражданскому контракту. И хотя сделка проходит с благословения духовного лица – муллы, но это простая формальность. Верующие мусульмане все начинают с молитвы: режут ли овцу или рубят дрова, собирают ли урожай риса или снимают виноград, покупают ли дом или продают лошадь.

Следуя такому отношению к браку, сартская женщина принимает свое положение служанки мужа. Зато и процедура развода у них самая простая в мире. Если сартская женщина не довольна своим супругом, если он обращается с ней плохо, не удовлетворяет ее потребности, не дает ей достаточно одежды или пренебрегает ею, она просто идет к кази, просит развод и получает его достаточно легко. Часто женщина может пойти на развод только потому, что у нее нет новой праздничной одежды. Только материальный вопрос своего будущего существования удерживает ее от решительного шага. Чтобы не остаться в бедности, она получает содержание от бывшего мужа. Женщина уходит от одного мужа к другому точно так же, как слуга в Европе, при условии наличия спроса на нее.

Развод для обеих сторон не помеха для возобновления нового брака между бывшими супругами точно так же, как и последующий развод, и только после седьмого развода мужчина не может возобновить брак с этой женщиной. Если возобновление старого брака неприемлемо, при разводе муж трижды произносит слово «талак» (развод), полностью и навсегда разрывая отношения с женщиной.

Несомненно, закон, приспособляющийся к соответствующим условиям, находит лазейки в любых случаях. Обычно для женщины развод нужен лишь для того, чтобы привлечь к себе внимание остывшего к ней мужа. Бывшей жене достаточно вступить в брак с другим женщиной хотя бы на один день или просто ненадолго уйти к другому мужчине, чтобы первый муж пожалел о потере. Тогда он может опять начать все сначала: жениться, разводиться и заново жениться на своей бывшей жене.

Гаремы в том виде, как их представляют себе европейцы и как они выглядят в Турции и Египте, были в Туркестане только у ханов, эмиров и у придворных с высоким положением.

Богатые же сарты часто женятся на молодых девушках, а потом передают их какому-нибудь бедному родственнику или служащему, у которого нет денег для уплаты калыма. Но все это делается в уважительно-корректной манере, и все формальности строго соблюдаются, как говорится, с благословения муллы и с обязательным приглашением к плову и чаю. Ни закон, ни религия, ни обычай не чинят препятствий этим кратковременным бракам. Так, в письме бухарского эмира содержится целый список указаний женщинам, обязанностью которых был поиск для него невест. Он подробно определял, каким условиям должны удовлетворять эти прелестные юные девочки в возрасте тринадцати-четырнадцати лет. После нескольких дней брачного блаженства возвышенная личность передавала этих чаровниц в установленном порядке своим чиновникам и придворным. Такие порядки и обычаи полностью исключают теплые и романтические чувства.

Поэзия сартов, как уже было отмечено, очень бедна, фактически она ограничена несколькими песнями.

Киргизы же – очень поэтический народ. Они обожают музыку и песню, создают импровизации.

Известный русский писатель и поэт Всеволод Крестовский⁴⁴ несколько лет тому назад опубликовал книгу очаровательных стихов под названием «Песни Испании». На самом деле песни были переведены не с испанского, а с киргизского и были собраны в Западной Сибири. Перевод на русский сделал для Крестовского образованный киргиз Чокан Валиханов⁴⁵.

---

⁴⁴ *Крестовский Всеволод Владимирович* (1840–1895) – русский поэт и прозаик, литературный критик. Наиболее значительным произведением считается его роман «Петербургские трущобы».

⁴⁵ *Валиханов Чокан Чингисович* (1835–1865) – казахский историк, этнограф, фольклорист, путешественник и просветитель, офицер Генерального штаба Российской армии, действительный член Русского географического общества.

В нашем мире существует странная ситуация. Среди казанских татар и в Персии постоянно отмечается избыток незамужних женщин. Часто в этих регионах высокопоставленные и предприимчивые муллы организуют продажу невест в Туркестан, где получают за них от киргизов и туркмен очень высокую плату. Таким образом очень легко создать семью, заплатив калым, часть которого получают родители невесты, а часть – мулла, в виде комиссионных. Одно время это считалось настоящей работоторговлей, и пресса регулярно по этому поводу поднимала шум и крик. Но как можно назвать рабыней девушку, если она, недовольная своей семейной жизнью, может обратиться к мулле за защитой, расторгнуть брак и затем выйти замуж за другого мужчину? Фактически положение женщины в Туркестане намного лучше, чем у русской женщины-крестьянки, которая до сего времени является существом бесправным. Развод для крестьянок невозможен, даже если ее муж жестоко третировает ее, вплоть до того, что может безнаказанно забить до смерти. Незадолго до революции тяжесть положения крестьянок была признана властью и их жизнь была облегчена. Теперь женщина могла оставить своего мужа, жить отдельно от него, имея свой собственный паспорт.

Среди степных киргизов существует замечательная игра, которую, несмотря на все усилия, мусульманское духовенство бессильно пресечь. Игра заключается в следующем: вся молодежь садится верхом на лошадей, причем самых сильных и быстрых отдают девушкам вместе с хорошим, толстым кнутом. И начинается бешеная скачка. Игра заключается в том, что молодой человек должен догнать и поцеловать девушку, в то время как она скачет так быстро, как только может, и даже защищает себя кнутом, удары которого с трудом выдерживают сильные мужские руки, а ведь можно получить удар и по голове. Здесь не обязательно победа достается самому крепкому парню даже на самой быстрой лошади, а скорее тому, кто нравится девушке.

Положение женщин кочевников Туркестана, киргизов и туркмен, полностью отличается от положения женщин оседлого населения. Оно сохраняется в том же состоянии, как и в древности, не меняясь в течение веков даже под влиянием ислама. Калым за невесту очень высок, он может достигать сотен или даже тысяч рублей; иногда плата растягивается на несколько лет, как было и в старые времена Ветхого Завета. Обычно помолвка объявляется, когда невеста и жених еще в колыбели, и тогда же начинается выплата калыма. Согласие обручаемой пары, конечно же, не требуется.

Киргизская девушка обладает наибольшей свободой до вступления в брак. Ее ничто не сдерживает, она может любить того, кто ей мил и иметь столько романов, сколько ей пожелается. Ее поведение не только не обсуждается публично аульным обществом, но считается совершенно непростительным выдавать девичьи секреты и обсуждать их. Будущий жених не имеет претензий к увлечениям своей невесты, его очередь придет в надлежащем порядке, количество же ее любовников фактически свидетельствует о ее прелести. Даже наличие ребенка не уменьшает ее ценности. Дети – богатство, и для каждого разумного мужчины они желанны. Обсуждение возможно только по вопросу пребывания ребенка: остается ли он в роду своей матери, либо отправляется вместе с нею в род жениха.

Когда киргизская девушка выходит замуж, она становится не только собственностью мужа и его семьи, но также и его рода, который она не имеет права оставить. Клановая система очень строго соблюдается среди киргизов. Поэтому после смерти мужа или даже жениха вдова не становится свободной, она – предмет наследования и передается брату или другому родственнику мужа, который может быть даже несостоятелен для брака по возрасту.

Однажды в Тургайской степи я был свидетелем киргизской свадьбы. Дочь моего друга – двадцатидвухлетняя девушка – выдавали замуж за девятилетнего мальчика, который унаследовал ее от своего старшего брата, недавно умершего. Бедная девушка была вынуждена подчиниться решению получить девятилетнего ребенка в качестве мужа. А он в это время играл в счастливом неведении, не сознавая важности событий, происходящих с ним.

Как прирожденные скотоводы, киргизы придают огромное значение кровному родству не только среди животных, но и среди людей. Один мой киргизский друг жаловался на неразумные поступки своего юного сына и сильно удивлялся, от кого тот мог унаследовать дурные качества.

– Его мать ведь была из очень хорошего рода, – говорил он, забывая при этом, что сам также мог передать дурное наследство сыну.

В другом случае богатый киргиз, которого я хорошо знал, не имел детей. Он часто бывал у моего русского друга, имевшего чудных детей – двух мальчиков и девочку. Киргиз часто приезжал к ним в гости со своей женой, которая не могла сдержать слез, видя маленьких детей, завоевавших ее сердце. И однажды киргиз предложил моему русскому другу остаться на несколько дней в его ауле.

– Я уеду ненадолго в другой аул, – сказал он. – Моя жена отчаянно хочет иметь таких же прекрасных детей, как и твои.

Несмотря на субординацию по отношению к своему мужу, киргизская женщина играет очень важную роль в семейной жизни, в особенности старшая жена. Без ее совета и согласия, которые обычно даются по секрету, не принимается ни одно важное решение. Она пользуется уважением не только семьи своего мужа, но и всего клана или даже региона.

Знаменательным примером независимой позиции женщины может служить Курманжан-датка – «Царица Алая», которая умерла относительно недавно. В 70-х годах XIX века она была главой кыпчаков, или горных киргизов Алая и Памира. Под ее правлением эти горные номады оказали очень сильное сопротивление генералу Скобелеву, знаменитому завоевателю Ферганы. Только благодаря превосходству современного оружия и методов ведения войны, русский генерал одержал победу. Впоследствии ее сыновья долго занимали официальные посты в системе уездного управления царской России. В начале XX столетия Курманжан-датка, которой в то время исполнилось 90 лет, получила в дар от царя Николая II драгоценное бриллиантовое ожерелье стоимостью в десять тысяч рублей.

Другая «датка», туркменская женщина, была главой туркмен в транскаспийской провинции⁴⁶. Не имея никакого официального поста, даже никем и никогда не избираемая, она пользовалась огромной популярностью среди всех туркмен. Благодаря ей туркмены смогли оказывать длительное сопротивление вторжению большевиков и введению коммунистического режима.

В истории тюркских народов выдающиеся женщины играли очень важную роль. Нет ни малейших причин сомневаться в истории Геродота о царице массагетов⁴⁷ Томирис, разбившей войска самого персидского царя Кира – покорителя Азии. Историки считают этот рассказ мифом, но он прекрасно согласуется со всем, что нам известно о кочевниках Азии. Нет никаких сомнений, как считает профессор Ф. Г. Мищенко⁴⁸, что скифское племя массагетов является предками киргизов, живущих сегодня в Тургайской степи, где до сих пор сохранились такие названия как река Массаетка и гора Массает.

Не будь у нас огромного преимущества в вооружении, кто знает, возможно, наш великий герой генерал Скобелев разделит бы участь Кира. Имя Томирис, как и другие скифские имена, – тюркского происхождения. Это имя означает «гнуть или ковать железо», от тюркского «темир» – «железо» и напоминает имя другого знаменитого воина Азии – Темурленга или Тамерлана, отдаленного потомка его знаменитой соотечественницы Томирис. Внимательно читая рассказы Геродота об амазонках и их происхождении, приходишь к несомненному убеждению, что амазонки были женами тех самых тюркских мужчин-номадов, которые ушли вое-

---

⁴⁶ Гульджемал-хатын (1836–1919) – правительница Мургаба, при ее активном содействии в 1884 году Мургабский оазис был присоединен к России, была верной сторонницей царизма.

⁴⁷ Одно из скифских племен.

⁴⁸ Мищенко Федор Герасимович (1848–1906) – профессор, русский историк античности, перевел с древнегреческого языка «Географию» Страбона, «Историю» Геродота, «Историю» Фукидида, «Всеобщую историю» Полибия.

вать в дальние страны. Первый слог в их названии – тюркское слово «мать», передающее саму идею женщины. В таком случае замечательное описание Геродотом скифов, их манер и обычаев, не оставляет места сомнениям в том, что он описывал предков этих самых людей, которые сегодня называются киргизами, именно они в то очень далекое время населяли степи Южной России и Западной Сибири.

Из описания положения женщин народов Туркестана, которое осталось неизменным в течение тысяч лет, очевидно, что полигамия так глубоко укоренилась в их обычаи и в жизнь семьи, что восточные женщины, вероятно, просто потеряли всякое чувство ревности, но с другой стороны, чувство зависти друг к другу очень сильно окрепло. Они считают нормальным, что их муж делит свою любовь между несколькими женщинами, но если одна из них будет получать больше прекрасных платков и нарядных платьев, чем остальные, одно это может переполнить чашу женского терпения.

Характеризуя законодательство Советского правительства в делах по браку, как и в других направлениях, можно увидеть множество противоречий. В своих законах о браке и разводе коммунисты похоронили христианские семейные традиции, но они не посмели коснуться брачных прав и полигамии мусульман. И не сомневаясь в позиции отрицания любых религий, они разделили свои субъекты на две категории, исходя из их религиозной принадлежности. Христиане могут менять своих жен так часто, как захотят, но они не могут иметь более одной жены во время одного брака, в то время как мусульмане не имеют никаких ограничений в количестве жен.

Следуя логике, марксистские последователи должны были устранить противоречия и уравнивать права этих двух групп так же, как они устранили не только религиозные и моральные основы института брака, но также и его эстетический базис.

После отступления о семейной жизни трайбов⁴⁹ среди которых я провел так много лет, возвращаюсь к рассказу о моих странствиях.

---

⁴⁹ Tribe (англ.) – племя, клан, род.

Глава VII Укрытие среди киргизов

Стало очевидно, что как можно скорее я должен покинуть дом Акбара. Было решено вернуться к моему киргизскому другу Джакши-бау, посоветоваться с ним и найти другое убежище.

Но ехать даже ночью было опасно, потому что надо было пересекать реку по мосту, где всегда стояла охрана, а она останавливала и проверяла всех. Правда, если ехать очень поздно, была вероятность того, что охрана может спать, но если постовые спать не будут, то они обязательно меня остановят, так как местные никогда не ездят поздно ночью. Можно поехать и засветло, когда по дороге движется много людей, но в это время охрана более бдительна, и я могу легко привлечь их внимание. После определенных колебаний я принял средний вариант.

Около десяти вечера лошадь Акбара была оседлана. Его младший сын сел позади меня: он должен был вернуть лошадь обратно. Со стороны мы выглядели похожими на местных, которые часто ездили на лошади вдвоем, чего русские никогда не делали. Я был грузен и весил более восьмидесяти килограммов. Когда добавился еще вес мальчика, около сорока килограммов, бедная лошадь начала спотыкаться, но потом выправилась и зашагала довольно резво.

На мне была охотничья куртка, высокие ботинки, сверху сартский халат и меховая шапка. Издали я легко походил на местного, но вблизи любой мог заметить по моему лицу, что я русский. Одеться совсем как сарт было еще опасней: станет понятно, что я специально пытаюсь скрыть свою национальность. Было решено, что простой халат не вызовет подозрений, так как русские в целях экономии часто носили их вместо пальто.

Когда мы подъехали к мосту, мальчик потихоньку соскользнул с лошади и, прячась среди деревьев, стал наблюдать, что случится со мной. Конечно, бедный паренек был совершенно прав, зачем ему было втягиваться в мое рискованное и опасное предприятие.

Красные охранники, уставшие от дневных забот, отдыхали, занимаясь игрой в карты. Они не обратили никакого внимания на одинокого всадника. Я медленно пересек мост и на другой стороне реки быстро повернул в степь.

Недалеко от двора Джакши-бая я послал мальчика узнать, что к чему, а сам спрятался за деревьями. Ждать пришлось очень долго. Наконец, паренек вернулся в ужасном волнении. Он сказал, что Джакши-бай лежит больной, а во дворе стоит красная кавалерия, пришедшая за фуражом для своих лошадей.

Было очень опасно здесь оставаться.

Мальчик повел меня дальше в степь к другому богатому киргизу, другу Акбара. Ночь была душной, яркие сполохи молний предвещали непогоду.

Киргиз встретил меня самым дружественным образом, пришлось объяснить ему, что я землемер, работающий в степи и попавший в непогоду, и прошу у него разрешения на приют и ночлег. Он предоставил мне помещение в виде веранды, открытой в степь.

Гроза становилась все сильнее, горизонт освещался все более продолжительными сполохами и гром гремел непрерывно. В Туркестане грозы весной не редкость, но они обычно быстро прекращаются.

Непогода мало беспокоила меня, голова была занята проблемой моего дальнейшего пути и ближайшего будущего. Положение было очень трудным. Здесь я был абсолютно беззащитен, красногвардейцы и комиссары находились повсюду. Не было никакого транспорта, деньги заканчивались. Мой небольшой, но такой необходимый багаж остался у Акбара. С собой был только «курджун», парная переметная сума, и в ней – все, что я имел. Беспрерывная гроза и неутрачиваемое внутреннее беспокойство долго не давали мне уснуть.

Рано утром я услышал голоса моего хозяина и какого-то незнакомого человека, спрашивающего о госте.

– Это землемер, он работает здесь, в степи, – отвечал мой хозяин.

Затем наступила тишина. Через одну или две минуты я услышал голос человека, читающего Коран, и было заметно, что арабские слова он произносил со странным акцентом. Было очевидно, что чтец не местный. Чтение звучало долгое время, и я догадался, что это была молитва за выздоровление какого-то больного.

Пришлось притвориться спящим, чтобы дожидаться ухода муллы. Прошло много времени, прежде чем я рискнул выглянуть и, никого не увидев, встал.

Вокруг простирались поля клевера и другие посева, на пригорках виднелись усадьбы местных земледельцев, обозначенные куртинами высоких тополей. Дом моего хозяина состоял из внутреннего двора и нескольких маленьких темных комнат. С широкой наружной веранды открывался вид во все стороны. Киргизы привыкли к свободе и простору степи, и, даже принимая оседлый образ жизни, сохраняли древние обычаи и привычки кочевников, потому строили дома на открытых местах.

Хозяин принес лепешку, молока и спросил, где я работаю, где живу и так далее. Я сказал, что обслуживал этот район раньше.

– Да, я помню, – ответил он. – Я помню, как готовил самовар для вас.

Тут и я тоже вспомнил его. Около пяти лет назад он и еще трое других мужчин арендовали у меня участок земли для выращивания хлопка. Хотя борода сильно изменила мою внешность, он узнал меня – у киргизов чудесная память на лица, и зачастую они узнают людей, которых они видели лишь однажды много лет назад.

Был прекрасный день, солнечный и яркий. Все вокруг зеленело, даже крыши построек были покрыты зеленой травой, украшенной алыми маками. После моего долгого заключения, каким наслаждением было просто бродить или лежать, растянувшись на траве у арыка. Это было настоящим блаженством – упиваться красотой природы, свободой, вдыхать чистый, ароматный воздух. Но наслаждение омрачалось ощущением опасности.

В полдень, когда я сидел на берегу канала, обдумывая различные варианты, куда и как продолжать мой путь, худой смуглый человек с орлиным носом подошел ко мне. Он был одет, как сарт, но на голове была красная феска. Он вежливо приветствовал меня, сел и начал рассказывать о себе.

– Я – мулла, – объяснил он. – Здесь читаю молитвы за выздоровление маленького сына нашего хозяина. Он болеет давно, но сейчас ему намного лучше.

– Я не сарт, – продолжал он. – Я араб и был арестован вместе с другими людьми генерала Юденича⁵⁰ районе Эрзерума и отправлен в Сибирь. Там было очень холодно. Я бежал через

---

⁵⁰ Юденич Николай Николаевич (1862–1933) – генерал от инфантерии (1915), российский военный и политический дея-

киргизскую степь в Туркестан. Здесь большевики взяли меня и отправили на фронт против атамана Дутова, но я бежал и оттуда, и теперь, как видите, обитаю среди сартов и киргизов. Они обращаются со мной очень уважительно, учитывая мое духовное положение и ученость. Приглашают и платят за чтение молитв. Я вижу, что вам плохо, как и всем приличным, образованным людям. Пойдемте со мной в горы; там мы найдем еду и кров. Мы будем в безопасности и сможем жить спокойно среди киргизов.

– Нет, – ответил я. – Я не могу так поступить. У меня есть дело, которое нельзя оставить.

– Но это нехорошо – жить среди жестоких убийц, они хуже, чем собаки. Не служите большевикам, – мулла говорил горячо и серьезно. – Послушайте, давайте вместе уйдем в горы...

Я не мог воспользоваться его предложением, хотя соблазн был высок. Прежде всего, нельзя было прерывать контакты с моими друзьями в городе, отношения с которыми поддерживались с огромным трудом. Я получал от них новости даже здесь, к тому же не мог бросить свои вещи у Акбара, поэтому чудесная жизнь, которую мне предлагали, не входила в мои планы. Главная мечта, которая казалась выполнимой, – пройти до Китайского Туркестана в Кашгар, где еще были старое Русское консульство и Британское генеральное консульство, и через них существовали связи, хотя и отдаленные, с цивилизованным миром.

Накануне вечером хозяин сказал нам, что собирается к своим стадам в горы и здесь останутся только женщины. Это был вежливый намек на то, чтобы мы покинули дом. Естественно, он догадался, что я не землемер, и на самом деле скрываюсь от советских властей.

Итак, мы с арабом отправились на поиски другого места, где могли бы остановиться на ночь. Сначала мы зашли в дом когда-то богатого киргиза, которого большевики обобрали до нитки. Комиссары забрали весь его скот и все запасы зерна и фуража. Когда мы объяснили ему ситуацию, он печально ответил:

– Большевики лишили меня всего имущества. Если они увидят, что я даю пристанище двум беглым, то они заберут и мою жизнь, и в придачу жизнь моей семьи.

Тогда мы пошли к знакомому мне киргизу, но из двери дома вышел его родственник, который, признав меня, ужасно испугался:

– Ради бога, тахир, ... как вы не боитесь ходить открыто, когда большевики повсюду ищут вас? Вы не должны оставаться у нас. Комиссары и красногвардейцы из русской деревни непременно появятся здесь.

Мы ушли. Араб философски заметил:

– Если мы не можем найти приют среди богатых, давай попытаем счастья среди бедных.

И мы пошли к его знакомому бедному киргизу, который жил у дороги.

– Я приму вас с радостью, – сказал он, – хотя я живу рядом с дорогой, по которой проезжают сотни комиссаров, но я так беден, что ничем не привлекаю их внимание.

Он дал нам лепешек, яиц и поиграл для нас на комузе. Весь его дом состоял из одной маленькой темной лачуги и веранды. Я уснул сразу и был спокоен всю ночь, но утром лишь случай сохранил меня.

После завтрака я поднялся и стал осматриваться вокруг. И тут я увидел своего хозяина, молча бегущего к дому через поле и отчаянно машущего мне руками. Я взглянул на дорогу и там, к своему ужасу увидел экипаж, запряженный парой лошадей, погоняемых людьми, одетых в черную кожу. За ними рысью следовали десять красногвардейцев. В одно мгновение я прыгнул через перила веранды, и вся группа быстро промчалась мимо, не заметив меня.

Я прокрался в лачугу, куда вскоре вошел мой хозяин, сильно возбужденный:

– Это были комиссары из ЧК. Сосед рассказал мне о них, и я побегал предупредить тебя. Еще бы чуть-чуть – и я бы не успел. Ты сиди и жди здесь, пока я схожу и хорошенько осмотрюсь кругом. Пока я не вернусь, не выходи – это очень опасно!

Мое положение было отчаянным, и, казалось, не было пути к спасению. Я вспомнил про одного знакомого сарта, по имени Давлет, живущего где-то неподалеку. Он был очень находчивым парнем. Я решил, что Давлет сможет найти мне надежное укрытие, но не знал точно, где он живет. Единственный способ найти его – пойти на базар и спросить о Давлете в «чайхане» или чайной.

Когда хозяин вернулся с новостями, рассказав, что комиссары поехали по селениям и не вернуться назад этой дорогой. Ободренный этими известиями, неожиданно для себя я решил сам пойти на базар и найти Давлета, хотя это и было рискованным поступком.

Убедив своего хозяина принять немного денег, которые я держал на черный день, я попрощался и пошел в поселок. Араб составил мне компанию до окраины поселка, потом тепло пожал мне руку и мы расстались.

В поселке я сразу направился в самую большую чайную. Едва я вошел, как молодой сарт, сидящий там, тут же поднялся и быстро пошел навстречу мне.

– Ну, теперь все, – подумал я, похолодев от ужаса. – Если он агент ЧК, то сдаст меня и вызовет охрану.

Он подошел прямо ко мне и спросил:

– Что привело вас сюда?

– Я работаю здесь, меряю землю по соседству, – ответил я, как можно спокойней. – Я ищу сарта по имени Давлет.

– А, подрядчика. Я полагаю вы хотите, чтобы он снабжал провизией ваших людей? – сказал парень громким голосом так, чтобы все сарты, сидевшие вокруг, могли его слышать. – Подождите в задней комнате, а я пошлю за Давлетом. Сегодня базарный день, я уверен, он где-то здесь на базаре.

Он проводил меня в уютную маленькую комнату позади террасы, где никого не было, и сказал мне:

– Вы не представляете, как я рад видеть вас живым и здоровым, тахир!

– Но кто вы? – удивленно спросил я его.

– Конечно, вы не знаете меня, – ответил он. – Но я вас знаю. Я Саид, племянник Акбара.

Мой новый друг настойчиво угощал чаем, лепешками и делал все, чтобы я чувствовал себя комфортно.

Вскоре пришел Давлет и в его обычной деловой манере спросил, не нуждаюсь ли я в деньгах?

– Сколько вам нужно? Я готов достать для вас, – говорил он.

– Денег мне нужно немного, но больше всего я нуждаюсь в укрытии, – ответил я.

– Хорошо! Здесь вы будете в безопасности. Не беспокойтесь! Владелец чайной – хороший парень, он не выдаст вас, а завтра я найду надежное место.

Я спокойно просидел в этой маленькой комнатке до самого вечера, и все это время мой юный друг не покидал меня. Посетители, время от времени заходившие в комнату, не обращали на нас никакого внимания.

После ужина с превосходным пловом хозяин чайной вывел меня во двор и открыл сарай, где хранилось сено. Он посоветовал мне не беспокоиться и сказал, что здесь можно спать без опасений. Из предосторожности он закрыл дверь на замок и положил ключ себе в карман.

Я лег на кучу люцерны и сразу уснул.

Следующим утром я проснулся от веселого щебетанья ласточки. Птица, сидевшая под притолокой двери, деловито издавала не совсем мелодичные, хотя и приятные короткие звуки. Она построила свое гнездо под потолком, и весь долгий, утомительный день, который я провел взаперти в этом жарком сарае, маленькая птичка много раз влетала, садилась на дверь и ободряла меня своим щебетанием. У меня было такое чувство, что ее целью было помочь мне преодолеть обрушившиеся неприятности, она будто хотела сказать: «Не горюй! Не отчаивайся!»

С тобой будет все хорошо!» Это действительно помогало мне, я лежал, слушая ее успокаивающие, ласкающие слух короткие песенки. Я нуждался в такой поддержке в эти самые тяжелые, черные, наиболее безнадежные дни моей жизни, сидя здесь, в этом запертом несчастном сарае, без надежды на будущее...

Внезапно в сарае появилось еще одно живое существо. Это была ласка – хитрый безжалостный хищник. Тихо, с удивительной ловкостью она карабкалась по вертикальной стене, пролезая, как змея, среди потолочных балок и кровли, стараясь подобраться к ласточкиному гнезду. Но птицы построили свой маленький дом так искусно, что он был абсолютно недостижим даже для такого ловкого маленького разбойника. Исследовав весь потолок в бесплодных попытках найти путь к гнезду, ласка, отчаявшись, сползла по стене вниз и исчезла.

Поздно ночью, когда все легли спать, хозяин чайной пришел с Давлетом и племянником Акбара Саидом. Они провели меня в другое найденное ими безопасное место.

Мы шли довольно долго, и, наконец, в глубине темной тополиной аллеи подошли к воротам, возле которых нас поджидал незнакомый мне сарт. Была очень темная ночь, и я, следуя за хозяином ошупью, вошел, очевидно, на какую-то веранду. Сарт сказал мне:

– Вы будете здесь. Можете ложиться спать, а я пойду на мельницу и закрою ворота.

Мне ничего другого не оставалось, как нащупать руками на полу одеяла и лечь.

Ночью мне снилась великая победа белых, триумфальный марш победившей армии на большом параде; я слышал крики радости, когда оркестр играл музыку финальной сцены из оперы Глинки «Жизнь за царя». Когда я проснулся, вернувшись в реальность, мне показалось, что звуки музыки и колоколов продолжались. Я открыл глаза и украдкой огляделся: огромное колесо мельницы, вращаясь, скрипело и пищало – это и был триумфальный марш, который я слышал во сне!

Мельница располагалась в очень уединенном месте, окруженном оросительными каналами, был только один проход в сторону тенистой тополиной аллеи. Густые ивы, массивные вязы и множество белых акаций росли вокруг. К мельнице прилегал крошечный двор с маленькой темной хижинкой и террасой, где я сейчас находился. Двор сообщался с мельницей через маленький проход, в который крупному мужчине было бы трудно протиснуться, и он закрывался специальным затвором. Очень маленьким низким лазом можно было проползти и попасть со двора на берег большого канала. Когда становилось темно, я мог выходить этим путем прогуляться вдоль берега или по полям.

В сравнении с моими прежними убежищами, это было поистине роскошным. Я мог гулять по двору даже в дневное время, наслаждаться солнечным светом и чистым воздухом, купаться в канале, наблюдать за птицами на деревьях и читать. На одном из больших вязов было гнездо иволги и несколько маленьких красных чечевиц (*Carpodacus rubicilla*) оживляли ряд ив. Наши туркестанские голуби (*Peristera cambayensis*) слетали вниз в маленький дворик вместе с белыми трясогузками. Теперь, наконец, я опять мог жить относительно свободно, наслаждаясь светом и картинами окружающей природы.

Давлет принес мой багаж вместе с пасхальным куличом и крашеными яйцами, переданными из Ташкента, как говорится, лучше поздно, чем никогда, и несколько газет и писем. Большевицкие издания были полны тревоги. Армия адмирала Колчака⁵¹ уже приближалась к Уралу. В письмах моих друзей сообщалось, что казаки атамана Дутова были недалеко от Казалинска. Советские комиссары в Туркестане топили свой страх в вине. Похоже, что мои мечты могли стать реальностью. Все это ободряло меня и давало надежду.

---

⁵¹ Колчак Александр Васильевич (1873–1920) – В 1900–1902 гг. и в 1908 г. участвовал в полярных экспедициях, организованных Российской Академией Наук по изучению Северного морского пути. Участник Русско-японской войны. Участник I мировой войны в качестве командующего Черноморским флотом (1916) в звании вице-адмирала. В 1918 г. в Омске Колчак был назначен Верховным правителем России. Воевал против Советской России. В 1920 был расстрелян.

Через какое-то время владелец чайной пришел вечером навестить меня и принес последние новости и слухи, которые он узнал от сартов и киргизов. Он рассказал мне о партизанской борьбе против большевиков в Фергане и о киргизском восстании в долине Чаткала.

Однажды Давлет сообщил о том, что мой знакомый В. хочет встретиться со мной. Я знал его не очень хорошо, но у него была репутация надежного, честного человека. На следующую ночь тайком он пришел через маленький лаз от мельницы. Это был первый русский, встреченный мной с тех пор, как я покинул Ташкент. Он рассказал мне о последних событиях и предложил свою помощь.

– Я не совершаю каких-либо действий против большевиков, но считаю своим моральным долгом помогать тем, кто не жалеет своей жизни в борьбе с ними, – сказал он.

Мы обсудили положение в деталях и решили, что он поможет мне уйти в уединенное горное укрытие в долине одного из притоков Чаткала, где я смогу прожить до зимы. Он пообещал раздобыть для меня необходимые документы, выданные советскими властями, но на другое имя, чтобы я смог пройти красногвардейские посты.

Жизнь при коммунистах наполнилась красными лентами, бесчисленными пропусками, удостоверениями, паспортами и мандатами, и никто не мог покинуть город и пройти в ближайшую деревню или по главной дороге без документа. Но некоторые большевики были настолько продажны, что любой документ на любое имя при желании и при деньгах было нетрудно добыть. Хороший пример продажного чиновника представлял собой начальник милиции города Ташкента, «шеф охраны», как его называли, «ангел-хранитель города», как он сам себя величал, латыш по имени Цируль⁵².

На самом деле он был пекарем, едва умевшим читать и писать, имел двенадцать лет уголовной отсидки в прежние времена за грабеж с насилием и убийством. Его освободили из тюрьмы при Керенском⁵³. Цируль, не колеблясь, отправлял людей на смертную казнь. Собственноручно пытал и допрашивал неудобных. Из рук такого «товарища» мой друг получил для меня «мандат» безопасности для проезда в горы, конечно, под вымышленным именем. В этом документе, заверенном ЧК, утверждалось, что мне его вручили лично.

Через три недели все было готово, и поздно ночью за мной к уединенной мельнице прибыл В. с парой оседланных лошадей. Я вышел из маленьких ворот, пересек канал и уехал тайком от всех. Я слышал потом, что мельник, принесший утром завтрак, был очень удивлен моим исчезновением, ведь дверь была заперта, а ключ находился у него в кармане. Ужаснувшись моему исчезновению, он побежал к Давлету сообщить, что его гость пропал. Давлет успокоил его, так как был в курсе моих планов.

Тайный отъезд был абсолютно необходим. Я так долго жил в изоляции и все время так искусно прятался, что даже хорошо знавшие меня люди порой не могли предположить, где я; и теперь, заметая свои следы, я просто исчез. К этому времени большевики уже перестали искать меня. Они были сбиты с толку. Один из моих друзей, близкий к ним, получил сообщение от их собственного агента, что я нахожусь в Бухаре.

Следующим утром я верхом на лошади двигался в голове каравана из семи верблюдов, груженных пчелиными ульями. Я был одет как «товарищ» в поношенную старую солдатскую шинель, в грязную рубашку, на голове у меня была черная кожаная кепка. В кармане был советский паспорт с серпом и молотом на имя Николая Ивановича Новикова, с целым пакетом

---

⁵² Цируль Фриц Янович (1886–1925) – настоящая фамилия Цирулис. Член РСДРП(б). С 1904 г. в г. Ташкенте. Сидел в тюрьмах 7 лет и 2 мес., в ссылке – 2 года и 6 мес. Начальник охраны г. Ташкент (1917), начальник Ташкентской новгородской милиции и заведующий отделом управления Ташкентского Новгородского исполкома (1918–1922), председатель ГПУ Туркестана (1922). Начальник управления Московской рабоче-крестьянской милиции (1923–1925). Погиб в автокатастрофе. После гибели Цируля его имя было присвоено московской школе милиции и клубу милиции.

⁵³ Александр Федорович Керенский (1881, Симбирск, Российская империя –1970, Нью-Йорк, США) – политический и общественный деятель; министр, затем министр-председатель Временного правительства (1917), один из лидеров российского политического массонства.

разрешений, сертификатов и мандатов, дававших мне право на проезд в горы в составе каравана пчеловодов. Теперь я был мирный и законопослушный гражданин Туркестанской Советской Автономной Республики. Началась новая жизнь.

Глава VIII

Наедине с природой

Меня очень тревожило одно обстоятельство. Друзья, которые организовали мое исчезновение, утверждали, что трудно спрятать мою «пролетарскую» внешность, хотя я и отраслил бороду. Еще во время допросов я узнал, что пролетарии раздражаются от одного вида образованного человека. Позже, во время скитаний по Семиречью, я был вынужден скрывать факт моей принадлежности к образованному классу. Большевики, русские крестьяне и киргизы могли заподозрить, что я не пролетарий, и поступить соответственно своему отношению к этому, а оно, в зависимости от случая, было враждебным, дружелюбным или безразличным.

Итак, я еду в горы, давая волю фантазии и размышлениям. Но в самом первом на пути поселке, посреди базарной площади, ослабли подруги, и мне необходимо было перевьючить верблюдов. Все это делалось, к моей величайшей тревоге и беспокойству, на виду у красного патруля, стоявшего неподалеку. Двое солдат медленно подошли, явно желая задать мне вопросы, но я опередил их, сказав решительно:

– Не подходите близко к ульям, товарищи, пчелы могут вылететь и сильно вас искушать. Солдаты поспешно отошли.

День выдался солнечным и очень жарким. Отвратительная кожаная кепка не имела никакой вентиляции, она притягивала солнечные лучи, которые пекли мою голову так, словно она оказалась в печи. Это становилось невыносимым, и через какое-то время я почувствовал, что теряю сознание и падаю с лошади.

Много раз в ушедшие счастливые дни я ездил один по этой самой дороге, но никогда, даже в самую жаркую погоду, не испытывал подобного состояния, имея на голове тропический шлем или светлую войлочную шляпу.

По дороге нам встречались красные патрули и комиссары, ехавшие в удобных экипажах, запряженных великолепными лошадьми, вероятно, реквизированными. Наш миролюбивый вид не вызывал подозрений, и большевики не приближались к ульям со злыми пчелами.

Весна была в полном разгаре: все было зеленым, птицы пели, воздух был чистым и прозрачным, а небо – темно-голубым и безоблачным.

По пути я увидел курьезную сценку, которую не могу не описать. Это было что-то вроде воробьиного турнира. Птицы сидели кругами вдоль дороги, а в центре такой импровизированной арены два петушка-воробья сходились в смертельной схватке. Остальная аудитория с большим интересом наблюдала за поединком и была абсолютно поглощена им. И только когда моя лошадь почти наступила на них, они неохотно взлетели. В Туркестане живут индийские воробьи (*Passer indicus*), отличающиеся от европейских видов. Я никогда до этого не видел и не слышал о воробьиных боях, да еще происходящих в присутствии зрителей, хотя подобная

дуэль известна среди тетеревов и обычна у турухтанов (*Machetes pugnaх*), которым вообще присуща драчливость.

Поздно ночью мы достигли речной долины, по которой верблюды уже не могли продвигаться. Мы остановились на берегу горного потока, разгрузились и отправили верблюдов обратно. Я остался один и неосмотрительно лег спать на веранде полуразрушенного строения. Ночью я был разбужен укусами огромных черных клопов (*Reduvius fedschekianus*, Oshanin). Эти ужасные существа были размером в два сантиметра, с длинным острым носиком, который они вонзали в кожу, оставляя красные следы, и место укуса болело и жгло огнем долгое время. В прежние времена туркестанские ханы, наказывая преступников, опускали их в глубоководную яму, наполненную этими отвратительными насекомыми. В такую же яму эмир Насрулла бросил двух британских офицеров: полковника Стоддарта и капитана Конолли⁵⁴, прибывших в Бухару с дипломатической миссией в 1842 году. Их страдания были ужасны еще до того, как их вытащили из ямы и казнили публично.

Следующим утром я пошел к ближайшему горному селению, жители которого были таджиками – потомками настоящих персов, населяющих Туркестан. Среди них я нашел своего старого друга – Османа, с которым мы некогда много ходили по окрестным горам, охотясь на «тау теке» или козерогов (*Capra sibirica*), многочисленных в этих местах.

На другой день я нанял ослов, и мы с Османом поехали дальше в горы. Сначала мы преодолели невероятно крутой и утомительный подъем, а потом тропа привела нас в долину с рощами грецкого ореха и зеленеющими полями пшеницы и клевера. Вдоль дороги стояли летние хижины местных жителей, окруженные фруктовыми садами. Ароматный шиповник был в полном цвету, повсюду зрели ягоды тутовника. Я наслаждался ими.

Весной эти горные долины необычайно хороши. Здесь часто идут дожди, воздух приятен и свеж, и не очень холодно, даже ночью. Повсюду изумрудная зелень полей, деревьев и множество полевых цветов. Отвесные, не покрытые растительностью скалы красноватым оттенком напоминали латеритные поверхности в тропиках. Красный цвет почвы гармонировал с зелеными полями, лесом, глубокой синевой неба с легкими белыми облаками. Эти панорамы очаровательных картин первозданной природы и это бегство в глубины горной страны прочь от коммунистических экспериментов и разрушенного мира были настоящим утешением для болящей души.

Мы пересекли глубокое ущелье, внизу которого, ворочая валуны, несся поток. Здесь тропа кончилась, и стоило большого труда сделать среди камней проход, пригодный для ослов. Потом мы шли крутыми склонами и преодолели трудный подъем на высокую гору. Интересных цветов и растений становилось все больше. Пройдя несколько ущелий, мы вошли в темный густой лес, состоящий из огромных ореховых деревьев, зарослей яблонь, терновника, боярышника, клена и железного, или крапивного, дерева (*Celtis australis*). Этот лес занимал подножие склона и тянулся вправо, вниз к журчащему ручью. Очень узкая тропа, наполовину заросшая и используемая сейчас только дикими животными, причудливо вилась вдоль склонов, но всегда находилась в тени деревьев. Открытые места в лесу заросли разнообразными кустарниками и травами, создавая впечатление рукотворного парка.

Какое-то время мы двигались по тропе в приятной прохладе, вдыхая воздух, наполненный ароматом полевых цветов. Она вела нас то по открытым местам, то по трудно проходимым чащам, иногда по самому краю крутых скал. Местами тропа была размыта дождем или завалена стволами упавших гигантов-деревьев, и нам приходилось расчищать дорогу для наших груженых ослов. Затем мы спустились в глубокое ущелье, на дне которого был густой лес. Склоны ущелья поросли кустами шиповника, покрытого белыми и желтыми душистыми цветами. Внизу, среди скал белого известняка, журчал поток. Мы перешли его, с трудом вска-

---

⁵⁴ Английские офицеры, казненные в 1842 г. в городе Бухаре по приказу эмира Насруллы.

рабкалились на другую сторону по сильно размытой тропе и остановились в тени огромных ореховых деревьев.

Я отпустил Османа с ослами обратно. Он обещал прислать мне хлеб и другие необходимые вещи, а я остался наедине со своими ульями.

Это было необычайно красивое, с роскошной растительностью местность. Внизу деловито журчал ручей, а лес был полон разнообразных птиц и растений. Я бывал здесь и раньше с охотой на дикого кабана, но тогда была осень, не было такого богатства цветов и растений: летняя жара убивала пышную растительность.

Стемнело еще до того, как я начал сооружать себе под деревом постель, а с запада стали подтягиваться тяжелые облака. Я наломал веток, нарезал травы и уложил их так, чтобы не оказаться на влажной земле, если пойдет дождь. Из нескольких веток, плаща и маленького брезента, который у меня был, я устроил что-то типа навеса над ложем и лег спать.

Сначала дождь начал барабанить понемногу, но быстро превратился в настоящий ливень. Раскаты грома перекачивались между скал, сливаясь в один нескончаемый грохот, а непрерывные вспышки молний освещали фантастическую картину леса. Внизу ущелья ревела река, шум воды становился все громче и громче, и поток вышел из берегов. Вода устремилась под мой импровизированный навес – и постель, и я быстро промокли насквозь. Лес оказал мне очень негостеприимный прием. Около полуночи гроза ушла, но дождь продолжал лить. Я спал урывками, временами проваливаясь на несколько минут в дремоту.

Утром меня разбудила песня соловья. Наш центрально-азиатский соловей (*Daultas hafizi*) не такой прекрасный певец как его европейский собрат, и его трели не так разнообразны, но голос громкий и пронзительный. Утро было очаровательное, чистое и теплое. Трава была мокрой и такой скользкой, что было невозможно пройти по ней без огромного усилия, приходилось цепляться за кусты, опираясь на сломанный сук, который использовался как опора. Так я шел вниз по склону к реке, чтобы умыться. Вода в реке была грязной, несла сломанные ветки, образуя водовороты, но на полпути, под цветущим шиповником, я нашел восхитительный родничок, полный свежей воды. Я расчистил его и по краям огородил камнями и ветками.

Вокруг не осталось ни одной сухой веточки для костра, и я не мог разжечь огонь, вскипятить себе чай. Все было мокрым, и мне пришлось потратить день на просушку своей постели и одежды на солнце.

Только на второй день к вечеру земля просохла, и можно было прогуляться и как следует осмотреться. Там, где росли дикие яблони и боярышник, лес представлял собой непроходимую чащу, тогда как в других местах были светлые открытые поляны, на них кое-где были огромные деревья грецкого ореха, отбрасывающие обширную тень. Внизу среди скал, близ ручья, рос миндаль, а выше, ближе к вершинам, где было суше, среди крутых утесов росли фисташки, с их необычными, словно кожаными, листьями и ветвями, усыпанными неспелыми, зелеными гроздьями плодов.

Под деревьями, в густой глубокой тени, земля была полностью покрыта мягкой светло-зеленой, так называемой «стреляющей травой» – низкорослым растением с мясистым стеблем и заостренными листьями. Ее плод – тонкий маленький стручок, который, когда созреет, лопается с треском от малейшего прикосновения, превращаясь в узкие полоски, которые сразу сворачиваются в спираль, выбрасывая семя, как бы выстреливая из ружья. Если вы проведете рукой по траве, можете услышать продолжительный треск, и ваша рука почувствует легкое щекотанье, похожее на слабый электрический разряд. Эта интересная трава – одна из нескольких видов, которые, вступая в механический контакт, создают впечатление живого существа.

В некоторых местах росли сладко пахнущие белые тюльпаны на длинных стеблях. Также два очень интересных вида аронников: один – аронник Королькова (*Arum korolkovi*), имеющий зеленые цветы с желтым пестиком, которые позднее превращаются в красные ягоды; другой – эминиум Лемана (*Eminium lehmanni*) – очень необычного цвета – бархатно-темно-лилового,

иногда с фиолетовым оттенком. Очень странно, что местные жители не собирают их, наделяя все сорта этого цветка опасными свойствами.

Среди скал вдоль ручьев растет много папоротников, включая вид адиантум «Венерины волосы», который является чрезвычайно редким для Туркестана. Там же были и красивые заросли эремурусов, с крупными кистями бледно-розовых цветов двух видов: эремурус мощный (*Eremurus robustus*) и эремурус Кауфманна (*Eremurus kaufmanni*). Оба вида этих цветов были вывезены с гор нашего Туркестана в сады Европы, и я любовался их прелестью в Хэмптон-Корте⁵⁵ и в окнах лондонских флористов.

Интересный кустарник – кизильник (*Cotoneaster*), плотная белая древесина которого великолепно подходит для изготовления прогулочных тросточек и рукояток для инструментов. Также здесь рос особый вид жимолости, называемый местными жителями «иса мусса», высоко ценимый при изготовлении посохов, специально предназначенных для мулл. Когда с растения обдирается кора, то открывается прелестный, будто гравированный рисунок на древесине цвета желтоватой слоновой кости.

Везде в изобилии растет бальзам – мелисса лекарственная (*Melissa officinalis*), наполняя воздух цитрусовым ароматом. Я использовал это растение для натирания своего лица и рук и тогда мог работать с пчелами без обычной сетки. Запах также отгонял moskitov, которые были для меня маленькой неприятностью, и еще я использовал ее сухие листья в качестве приправы. Из риса, сваренного с сухими листьями мелиссы и с изюмом, получался очень хороший пудинг. Как натуралисту, мне было очень интересно в этом лесу, а еще я изучал его, чтобы узнать, какие лес может мне дать пищевые запасы, которые были у меня крайне скудны.

Вблизи горных вершин, где лесная зона сменяется альпийскими лугами, я нашел эремурус замечательный (*Eremurus spectabilis*), молодые листья которого съедобны и приятны на вкус. Было здесь и другое растение Туркестана – рябчик Северцова (*Korolkovia severzovi*), с круглыми плотными луковицами, которые отлично заменяют овощи, если их проварить. На одной поляне, недалеко от моего лагеря, рос в изобилии щавель, очень хороший для супа и уже готовый к сбору. Несколько ниже рос один из видов тростника – сыть длинная (*Syperus longus*), его луковицы – очень хорошая приправа, необходимая при простой и однообразной пище. По сути, здесь можно было выжить на одних корнях и листьях, и я благодарил PROVIDENCE за предоставленный мне случай познакомиться с ресурсами края, изучить их, использовать природные богатства Туркестана.

Фрукты здесь были в еще большем изобилии. Среди деревьев и кустарников рос виноград, и некоторые лозы были огромными, длинными и толстыми, вьющимися по деревьям, иногда целиком покрывающими их, другие висели, как гирлянды, от одного дерева к другому или карабкались вверх по поверхности скал.

Несколько дней ушло на изучение леса и окрестных ущелий, и там места были очень интересные и живописные. Лес был обычного типа, как известные плодовые леса Туркестана, часто встречаемые в горах, особенно в Ферганской области. У меня не было сомнений, что позднее, летом и осенью, он обеспечит меня множеством фруктов, но в то же время станет опасно, ведь местные жители начнут приходить и собирать их. Среди них могли быть очень нежелательные визитеры – агенты ЧК, они относятся с огромным подозрением ко всем русским, которые не находятся под надзором.

Трудно сказать, как возникли эти плодовые леса. Ореховые деревья широко распространены в горах Туркестана и, несомненно, являются реликтами огромных лесов, покрывавших весь этот край и киргизские степи вплоть до Урала в плиоценовом периоде⁵⁶. Фисташки и миндаль с их замечательными плодами – абсолютные видовые эндемики Туркестана. Дикий

---

⁵⁵ Бывшая загородная резиденция английских королей в лондонском предместье.

⁵⁶ Плиоцен – последняя эпоха третичного периода (5.3–18 млн. лет назад).

миндаль имеет превосходный вкус, но расколоть его необычайно трудно. Фисташки некогда покрывали все сухие холмы горных гряд Туркестана, но были почти истреблены рудокопами и металлургами древнего периода – они готовили древесный уголь из фисташковых стволов для плавки руд. Верблюды также уничтожали эти очаровательные и полезные деревья, жадно поедая их листья и молодые побеги, так что в наши дни фисташки растут только в районах, недоступных для верблюдов.

Нелегко объяснить и появление яблонь в этих лесах, так как на памяти людей здесь никогда не было никаких садов, но лесные яблони – на вид не одичавшие и не потерявшие вкусовые качества культурные сорта. Кроме того, яблони в местных садах выращивают редко, но даже там, где они есть, яблони совершенно не похожи на дикие виды. Также не могут они происходить из остатков садов древних обитателей страны, живших здесь до монгольского завоевания, так как деревья произрастают в тех местах, где никогда не было оседлого населения. Сами деревья покрыты острыми шипами и имеют все признаки диких, а не культивированных форм. Мы можем сделать единственный вывод – это все-таки дикие природные яблони. Форма и окраска плодов чрезвычайно разнообразна: маленькие и круглые, продолговатые, коричневые, желтые и красные. Часто плод, будучи съедобным, имеет очень резкий острый вкус, но некоторые из них исключительно сладкие и сочные. Видимо, вкус зависит не только от сорта, но также еще от почвы и расположения дерева. Некоторые созревают в конце июня, другие – в июле и августе, есть и зимние сорта, которые висят на деревьях до самых заморозков. Они ароматны и довольно вкусные. Иногда они неотличимы по внешнему виду и вкусу от культурных сортов. Когда их переселяют в сады, они хорошо окультуриваются и при небольшом внимании и заботе дают самые превосходные урожаи.

Принято считать, что большинство европейских фруктов первоначально завезено из Персии. Более вероятно, что они ведут свое происхождение из Туркестана, который столетиями был частью Персидской империи. Здесь произрастали в диком виде рожь, пшеница, ячмень, овес, причем росли они на полях и холмах в таком количестве, что выглядели, словно возделанные человеком.

Мой рацион был не особенно разнообразным. Он состоял из риса и лепешек, выпеченных из пшеничной или ячменной муки. Последние были не очень хороши. Иногда у меня были яйца, как деликатес, и чрезвычайно редко – суп или плов, так как яйца и баранина были в дефиците и дороги.

Часто шли дожди, и я не всегда мог разжечь костер, несмотря на мои запасы дров и трута. Спички у меня были плохими и в сырую погоду отказывались зажигаться. Мне пришлось построить специальную печь из камней, где я всегда держал запас тлеющих углей.

Я нанял двух человек, хорошо известных мне торговцев-сартов, которые приносили хлеб, помочь построить маленький навес на открытой, солнечной поляне и погреб около него для дров и провизии. Сам сделал постель из слоя веток и большой кучи травы, это было комфортабельное и душистое ложе.

В лесу было изобилие птиц. Ночью и ранним утром соловьи выводили свои трели, затем к ним добавлялось пение различных дроздов. Мне особенно нравилось пение майны (*Myophone temminskii*), довольно крупной птицы пепельного цвета. Весь день напролет я слушал низкое, но довольно громкое воркование голубей, которому голубки аккомпанировали на более нежных нотах. Здесь обитала очень красивая птица – райская мухоловка (*Chitralia paradisea*). У петушков был длинный тонкий хвост с расширяющимся оперением на конце, придававший им на лету необычный вид. Они уроженцы жарких частей Индии, но гнездятся в лесистых долинах наших гор, мигрируя зимой в Индию.

Около моей хижины были заросли большого чертополоха, который привлекал стаи восточных щеглов (*Carduelis orientalis*), и те тоже развлекали меня своей музыкой. Красивыми, но очень нежелательными гостями были пчелоеды (*Megeps apiaster*), с их блестящим золотым

и зеленым оперением, – безжалостные истребители пчел, которых они поглощали в огромном количестве⁵⁷. Насекомые хорошо знали своего врага и особенно их мелодичное чириканье, услышав которое бедняги-пчелы отказывались покидать свои ульи. Эти птицы приносят серьезный урон пчеловодческому промыслу, поскольку каждая особь потребляет несколько сотен пчел в день. По этой причине местное население Семиречья ставят ульи на самых открытых местах, лишенных деревьев и кустов, так как пчелоеды не любят мест без насеста, на котором они отдыхают.

Однажды вечером, довольно поздно, сидя под огромным ореховым деревом и любясь игрой лунного света в зеленой траве, я услышал тихий шорох и хруст. Насторожившись и замерев, я ждал, что произойдет. Спустя мгновение целая семья диких свиней медленно вышла из леса. Первым, как и положено, шел крупный самец. Его огромные клыки поблескивали при лунном свете. Позади него шла свинья и с полдюжины хорошо подросших поросят. Все семейство спокойно прогуливалось в пятнадцати шагах от меня, направляясь в соседнее ущелье к ручью, где они стали купаться. У меня не было оружия, и потому пропал великолепный случай застать хорошим свежим мясным деликатесом, столь редким на моем столе.

В другой раз, тоже вечером, гуляя по лесу недалеко от своего жилья, я встретил самку дикобраза с семейством из восьми смешных маленьких детенышей. Они не испугались и прошли совершенно спокойно мимо меня.

После сезона дождей установилась прекрасная погода. Ночи были теплые, и я, пользуясь этим, наслаждался прогулками по лесным тропинкам в ярком лунном свете. Бледные лучи пробивались через листву, придавая местности фантастический, нереальный вид. Я любил стоять под деревом и любоваться освещенной луной поляной, это была поистине волшебная картина, такая спокойная и тихая, что мнилось, еще мгновение и появится толпы эльфов и гоблинов, закручивающих хороводы головокружительных танцев.

---

⁵⁷ Золотистая щурка.

Глава IX Белая Леди

Однажды мне нанес визит Б. Он привез несколько писем, газет и самую последнюю информацию. Новости о продвижении Колчака меня сильно обрадовали. Мы обсудили за завтраком, будет ли лучше оставаться здесь или уйти через горы в Семиречье, где я смогу перезимовать с меньшей опасностью и большим комфортом. Не было сомнения в том, что весной силы Колчака и Деникина⁵⁸ освободят Россию от интернациональных аферистов и германских агентов, которые называли себя звучным титулом «Рабочее и Крестьянское Правительство».

Мы решили, что мне лучше уйти горами в Семиречье, чтобы обойти особо опасное место – Чимкент, где арестовывают каждого проходящего и всех сажают в тюрьму «до выяснения причины ареста». Мои друзья в Ташкенте готовы были сделать все для моего отъезда, в том числе приобрести необходимые документы и мандаты.

Б. сообщил мне печальную новость: арестован большевиками мой друг – полковник П. Г. Корнилов. Полковник прятался в убежище недалеко от Ташкента. У него были восточные черты лица, он бегло разговаривал по-сартски и был очень похож на них. Когда мы планировали заговор против большевиков, он пришел ко мне, одетый по-местному, никто из моих домашних даже не заподозрил в нем русского полковника. Все приняли его за киргиза, который пришел поговорить со мной об охоте или о горном бизнесе. Он мог легко скрыться в Фергане или в любом другом месте, но он хотел быть рядом со своей женой и четырьмя маленькими детьми. Его несчастная семья стала буквально нищей: советская власть забрала у них все до последнего, включая даже детские вещи и постель. Корнилова случайно узнал почтальон и открыл его убежище большевикам. Радость коммунистов была неопишима, для полного триумфа им оставалось арестовать только меня. Весть об аресте П. Г. Корнилова расстроила меня ужасно, прозвучав как гром среди ясного неба и вернув в суровую действительность, ведь я слегка подзабыл о ней, ведя спокойную, созерцательную жизнь на природе. Эта жизнь подлечила раны на сердце и даже принесла мне некоторую удовлетворенность.

---

⁵⁸ *Деникин Антон Иванович* (1872–1947) – генерал-лейтенант (1916), один из руководителей белого движения, публицист и мемуарист. Участник Русско-японской войны. В I мировую войну командовал стрелковой бригадой и дивизией, армейским корпусом. С апреля 1918 командующий, с октября главнокомандующий Добровольческой армией, с января 1919 главнокомандующий «Вооруженными силами Юга России» (Добровольческая армия, Донская и Кавказская казачьи армии, Туркестанская армия, Черноморский флот), одновременно с января 1920 исполняющий обязанности Верховного правителя Российского государства. С апреля 1920 в эмиграции. Скончался в США.

Однажды в горах меня посетил неожиданный гость, который стал навещать меня каждый день. Это была огромная белая киргизская овчарка. Всякий раз, когда она появлялась, я подзывал ее и гладил, тем самым полностью завоевав ее сердце. Она стала приходить ко мне каждое утро и оставалась на весь день, составляя мне компанию в прогулках по лесу и во всех моих походах по окрестностям. Она не была голодной и не принимала лепешки, которые я ей предлагал, видимо, хорошо кормилась, но, похоже, не очень любила своих хозяев. Каждый вечер она уходила домой, как я думаю, на ночное дежурство, но днем собака снова появлялась возле моего жилища. Очевидно, ее привлекали моя возня с ней и прекрасные прогулки по лесам – внимание, которое она не получала от своих хозяев.

Как-то утром ко мне пришел сарт, брат того, кто приносил мне хлеб. Он целую неделю мучился от нестерпимой зубной боли. По мнению сартов, любой европеец должен обязательно быть доктором, имеющим при себе лекарства от всех болезней. Я разочаровал его, сказав, что я не доктор и не держу у себя в лесу каких-либо медикаментов. Но бедный парень не ушел, а лег под деревом и оставался там, издавая время от времени страдальческие стоны. Видно, бедняге было очень больно. Я чувствовал себя виноватым перед ним, напряженно думая о том, как найти подходящее средство для снятия боли среди растущих вокруг растений. И вдруг я вспомнил о бутылке мятной спиртовой настойки, которую я на всякий случай держал в своем «курджуне». Тампон на больной зуб с этой настойкой скоро успокоил боль, и сарт, довольный, пошел домой. Лекарства, что необычно, всегда быстро и эффективно действуют на сартов. На следующий день он принес мне три яйца и пять лепешек как плату за мои услуги.

Немного позже я стал доктором для молодой девушки, страдавшей от тяжелого кашля, которую привел ко мне Осман. На холмах вокруг росло немного лакричника (*Glycyrrhiza glabra*). Я выкопал длинные сладкие корни и отдал ей, объяснив, как пользоваться ими. Потом Осман рассказал мне, что лечение помогло. В другой раз он привел пациентку с опухшей и гноящейся болячкой на руке. И здесь я тоже имел успех в лечении, используя горячий настой разных трав, растущих в изобилии вдоль берегов речки.

Вскоре я обнаружил, что врачебная практика приносит мне незаслуженную известность, а сарты и киргизы очень любят лечиться. Я запретил Осману приводить ко мне пациентов и объяснил ему, чем такая реклама опасна.

– Да, это правда, – согласился он. – Очень плохо, чтобы о тебе говорили. Я тоже хочу покинуть эту местность, бросить свое хозяйство и уйти куда-нибудь подальше отсюда, в долину Кафтар Кумуш, например. Добраться туда трудно, но место это абсолютно уединенное, лес там еще более прекрасен, чем здесь, и вообще место замечательное. Пошли вдвоем, я возьму свою винтовку, и ты сможешь охотиться на кийиков⁵⁹ и свиней. Там есть и медведи, и богатая серебряная руда.

– Я слышал об этих залежах серебра, – ответил я. – Но прежде чем мы сможем работать там, необходимо полностью разгромить большевиков.

– Это так, – согласился Осман. – В прошлом году на базаре в Ходжакенте они нашли полкило золотого песка у нескольких сартов, которые намыли его в долине Чаткала. Конечно, они забрали все, а сартов посадили в тюрьму.

Однажды перед обедом, когда я собирал дрова, послышался зовущий женский голос, слова были похожи на русские. Зов повторился. Кто-то шел к моей хижине. Спрятаться глубже в лес было неловко, не вызвав подозрений, разумнее было смело выйти и встретить мою неизвестную гостью. Закинув вязанку дров на плечи, чтобы по возможности скрыть лицо, я вышел из зарослей на открытое место перед хижинкой, и, к своему удивлению, увидел госпожу П., жену моего хорошего друга, который когда-то сильно помог в обеспечении надежности моих «мандатов», человека, который много хорошего делал для белых.

---

⁵⁹ Все раздельнокопытные дикие животные, кроме свиньи.

Увидев меня, она удивилась и растерялась, не узнав, – так сильно замаскировали меня борода и одежда. Но когда я заговорил, она, наконец, признала меня по голосу.

– Кто вам сказал, что я живу здесь, в этом лесу? – спросил я.

– Я нахожусь уже несколько дней в горах, в селении неподалеку, ради здоровья моих детей. Сарты говорили, что выше в лесу есть русский, знающий все травы. Мои чувства подсказали, что это, должно быть, вы, и я попросила показать мне дорогу. Вы не представляете моего удивления, когда я увидела другое лицо и не узнала вас совсем, хотя сердцем чувствовала, что это должны быть вы. Но мои глаза не верили, и если бы вы не заговорили, я бы никогда не подумала, что вы тот самый человек, которого я знала.

Я был очень рад встрече. Мы сидели и долго говорили о делах в Туркестане и в России. Но этот случай ясно показал реальную опасность, исходящую от моей любительской врачебной практики среди местных.

Я попросил госпожу П. снова посетить меня и привезти своих дочерей. Они могут добраться на ишаках и весь день провести здесь. Яблоки начали созревать, и дети могут устроить здесь себе праздник.

Они приехали через несколько дней. Госпожа П. принесла мне подарки, очень ценные для меня: несколько больших свечей, свежую колбасу, бутылку мадеры и фунт настоящего чая. Чай в это время был очень большой роскошью. Советское правительство в соответствии со своими социалистическими принципами абсолютно запретило частную торговлю, приняв на себя ответственность за снабжение населения всеми необходимыми продуктами питания. Все делали собственный «советский» чай из сушеных яблок, измельченных и обжаренных. По цвету напиток походил на китайский чай, но вкусом напоминал компот из гнилых фруктов. Но даже эта жалкая подделка была не для меня, цена на нее была высокой, и на рынки она поступала в строго лимитированном количестве.

Местные отказывались от этого, так называемого чая, считая его вредным. Другие делали чай из высушенной кожицы персиков, который имел приятный аромат.

Хороший напиток получался из настоя сухих цветов желтого шиповника, дикого желтого бессмертника, синего шалфея и мелиссы. Другой настой, как бы заменяющий сахар (последний был доступен только комиссарам), состоял из ягод тутовника, высушенных и прожаренных, с добавлением изюма. Живя в лесу, я пил чай, готовя его, как и местные жители, из молодых листьев *Sisymia loeseli*⁶⁰, растущей во множестве на лесных прогалинах и полянах.

У местных жителей не было сахара, но они пекли сладкие пироги, собирая ягоды катрана, или крапивного дерева (*Celtis australis*), сушили их, толкли и смешивали с пшеничной мукой.

Мировая социалистическая революция принудила население вернуться к дикой природе, искать новые продукты, новые формы пищи и ее заменители.

Одно местное растение – пскемский лук (*Allium pskemense*, Fedsch) – обязательно следовало бы ввести в культуру земледелия. Луковица у него не круглая, а продолговатая, бутылкообразная, имеет восхитительный пряный аромат и является превосходным овощем при приготовлении супа и тушеного мяса, придавая им особый деликатесный вкус. Стебель у него ветвистый, полый внутри, довольно высокий и эта оригинальная форма, придающая растению привлекательный вид, могла бы хорошо дополнять альпийские горки в садах Англии. Этот лук растет среди скал в самых недоступных местах, и нередко случается, что местные жители, добывая его как лакомство, гибнут, срываясь с крутых откосов, подобно неудачливым собирателям эдельвейсов в Альпах. В старые дни я приносил несколько луковиц с гор и выращивал их в своем саду, где они росли очень хорошо, цвели и даже давали семена. Я безуспешно пытался прорастить эти семена, но только делением луковицы размножил растения. Я думаю,

---

⁶⁰ Гулявник Лезелиев – однолетнее травянистое растение.

что, проведя эксперименты с небольшим изменением условий, можно было бы найти способ выращивания этого ценного овоща из семян, к этому надо лишь приложить усилия.

Несколько последних дней перед отъездом я бродил по холмам, изучая природу окрестных гор и долин. Отложения речных обрывов были представлены красным мергелем с прослоями конгломерата. Невдалеке от моей хижины были огромные массивы кристаллических известняков, местами прорезанные мощными жилами роговообманкового порфирита. Я нашел несколько интересных минералов, характерных для так называемых зон контактного метаморфизма. Немного позднее в узкой расщелине я обнаружил куски медной руды и галенита⁶¹, показывающие, что поблизости, могут быть ценные залежи этих руд.

В одной из боковых долин был минеральный источник, из которого местные жители пили воду для лечения ревматизма.

В другом ущелье, пробираясь в палеозойских⁶² отложениях среди тонкослоистых каменноугольных сланцев и зарослей фисташки, я нашел куски шлака и магнитной железной руды. Очевидно, здесь были старые разработки, где когда-то заготавливали древесный уголь из фисташковых деревьев, выплавляя на нем из руды железо.

В ложине с минеральным источником, было несколько загадочных старых сооружений, почти круглых по форме. Они напоминали какие-то древние укрепления или замки, больше похожие на дакхмы – башни молчания, где в старину жрецы размещали умерших для пожирания их стервятниками в соответствии с учением Зороастра – религии, которая была широко распространена в Центральной Азии до арабского завоевания.

Перед поселком Ходжакент, живописно расположенном в устье реки Чаткал, на краю высокого утеса были руины древнего замка или укрепления, вероятно, цитадели Дек Хана – так звали в средние века местного властителя. К сожалению, здесь, как и везде в Туркестане, древние памятники старины разрушаются новыми ордами грубых захватчиков – русскими крепостями.

В здешних горах среди высоких скал, сложенных из кристаллического известняка, и в других подобных местах Туркестана местные жители собирают очень интересное вещество, которое они называют «муми» или «мумие», которому они приписывают большую магическую силу. Жители используют его в форме пилюль размером с горошину, принимая внутрь для лечения сломанных костей. Оно дает стимулирующий эффект жизнеспособности всего организма. Я знал русских, которые пользовались им при переломах костей или в случаях грыжи, эти люди утверждали, что мумие хорошо им помогает и способствует быстрому росту новых тканей кости. Им также лечат животных. Мумие сочится из известняковых скал и затвердевает натеками. Горные козлы очень любят им лакомиться, поэтому местные сборщики закрывают эти натеки большими камнями, защищая редкое и ценное вещество. Это сокровище Туркестана. Когда я впервые услышал о нем, то был настроен очень скептически, сомневаясь даже в его существовании. Но однажды, когда я охотился вблизи Ходжакента, один киргиз повел меня по очень высокому гребню мраморных пиков и показал мне его *in situ*⁶³. Оно было темно-коричневого цвета, переходящего в красноватый по краям, легкое и хрупкое, как камфора, вкусом похожее на пережаренное мясо, с запахом бальзама. Сначала я подумал, что это одна из форм битума, но «мумие» легко и быстро растворяется в воде. В моей обширной коллекции туркестанских руд и минералов, до разграбления ее представителями «пролетариата всех стран», было значительное количество этого вещества, о котором даже официальная наука

---

⁶¹ Свинцовая руда.

⁶² Палеозойская эра, палеозой, – геологическая эра в истории Земли, известная как эра древней жизни. Началась 541,0 ± 1,0 миллиона лет назад и закончилась 252,17 ± 0,06 млн. лет назад. Делится на 6 периодов: кембрий, ордовик, силур, девон, карбон и пермь.

⁶³ В месте нахождения (с лат).

ничего не знает. Я намеревался отдать его на всесторонние исследования с целью детального описания, но это осталось одним из моих не выполненных дел.

Наступил август. В огромных количествах поспевала слива. Ее плоды были мелкие, различной окраски: красные, темно-красные, черные и желтые. Деревья, усыпанные ими, выглядели необычайно красиво, но очень немногие из плодов были съедобными, большинство из них очень кислые.

Потом поспели яблоки и дикий виноград, который давал вполне хороший урожай. Виноград был двух видов: черный и белый. Кисти маленькие, а ягоды варьировали по размеру от ореха до смородины.

Цветы и травы к этому времени тоже сменились. Стреляющая трава исчезла, появились высоченные мальвы – белые и желтые, огромный коровяк (*Verbascum*) в два – два с половиной метра высотой – красивые растения с большими розетками пушистых серо-зеленых листьев внизу и изумительными вертикалями желтых цветов сверху. Эти цветы могут прекрасно дополнить европейские сады.

Дикие свиньи приходили довольно часто лакомиться упавшими фруктами, а еще они наносили ночные визиты на местные поля, принося огромный урон кукурузе и дыням, но, к сожалению, у меня не было оружия стрелять по ним.

Как-то очень поздно, в одну совершенно темную ночь, я пошел прогуляться от своей обители вниз к реке. Вдруг на краю леса, где тропинка выходит из ущелья, я увидел странный белый предмет, который бесшумно и медленно двигался, постепенно приобретая вид высокой фигуры. Этот необыкновенный, мистический феномен разжег мое любопытство, я сделал несколько шагов к нему и окаменел от удивления. Передо мной стоял знаменитый фантом – Белая Леди⁶⁴ – совершенно такая, как ее описывают в романах и рисуют на иллюстрациях. Я отчетливо видел ее гибкую женскую фигуру в белой одежде, но черты лица были трудно-различимы. Моей первой реакцией было удивление: почему гостя решила появиться в таком необычном месте? Почему призрак Белой Леди скитается в горах Центральной Азии, когда ее надлежало достойное место – в старых замках и заброшенных фермах Западной Европы? Я решил исследовать этот замечательный феномен в непосредственной близости и начал медленно продвигаться к нему, опасаясь, что в любой момент призрак может исчезнуть.

Фантом остановился и замер, резко выделяясь на фоне темных деревьев. Я подошел ближе и теперь четко и определенно видел перед собой настоящую Белую Леди. Вдруг она неожиданно спросила:

– Павел Степанович – это вы?

Я ошеломлен. Можно объяснить себе появление здесь среди ночи призрака из другого мира, но встретить живую женщину из плоти и крови в это время и в этом месте было просто невероятно.

– Я сестра студента Г. Мы шли навестить вас, но заблудились и потому припозднились. Мой брат будет здесь с минуты на минуту, он еще карабкается по ущелью, а я нащупывала тропу с помощью палки.

Г. принес мне важные новости. Он не хотел, чтобы кто-нибудь знал, куда он пошел, и поэтому не взял проводника, а отправился вместе с сестрой, следуя направлениям, указанным им В. Они остались у меня на ночь, а потом я стал готовиться покинуть это прекрасное и щедро одаренное природой место, которое долгое время было моим домом.

В горах Туркестана много таких замечательных лесов и долин. Они великолепно подходят для разведения садов, питомников и виноградников. Яблоки растут лучше, чем на равнине, где им мешает жара, и самые нежные сорта с успехом могут выращиваться здесь.

---

⁶⁴ Средневековая легенда о призраке Белой Леди, которая появляется в доме, где должен умереть один из членов семьи.

В этих долинах произрастают самые прекрасные в мире и наиболее подходящие для сушки абрикосы. Виноград дает огромный урожай, из которого можно производить прекрасное вино, процесс ферментации которого здесь проходит более нормально, чем в жарких долинах. Виноград растет превосходно и не нуждается в укрытии на зиму. Пышно растут и дают высокие урожаи миндаль и фисташка, разведение которых будет очень выгодно, в виду ценности их плодов, более того, на них появляются галлы⁶⁵, используемые в медицине и для приготовления красок. Здесь можно успешно выращивать множество других полезных и ценных растений.

Но природные богатства этих чудесных долин малоизвестны, трудно найти подходы к некоторым из них, нет дорог или мостов через реки. Возможно, это и к лучшему.

Прежнее российское правительство имело любопытную систему колонизации Туркестана. Оно пыталось заселить эти богатые земли нищими и пьяницами, которые были нежелательны для Центральной России. С большим трудом человеку с каким-либо капиталом было возможно здесь начать фермерское дело. А нынешнее правительство «крестьян и рабочих» знает только одно – грабить и разрушать эту богатую и прекрасную страну.

---

⁶⁵ Галл (от лат. *galla* – чернильный орешек) – это патологическое образование на органе растения. Их возбудителями могут быть вирусы, бактерии, грибы, но чаще поражения наносятся членистоногими (клещами, тлями и др). Вследствие нарушения обмена веществ галлы обогащаются дубильными веществами. Особенно богаты ими галлы на дубе и фисташке (бузгунча).

Глава X

Дорога в Семиречье

Вскоре пришел В. и принес мне документы, необходимые для путешествия в Семиречье, и немного денег. Теперь я был вооружен бумагами, утверждавшими, что я Николай Иванович Новиков, гражданский инженер, посланный на время в Семиречье для «гидротехнических исследований» – достаточно хитрый термин в глазах полуграмотных большевиков, относивший меня к категории начальства. Специальный мандат обязывал советские власти оказывать мне всевозможное содействие в работе и обеспечивать в дороге транспортом, почтовой повозкой и лошадьми. Но все равно требовалась осторожность, по крайней мере в первое время я должен был избегать главных дорог и идти пешком через горы, оставляя в стороне город Чимкент и его окрестности, где я мог быть легко опознан или просто задержан «в ожидании выяснения».

Вечером прибыл сарт с маленьким осликом для поклажи, и на следующий день, 19 августа, на рассвете, мы вышли. Я с сожалением покидал это мирное, уединенное место, где в течение трех месяцев жил один среди чудной природы, сродняясь с нею, став ее частью. На сердце была печаль, я со слезами покидал верных друзей, уходя в неизвестность, полную опасностей и тревог.

Густая тень нависала над долиной, но лучи солнца уже освещали вершину пика Большого Чимгана (3300 м), окрашивая гранит розовым цветом, тогда как снега сияли, словно полированное золото. Мы шли по плохой тропе вдоль горных склонов среди кустарников и деревьев, камней и скал, то низом по берегам ручья, то круто поднимаясь вверх по обрывам. Утро было свежим и сухим. В этой части гор не было ни росы, ни тумана.

Мы спустились вниз в основное ущелье, пересекая боковые расщелины, поросшие яркой травой и другой восхитительной растительностью, орошаемой ручьями и потоками кристально-чистой воды, которая журчала в тени деревьев и брызгами увлажняла берега. Все было свежим и нетронутым, как будто люди никогда прежде не проходили этим путем. Когда солнце поднялось высоко и начало припекать, я стал утолять жажду сочными кистями спелого винограда, которые в изобилии свисали с кустов вдоль тропы.

После полудня мы пересекали ущелье с крутыми склонами и опасными осыпями. Наш бедный ослик поскользнулся, потерял равновесие и покатился вниз по крутому склону. К счастью, густой кустарник прервал его падение. Когда проводник и я с огромными усилиями добрались до бедного животного, мы обнаружили его беспомощно лежащим на спине с поднятыми вверх ногами. Хорошо, что он отделался лишь несколькими царапинами и разорванным ухом. Мой багаж слетел и откатился в сторону, где и лежал невредимый. Даже бутылка мадеры, которую я держал на случай болезни, не разбилась. Потребовалось длительное время

и много усилий, чтобы вытащить бедного осла по крутому склону с массой валунов и колючими зарослями барбариса.

Через два часа после этого приключения мы переправились через реку на другую сторону долины по единственному месту на нашем пути, где течение и глубина были подходящими для переправы. Мы остановились на небольшой тенистой поляне, дали ослику поесть, перекусили сами и попили чай. Наш стол был скуден, он состоял только из лепешек, и даже их мы должны были экономить.

Дальше долина сужалась и переходила в глубокое ущелье, а тропа зигзагообразно поднималась на высокий холм над рекой, извиваясь среди мраморных скал. Потом мы снова спустились к реке, и прошли мимо пещеры, которую сорок лет назад населяли тигры. Они сейчас исчезли из региона, но медведи все еще пользуются этой пещерой для зимней спячки.

Мы несколько раз круто поднимались и снова спускались к самой реке, которая здесь текла тихо и спокойно в узком русле среди зарослей ивы и облепихи (*Hipporhae rhamnoides*), покрытой массой ароматных желтых ягод. Появилась типичная лесная растительность. Крутые склоны, поросшие сочной травой, были великолепными пастбищами, на которых обычно выпасались огромные стада овец и табуны лошадей, но сейчас все было пусто и заброшено. За короткое время методы хозяйствования коммунистов превратили богатую страну в руины. Все исчезло, а собственники – горные киргизы – доведены до крайней бедности, сотни гектаров великолепных пастбищ пришли в негодность.

День клонился к вечеру, и долина скрывалась в тени. Было время становиться на бивуак, но моему проводнику удалось уговорить меня пройти немного дальше, а потом еще дальше. Наконец я понял его упорное нежелание останавливаться – вскоре мы должны были достичь стойбища кочующего с семьей киргиза.

– Но почему ты хочешь ночевать под грязным тентом? – спросил я проводника. – Мы можем провести ночь на свежем воздухе, на траве. У нас же все есть.

– Неужели вы не видите? – отвечал он. – Там есть люди, а здесь пусто...

Так говорят оседлые городские жители с их вечным страхом остаться ночью наедине с природой. Для киргизов ничего ужасного в этом нет, единственное преимущество аула или стойбища – возможность напиться кумыса⁶⁶ и поесть баранины. Но для сарта ночь на природе полна тревоги и страха. Кроме страха перед разбойниками, в его человеческом воображении темная ночь в дикой местности наполнена всеми видами демонов: детьми Шайтана, джиннами и самой жестокой среди них – «жез тырнак» – монстра в виде женщины со стальными когтями, против которого даже молитва совершенно бесполезна.

Назло всем этим страхам пришлось настоять на ночлеге в одном из уголков горной долины с высокой травой. Я вскипятил чай – котелок настоящего ароматного чая, что добавило моему проводнику храбрости и примирило его с опасностью провести ночь наедине со всеми ее ужасами. Трава была такой мягкой, что, когда я лег на подстилку, она была похожа на перину с пружинным матрасом.

Следующее утро было свежим, трава покрылась росой. Наш путь проходил по верху высокого холма в обход глубокого и узкого ущелья, на дне которого лента реки едва различалась среди крутых известняковых скал. Вдали были видны вершины Угамского хребта, покрытые снегом.

Перед тем как мы достигли гребня, наше внимание привлекло странное поведение пары птиц, пчелоедов, которые, крича и плача, как обезумевшие, зависали над торчащей выше гребня скалой. Как только они заметили нас, то полетели нам навстречу, а потом – назад, к торчащей голой скале, и снова – к нам так быстро, как они только могут летать, будто хотели привлечь к месту, где их что-то пугало и беспокоило. Я пошел вверх и увидел гадюку, гре-

---

⁶⁶ Кисломолочный напиток из кобыльего молока.

ющуюся на солнце. Пришлось разбить ей голову палкой и птицы сразу успокоились. Змеи – очень опасные враги пчелоедов, они легко проникают в норы по берегам реки, где эти птицы гнездятся, и поедают их яйца и птенцов. Удивительным было то, что пчелоеды распознали в нас союзника, который мог убить их врага.

Мы пересекли хребет и спустились в широкую, ровную, плодородную и красивую долину – Кызыл-Тал. Река здесь текла медленно и спокойно несколькими рукавами, образуя острова с зарослями кустарника и узкими полосками ярко-зелёной травы. Всюду расстилались поля клевера, были видны крохотные водяные мельницы, сады и юрты киргизов. На первой же мельнице я отправил моего проводника-сарта с осликом назад, подождал, пока они не скроются за гребнем, потом нанял киргиза с лошадьми и поехал дальше по этой долине. Мой первый проводник теперь не мог знать, в какую сторону я уехал.

Среди болот было множество красных уток (*Casarca rutila*), которые выглядели великолепно в их сверкающем золотистом оперении на фоне зеленой травы. При нашем приближении они взлетали и оглушали нас своим звенящим криком. Справа и слева были травянистые предгорья, за которыми вздымались высокие горы со скалами и альпийскими лугами.

Эта местность превосходна для охоты на горных козлов. Летом стада коз с козлятами находятся на восточной стороне долины, а старые самцы – на западной. Рога их иногда достигают громадного размера до полутора метров. Осенью самцы возвращаются к козам, а весной все вместе спускаются в предгорья, наслаждаясь сочными травами. В это время охота на них не представляет трудностей.

Во многих частях долины в изобилии рос полевой овес с черной остью. Эта интересная трава появляется колониями повсюду в горах, на сухих местах и на влажных лугах, но особенно любит старые пастбища, которые заполняет сплошной массой, словно посеянная человеком, без примесей других трав. Отсюда очевиден вопрос о ее культивировании. Одно поле, огороженное камнями, было полностью занято этой травой, и казалось невероятным, что оно не засеяно и не обихожено человеком – чрезвычайно густая трава поднималась выше моего роста. Это был блестящий результат природного культивирования. Зерна были крупнее и больше наполнены, чем у обычного овса, остается только доказать их усвояемость лошадиными желудками. В любом случае, это великолепный зеленый корм.

В долине я остановился на сутки, взял нового проводника с лошадьми, и мы поехали через горы в местность, населенную русскими колонистами, на главную дорогу в Семиречье. Наша тропа круто поднималась среди массивных известняков к очень высокому перевалу, образуя зигзаги с опасными поворотами. Подъем занял два с половиной часа. Наверху, среди фантастической формы известняковых скал, образованных останцами разрушенных массивов, рос низкорослый можжевельник, арча (*Juniperus pseudosabina*).

Чудесная панорама открылась перед нами с вершины перевала. На востоке, в узком ущелье далеко внизу, в пропасти – серебристая лента реки Угам, а дальше поднимались ряд за рядом хребты, увенчанные вечными снегами, исчезающие вдаль. Это были горные хребты Тянь-Шаня, протянувшиеся на восток до самых пустынь Джунгарии. На западе наша тропа спускалась вниз к волнистым холмам, и, насколько мог видеть глаз, в туманной дали угадывалась высушенная солнцем долина Сырдарьи.

В первом же ауле я отпустил своего проводника и взял другого киргиза с лошастью. Мне дали старую лошадь, но она была великолепной туркменской породы с хорошим ходом и первоклассной рысью. Настоящим удовольствием было ехать на этой лошади, она заставила меня на время забыть, что на следующий день я уже буду в русской деревне, где предстоит встреча с советскими властями.

После спокойной ночи в киргизском ауле мы приехали в широко раскинувшуюся русскую деревню Дорофеевку, или Джангали, от тюркского слова «джангал», означающее «чаща»,

откуда и английское слово «jungle – звонок»⁶⁷, от которого, видимо, и пошло прозвище для хитрых и сметливых киргизов – «джангалчи», что означает мошенники.

Мы остановились около большого крестьянского дома, над которым висела большая красная вывеска «Сельский Реввоенком», что означало «Революционный военный комитет». Я спокойно ждал «товарища» председателя этого учреждения. Он был, конечно, коммунистом и, конечно, служащим Красной армии, на что указывала новенькая с иголки форма, недавно введенная в Туркестане, состоящая из темно-голубого кителя с желтым кантом и красных штанов. Судя по его физиономии, он был настоящим плутом и горлохватом. Долго и медленно он читал мой «мандат» и внимательно изучал печать. Я не боялся разоблачения, так как все мои бумаги на бланках с печатями были действительными.

– Почему, товарищ, вы ехали через безлюдные перевалы, избегая следования на Чимкент по главной дороге? – въедливо спросил он.

– Как я могу проводить гидротехнические исследования на главной дороге? – ответил я со снисходительной улыбкой.

– Хм... да... конечно, – отвечал председатель с некоторым смущением. – Конечно, на дороге ничего... конечно... вам нужно быть в горных районах. Но вы должны иметь ваш маршрутный лист, – и он посмотрел на меня с яркой улыбкой.

– Как можно изложить маршрут для исследования гидрогеологии региона и определения дебита артериальных потоков в дренажных системах? – ответил я снова с превосходящей улыбкой, специально используя невообразимый поток технических терминов в расчете на малограмотность парня.

– Хм... да... конечно... это так... я совсем не понимаю... совершенно правильно, товарищ. Вы знаете... говоря по правде... у меня не было времени изучать науки, но я обладаю природным талантом к политике и поэтому изучал только науку платформы. Он прервался и потом произнес:

– Хорошо... это все так. Товарищ Хромов! Обеспечьте из запасов исполкома землемера Новикова заседланной лошадей и проводником.

Я пошел с моим киргизом в караван-сарай и по пути купил большую ароматную дыню, от которой получил двойную пользу. Она не только обеспечила мне великолепный, освежающий завтрак, но и спасла меня от опасности, которая была весьма реальна. Когда я шел к караван-сарая, то вдруг увидел идущего прямо на меня землемера, которого я знал по Туркестану. Он не был большевиком, но состоял у них на службе. Шел он в глубокой задумчивости с другим человеком, одетым с ног до головы в черную кожу, что было определяющим знаком коммуниста. Встреча с ним лицом к лицу была неизбежна. Я поднес дыню к носу, изображая, что вдыхаю ее аромат, и таким образом прикрыл свое лицо полностью. Мы пересеклись, но он увидел только мой кожаный пиджак и растрепанную бороду. Если бы встреченные вздумали заговорить со мной, вряд ли я написал бы эти строки...

Целую вечность я ожидал лошадей. В конце концов, невзирая на опасность прогулки по деревне, я был вынужден вернуться в исполком и попросить поторопиться с лошадьми. Я нашел членов исполкома сидящими во дворе с несколькими крестьянами, лениво обсуждающими, чья очередь дать лошадей и кто поедет со мной проводником. Они твердили, что сейчас время уборки урожая, что все абсолютно заняты – все это противоречило факту присутствия самих этих сельчан в деревне – и, кроме того, половина из них была пьяна.

Устав от ожидания и беспокойства, я отошел от этого опасного места и неприятной компании, пошел к председателю и резко сказал ему:

– Послушай! Это не мое собственное развлечение, когда я, рискуя сломать шею, скачу по горам, выполняя приказы Рабоче-крестьянского правительства. Ты отказываешься подчи-

---

⁶⁷ Jungle (анг.) – джунгли, заросли. Назаров путает со словом jingle – звон (прим. ред).

няться его распоряжениям? Товарищ председатель, прикажи дать мне лошадей немедленно или...

– Сейчас распоряжусь. Пошевеливайтесь, эй вы, парни! Нечего препираться по пустякам. Приведите лошадей, черт вас побери! – закричал председатель продолжаям дискутировать крестьянам.

Через час я был в пути и к вечеру прибыл в деревню Трехсвятское, расположенное в плодородной долине у подножия холмов. Здесь я снова остановился у дома местного председателя исполкома, молодого человека, который был раньше солдатом старой армии. Он был очень занят обмолотом собранного богатого урожая. Это оказалась первая деревня на моем пути, где было много зерна и изобилие продуктов. Отсюда начиналась территория, богатая зерном и рогатым скотом, еще не разоренная коммунистическими экспериментами и грабежами большевиков.

Видя все это изобилие, я стал выяснять, почему они не везут зерно в Ташкент, где пуд хлеба стоит уже сто рублей. Вследствие невероятной глупости, соединенной с тупым упрямством коммунистических властей, у которых была серьезная проблема со снабжением и продуктами, они запрещали не только что-то вывозить из голодных областей, но и ввозить туда. Красные патрули на дорогах отбирали у всех проезжающих даже небольшие пакеты с мукой, которую те хотели провезти контрабандой в город, чтобы помочь родственникам и друзьям преодолеть муки голода.

Пока мы сидели и пили чай, хозяин пустился в длинное изложение своих политических взглядов. По его мнению, в России не должно быть не только никакого советского или большевистского правительства, но также и никакого царского, даже любой «буржуйской» республики; правильной формой республики должна быть «демократия». Удивленный такими прогрессивными политическими взглядами у простого деревенского парня, я попросил его немного прояснить его политическое мнение и обнаружил, к своему разочарованию, что под «демократической» республикой он понимает лишь одну, ту, в которой русские колонисты в Туркестане смогут неограниченно забирать себе земли киргизов и делить их между собой.

– Ее много у них, земли! – заключил он свое политического кредо.

Его жена принесла нам чай, сметану, масло, яйца и много свежеспеченного белого хлеба, которого я уже два года не видел. В Ташкенте люди и думать забыли о нем.

– Кушайте, не бойтесь, – сказала она. – Извиняюсь, у нас только обычный хлеб и нет белых лепешек.

Спал я в эту ночь на свежей соломе, мягкой и очень теплой, несмотря на то, что ночь была прохладной.

Следующим утром по приказу председателя исполкома молодой киргиз привел лошадей, и мы отправились в путь. Ехали вдоль подножия горного хребта, который тянулся на восток. Дорога шла через слегка волнистую местность, перерезанную оврагами и потоками, несущимися с гор. Все вокруг было по-крыто полями клевера, пшеницы, лугами, изредка встречались киргизские и русские фермы.

Я провел ночь в русской деревне Май-булак, что означает – «Масляный родник». Хозяин дома, где я остановился, пожилой человек, пригласил меня прогуляться в горы и посмотреть старый рудник, раньше интенсивно эксплуатировавшийся, где было найдено много древних орудий труда. Он рассказал, что до революции киргизы пользовались первоклассным углем, спущенным с гор для кузнечного дела.

– Теперь они ушли Бог знает куда, и у нас не стало угля, – заключил он.

Здесь, как и везде среди русских поселенцев в Семиречье, я был поражен зависимостью русских колонистов от местного населения. Много делалось киргизами: они работали на полях, пасли скот, добывали каменный и древесный уголь и т. д. Иногда они арендовали собственные земли у поселенцев – земли, которые отобрали у них по приказу царского правитель-

ства и раздали колонистам из России. Такова была система колонизации этой страны, которая переросла в серьезное недовольство киргизов русскими властями и привела к восстанию 1916 года⁶⁸. Власти пытались обосновать свои действия высокими словами о благотворном влиянии русских колонистов на грубых кочевников, но «влияние» в реальности вылилось в обучении киргизов пить водку, так как это содействовало росту имперских доходов. Киргизы же, как и все праведные мусульмане, раньше жили исключительно трезвыми людьми.

Для меня было важным покинуть опасное соседство с Чимкентом как можно скорее, и я отказался от заманчивого предложения посетить интересный рудник, оправдавшись недостатком времени.

– Тогда приезжайте еще, – сказал старый человек, пытаясь убедить меня. – Множество интересных мест здесь неподалеку, скоро вы пересечете речку Ак-Су. В одном из ущелий есть целая гора «стальной руды». В соседней деревне был кузнец, который нашел золото в одной из промоин. Он ушел на два или три дня и вернулся с фунтом золотого песка, а потом закутил до тех пор, пока не пропил всю свою добычу. Вскоре он пропал.

Следующим утром местный мальчик лет четырнадцати привел в поводу лошадей. Та, что предназначалась для меня, была типично киргизской породы, сильная, с прямой шеей, длинной густой гривой и таким же хвостом. Она была хорошей кобылой, ходила уверенным шагом, не требуя хлыста или шпор.

После нескольких верст быстрой рыси мы начали крутой спуск в долину реки Ак-Су, которая бежала по дну глубокого и узкого каньона между вертикальных конгломератовых скал. Тропа, от одного вида которой кружилась голова, круто спускалась вниз к мосту, переброшенному через реку, которая ревела и гремела, бросаясь вниз в бездну. Мост был сделан из длинных бревен, концы которых крепились на опорах из коротких крепких балок и больших камней. Связанный в пучки кустарник лежал на бревнах, а сверху него была набросана земля. При строительстве таких сооружений обычно не используется ни единого гвоздя, ни одного кусочка металла. Подобные мосты строятся местными жителями в горных районах Центральной Азии, они распространены по всему Туркестану и горам Индии. Этот мост был исключительно длинным и один его вид вызывал дрожь.

Мальчик-киргиз, ехавший все время впереди, остановился и ожидал меня на этой стороне моста, предоставляя мне честь первому свалиться в разверзшуюся внизу бездну. Сейчас-то я понимаю, что подо мною была хорошая, сильная киргизская кобылка, что она прекрасно знала дорогу и многое повидала в своей жизни, а в тот момент лишь угроза попасть в руки врагов притупила мое чувство реальной опасности, и я решительно двинулся по мосту. Моя замечательная лошадь бесстрашно шагнула на доски и пошла вперед. Мост плясал, как лодка на морских волнах, но лошадь не обращала на это ни малейшего внимания и уже бодро взбиралась по крутому склону на другой стороне моста. Молодой киргиз следовал за нами.

После полудня его лошадь начала оступаться, и в ближайшем ауле мы заменили ее на другую. Дальше наш путь лежал через небольшую долину к вершине перевала, где мы оказались среди огромных вертикальных скал. Внизу простиралась равнина, плоская как стол, за которой в нескольких верстах к северу возвышался другой хребет – Кара-Тау. Мы остановились наверху огромной глыбы известняка, которые слагали основную часть этих гор. Нам не потребовалось много времени на поиск пути вниз, и вскоре мы уже пересекали равнину. Моя кобылка шла бойко, видимо, сама хотела скорее дойти до жилья.

---

⁶⁸ В связи с тяжелым положением во время Первой мировой войны царское правительство издало 25 июня 1916 года указ о мобилизации мужского населения Средней Азии и Казахстана «для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии», который был использован местной аристократией для поднятия восстания против российских властей.

В село Высокое въехали сразу же после захода солнца, там и остановились. За десять часов этого дня мы преодолели семьдесят километров по горным дорогам, поэтому я дал лошадям двойной рацион овса – великую роскошь в это время.

Следующим утром, пока я ждал лошадей, хозяин начал сокрушаться о тяжелых временах, которые наступили для всех после большевистской революции, об обидах, всеобщей разрухе, изымании зерна у крестьян. Больше всего он сетовал на то, что советское правительство запретило наемный труд, и лучшего препятствия для развития сельского хозяйства трудно было придумать.

– В прежние времена наша молодежь была энергичной и зачастую беспокойной, но сейчас она стала просто невозможной, и вы ничего не можете поделать с ней. Киргизские подростки лучше наших, они, по крайней мере, имеют хоть какую-то совесть, – заключил он.

Я слышал, что неподалеку от этой деревни, в горах, среди самых недоступных утесов, есть пещера, где был установлен идол из терракоты. Какие-то русские сумели проникнуть в эту пещеру, разбили идола и под ним обнаружили серебряное блюдо с очень старыми золотыми монетами. Я спросил хозяина, что он знает об этом.

– Конечно, я об этом знаю, – ответил он. – Пещера была недоступна, но наши парни спустились в нее по веревке. Они разбили идола и нашли старые монеты под ним, как вы и сказали.

– И что они сделали с деньгами? – спросил я.

– Они переплавили их и стали пропивать. Так они получили достаточно денег, чтобы быть вечно пьяными, – сердито сказал он.

– И они ходили туда только за тем, чтобы разбить идола на куски? – спросил я. – Ведь они могли продать его за хорошую цену, там одно блюдо стоило больше, чем все монеты.

– Все – лень. Идол был тяжел и потребовалось бы много сил, чтобы спустить его из пещеры. Точно так же и механик с насосной станции в Арыси выстрелом раздробил китайскую статую на кусочки.

– Какую статую?

– Механик с друзьями тайком копались в развалинах Отрара и нашли подземную комнату. Говорят, они вытащили оттуда всякие хорошие вещи. Они принесли китайскую статую, высотой около полутора метров, у нее был нимб над головой и отверстия в ногах для крепления снизу, как я полагаю. Она долго лежала у механика во дворе. Однажды, в его день рождения пришли друзья в гости, все они напились, одурели, начали палить из ружей и раздробили статую на куски.

Очевидно, много старых реликвий буддийского искусства были разрушены по пьяной глупости русскими крестьянами. Перед арабским завоеванием буддизм был очень широко распространен в этом регионе. Отрар был богатым средневековым городом, расположенным на реке Сырдарье, торговым центром между Китаем, Персией, Византией и Европой. Город был разрушен монголами, но поднялся из руин и процветал при Тамерлане, в нем тот и умер. Эти руины покрывают большую площадь и лежат в районе, превращенном сегодня в безводную пустыню, недалеко от станции Тимур на Ташкентской железной дороге.

После полудня я достиг почтовой станции Бурное, отчитался местным властям, представив свой мандат, получил экипаж с парой лошадей, на которых отбыл, воспользовавшись преимуществом привилегированного советского представителя, работающего на Рабоче-крестьянское правительство.

Вокруг простирались плодородные земли, роскошные пастбища, зеленые луга вдоль речных долин; справа от дороги поднимались горы с пиками, покрытыми снежными шапками, с них сбегали многочисленные реки.

И почти все время, пока ехал в почтовой повозке, неунывающий звон колокольчиков под дугой и глухой звук копыт по степной траве пробуждали в памяти годы моей юности, когда я много ездил на почтовых по Южному Уралу и Оренбургской степи.

Многие речные долины здесь золотоносные. В ущелье одной из них – Таласа – на поверхность скал нанесены какие-то таинственные письмена, написанные на алфавите, который не похож ни на одну из известных азиатских письменностей, древнюю или современную. Я узнал позже, что они идентичны с письмом знаменитых Орхонских писаниц⁶⁹ найденных на далеком Енисее. Письмена были расшифрованы датским археологом профессором Томсеном, который доказал, что это уйгурский язык – древний язык тюркских народов, которых мы сейчас называем киргизами. Интересно, что буквы Орхонских писаниц идентичны, с одной стороны, тамгам киргизов – родовым племенным знакам и клеймам, используемым для скота, – но, с другой стороны, они имеют близкое сходство со старым арамейским алфавитом и языком, на котором говорили в Палестине во времена нашего Господа и который сменился ивритом в качестве местного языка. Трудно сказать, были ли эти тамги заимствованы из арамейского языка или они еще древнее. Изображение отдельной тамги далеко не редко на скалах в киргизских землях и является атрибутом очень древней эпохи. Тюрки сами по себе – народ наиболее древней культуры, и надо помнить, что это более древняя цивилизация, чем ассиро-вавилонская, вышедшая из шумерской, которая считается расой тюркского происхождения.

Вот какие мысли и ассоциации о далеком прошлом человечества может вызвать лишь один вид простой тамги – всего лишь клейма владельца на боку киргизской лошади!

---

⁶⁹ Орхоно-енисейские надписи – древнейшие письменные памятники тюрко-язычных народов. Открыты русскими учёными С. Ремезовым, Ф. Страленбергом, Д. Мессершмидтом в 1696–1722 в верхнем течении Енисея; на р. Орхон (Монголия) – Н. М. Ядринцевым в 1889. Дешифрованы датским лингвистом В. Томсеном (1893), впервые прочтены русским тюркологом В. В. Радловым (1894). Датируются 7–11 вв.; написаны т. н. руническим письмом, восходящим через старосогдийское к арамейскому.

Глава XI Пишпек

Глубокой ночью я приехал в Аулие-Ата⁷⁰, что в переводе означает «могила святого отца». Подобно большинству новых русских городов, он занимает непропорционально большое пространство. Можно подумать, что город намеревается соперничать с Петроградом или Парижем, даже базарная площадь по величине превосходила Place de la Concorde⁷¹. Конечно, здесь отсутствовала какая-либо планировка, не было ни мощеных дорог, ни тротуаров, ни водопровода. Все дома были из сырцового кирпича, без какой-либо вычурности, и в то же время каждый дом строился, как усадьба, с огромным хозяйственным двором и садом.

Почтовая станция была в заброшенном, полуразрушенном состоянии. Лошади и экипажи выглядели ужасно, запущенные и изможденные. Теперь руководил почтовыми службами оригинальный подрядчик – пролетариат и крестьяне. Весь день, пока я был там, полупьяные работники и извозчики, безжалостно избивая лошадей, запрягали экипажи парами и тройками, ужасно ругаясь и крича. Несчастные животные, с измученными дрожащими телами, покрытые потом и пеной, с дикими взглядами широко открытых глаз, готовы были сорваться и в ужасе понести.

– Почему вы не остановите издевательство над бедными животными? – спросил я начальника станции.

– Как я могу? – отвечал он. – Распоряжением пролетарских властей эти лошади «национализированы» у киргизов. Наши старые либо пали, либо совершенно загублены. Мои люди пытаются приучить к упряжи этих норовистых неуков.

Лишь ближе к вечеру я получил парную повозку и собирался скорее уехать из этого отвратительного места.

Прежде чем повозка тронулась, ко мне подошла две женщины: молодая девушка и ее мать. Девушка попросила взять их с собой. Она была учительницей в деревне, бывшей мне по пути, и они не имели «мандата» на получение почтовой повозки и лошадей. В моем экипаже было достаточно места, а их присутствие придавало нам более миролюбивый и респектабельный вид, и я с радостью согласился.

Едва мы успели удалиться от города, как пришлось переправляться вброд через реку с необыкновенно чистой, прозрачной и быстрой водой. Она была так глубока, что почти зали-

---

⁷⁰ Ныне город Тараз (Казахстан).

⁷¹ Площадь Согласия – центральная площадь Парижа.

вала экипаж, но мои компаньонки, взяв чашку, зачерпывали и жадно пили кристально чистую воду.

Мы провели ночь на ближайшей станции, и весь следующий день двигались сухой, пыльной степью и лишь к вечеру добрались до села Луговое, где встретили особую военную комиссию большевиков из Копала, находящегося далеко на границе между Семиречьем и Сибирью. Там, в отдаленном, изолированном и богатом аграрном регионе никогда не было ни помещиков или крупных землевладельцев, ни пролетариата, ни фабричного или заводского труда, ни «эксплуатируемых масс», ни даже безземельных мужиков и было совершенно непонятно, почему, как и для чего в Копале появились коммунисты.

Члены большевистской комиссии – «делегаты», как они себя называли – были одеты в какие-то грязные лохмотья. Когда девушка-прислуга запоздала к ним с самоваром, двое из «делегатов» решили «пойти и зажать ее в клещи». Они уже поднялись, собираясь выполнить намерение, когда я стал убеждать их отказаться от идеи наказания девчонки, говоря, что, возможно, она такого же пролетарского происхождения, как и они.

– У нас есть много всего, – говорили они мне, – мясо и хлеб, все это дешево, только нет никаких товаров. Мы рады принять в партию любого, но с условием, чтобы он шел на фронт сражаться с казаками. Если же он не захочет сражаться за социалистическое отечество, мы устроим ему, проклятому, хорошую взбучку.

Сами же они были, очевидно, в восторге от того, что направляются в Ташкент, где рассчитывали провести длительное время, как можно дальше от фронта и тревог.

Следующую ночь мы провели в Мерке, когда-то богатом и процветающем селе, ныне опустелом. Здесь впервые в пути мы смогли поесть яйца и плов, еда несколько улучшила наше настроение.

Мерке расположен у самого подножия гор, которые богаты различной дичью. Здесь водятся горные козлы, дикие свиньи и бараны, включая очень редкий и интересный вид *Ovis heinzii*. Там были когда-то великолепные охотничьи угодья.

Утром мы остановились перекусить в селе, где инженером по ремонту дорог работал брат школьной учительницы, которая путешествовала со мной. Молодой человек открыто рассказал, что он не хочет служить большевикам и всерьез собирается пересечь Балхашскую степь, чтобы присоединиться к армии Колчака. Также он поведал мне, что в этом селе есть тайная организация, помогающая людям, которые хотят бежать из коммунистического рая на свободу. Сестра и мать одобряли его идею. Старая дама дала сыну свое благословение на долгое и рискованное путешествие. Юноша спросил, не поеду ли я с ним, но я отказался, так как он и сам не имел ясного и хорошо продуманного плана.

Весь этот день мы двигались среди великолепных лугов и пашен, часто встречая кочующих киргизов, которые при каждой возможности угощали нас первоклассным кумысом – удивительно освежающим и укрепляющим напитком, питательным и бодрящим.

Потом пошли русские деревни, имеющие очень странный вид. Это была целая серия сел с различными примечательными названиями: Кара-Балта, Беловодское, Александровка, Дунганка⁷² и т. д., и все они как бы образовывали одну-единственную улицу, протянувшуюся на пятьдесят километров, по которой проходил почтовый тракт, по нему даже в сухое время года местами невозможно было проехать из-за грязи. Колеса нашего экипажа утопали по самую ступицу, и лошадям было чрезвычайно трудно тащить нас. Дома стояли отдельными усадьбами, часто довольно обширными и застроенными без всякой системы. Позади домов были видны хозяйственные дворы, сады и поля клевера, обсаженные темно-зелеными вязами, тополями и ивами. Вдоль дороги тоже тянулись ряды деревьев.

---

⁷² Имеется в виду Дунганская слобода, которая находилась на окраине города Пишпека к западу от улицы Казарменной (Тоголока Молдо).

Во время киргизского восстания 1916 года село Беловодское было атаковано повстанцами. Многие жители были убиты, несколько женщин уведены киргизами. Но когда восстание было подавлено, сельчане взяли жестокий реванш. Чувства были накалены, и русские обозлены на киргизов – они убили около семисот человек, включая даже тех, кто не принимал участия в восстании.

Причиной недовольства киргизов русскими властями была несправедливость, при которой их земля отбиралась и передавалась русским переселенцам. Были различные злоупотребления местных властей в реквизициях во время войны: несправедливо изымали скот, лошадей, юрты и т. п. на основании того, что в период общего кризиса требуются обязательные жертвы. Восстание было, конечно, подготовлено и организовано немецкими агентами и турецкими резидентами при попустительстве высокой русской администрации. Правительство в Петрограде не могло придумать ничего лучшего, как назначить генерал-губернатором Туркестана во время войны немца фон Мартсона⁷³, а военным губернатором Семиречья – другого немца, Фольбаума⁷⁴! Фон Мартсон спровоцировал восстание мусульман в Туркестане преднамеренно, путем неожиданного призыва их на фронт для военных работ.

Конфискация земель у киргизов в пользу русских переселенцев была не только совершенно неоправданной, но и грубой экономической ошибкой. Благодаря киргизским методам дешевого выращивания скота Россия занимала привилегированное положение в Европе, имея в своем распоряжении миллионы лошадей, крупного рогатого скота и овец, которые давали ей громадные запасы дешевого мяса, шкур, молочных и прочих продуктов. Русские же крестьяне в Средней Азии производили только зерновые, которые было невозможно транспортировать из региона.

Позднее большевики исправили ошибку, совершенную царским правительством. Но в то время, пока я находился в Семиречье, многие из русских поселений были сожжены дотла, а их жители либо убиты, либо бежали с этой земли изобилия, которая при разумном администрировании могла бы производить достаточно продуктов для всех.

В одной из попутных деревень женщины покинули меня, и дальше я поехал один. На первой же станции, где я менял лошадей, почтовый служащий сказал мне, что у него только одна тройка, и предназначена она для пары красных комиссаров, следующих в Верный⁷⁵.

– Покажите мне их «мандаты», – приказал я строгим тоном, потом проверил документы и сказал:

– Смотрите сюда! Их «мандаты» выписаны верненским исполкомом, а мой – центральными властями в Ташкенте и, без сомнения, мой важнее. Дайте мне тройку сейчас же, меня поджимают сроки.

– Хорошо, – покорно ответил почтовый служащий. – Я дам распоряжение поставить тройку в ваш экипаж.

Тотчас же вернулись комиссары и стали оспаривать права на лошадей, но я строго прервал их и авторитетно сказал о «революционной дисциплине» и они утихли. Вскоре, однако, предложили компромисс: они поставят лошадей в свой экипаж, который был объемнее моего, так как у них было много военного груза, а дальше мы поедем все вместе.

На это я согласился, и мы втроем выехали в Пишпек.

---

⁷³ *Мартсон Федор Владимирович* (1853–1916) – генерал от инфантерии, временно исполняющий должность командующего войсками Туркестанского военного округа, Туркестанский генерал-губернатор и войсковой наказной атаман Семиреченского казачьего войска.

⁷⁴ *Фольбаум (Соколов-Соколинский) Михаил Александрович* (1866–1916) – генерал-лейтенант. Православного вероисповедания, военный губернатор Семиреченской области, командующий войсками Семиреченской области и войсковой наказной атаман Семиреченского казачьего войска.

⁷⁵ Сегодня город Алматы в Казахстане.

– Ваша фамилия Новиков, не так ли? – спросил один из комиссаров. – Есть несколько Новиковых в Верном, возможно, они ваши родственники?

– Они староверы, старообрядцы?

– Да.

– Тогда, они точно мои родственники. Напомните им обо мне, когда увидите их.

Так я присоединил свою вымышленную фамилию к реально существующей. Стоит упомянуть еще об одном совпадении: в это время в Верном был комиссар, коммунист по фамилии Назаров.

Пишпек получил свое имя в честь киргиза, чьи стада паслись на этом месте. Город уютно расположен в цветущей зеленой долине, почти у подножия величественного Александровского хребта⁷⁶, являющегося частью горной страны Тянь-Шаня. Этот хребет круто поднимается от подножия до вечных снегов, и в ясном воздухе легко различаются видимые издали многочисленные ущелья, разделяющие горный массив, сверкающие ледники и белый снег, создающие чудесную панораму. Многочисленные потоки холодной, чистой воды стекают вниз по склонам этого величавого хребта. Дно потоков выглядит, как прекрасная мозаика из лежащих на дне яшм и других разноцветных камней, принесенных с гор. Улицы города рассечены этими потоками во многих местах, что придает городу своеобразный вид.

Пишпек, подобно другим городам Семиречья, просторно раскинулся на местности. В городе широкие улицы, обсаженные деревьями, просторные площади, иногда заросшие травой, многочисленные сады и оросительные каналы, всегда наполненные водой. На въезде в город я увидел пару куликов-перевозчиков, разгуливавших по улице совершенно беззаботно.

Мы подъехали к единственному в городе заезжому дому, где для меня была приготовлена целая комната.

Спускаясь по ступенькам, я стал свидетелем курьезного инцидента. Женщина, не очень молодая и не очень красивая, но очень хорошо одетая по тому времени, в белое платье, нервно прохаживалась туда-сюда у лестницы, очевидно, ожидая кого-то. Потом она подобрала на улице приличного размера булыжник и зажала его в руке. Несколько минутами позже из двери вышла молодая девушка, одетая бедно и выглядевшая по-домашнему. Словно тигрица, женщина в белом накинулась на девушку, колотя ее камнем по голове. Кровь потекла из головы бедной девушки, и обе женщины кричали и вопили, как безумные. Я был готов вмешаться, но обе соперницы, вцепившись друг другу в волосы и выкрикивая что-то, выкатились на улицу. Люди окружили их, подошедший милиционер всех утихомирил, а я счел более мудрым удалиться в свою комнату. Потом мне пришлось стать свидетелем финала этой необычной сцены. После чая я вышел в коридор и увидел этих двух женщин сидящими друг против друга. Перед ними в позе оратора, выступающего на митинге, с двумя пистолетами за поясом, полностью одетый в черную кожу стоял комиссар, который оказался мужем женщины в белом. Поражая своей величественной позой, он внушал двум женщинам коммунистическую систему этики, красноречиво описывая, как своим неприглядным поведением они унижают его звание и престиж как комиссара, коммуниста и начальника местной милиции. Он объяснял, что в обществе, объединенном коммунистами, нет и не может быть места такому вульгарному чувству, как ревность. Ревность! Что за буржуйская штучка?! Ужасно! Правильным наказанием за такую неприглядную сцену должен быть расстрел их обеих, но он по великой доброте своего сердца, как истинный сын пролетариата, великодушно прощает их. Красноречие начальника местной милиции, очевидно, эффектно подействовало на воинственных соперниц, и вечером я увидел всех троих, сидящих на ступеньках и мирно грызущих семечки.

Потом я пошел прогуляться и осмотреться в городе. Ранее богатый, с процветающей торговлей Пишпек сейчас выглядел мертвым. Базар был пуст, магазины закрыты и заперты

---

⁷⁶ Ныне Киргизский хребет.

ставнями. На лицах людей были грусть и тоска, страх и униженность. Я нигде не услышал звуков пения, не увидел улыбок. Не только русские, но и киргизы, сарты и дунгане были одинаково печальны и удручены. Диктатура пролетариата наложила свой тяжелый отпечаток на эту отдаленную, но богатую провинцию; ведь здесь, за малым исключением солдат и чиновников, каждый был формально собственником-землевладельцем, каждый мещанин имел собственный дом и сад, у каждого сельского жителя было собственное поле и хозяйство. Здесь перед революцией пуд пшеницы стоил десять копеек⁷⁷, мед использовали для смазки колес крестьянских телег, так как фунт меда стоил семь копеек, а фунт колесной мази – вдвое дороже. Это была земля, где киргизы имели табуны в десять тысяч лошадей и отары в сотни тысяч овец, где, и это правда, нищие ездили на собственных лошадях по аулам, прося милостыню.

Здесь строители коммунистического рая были приезжими из других городов Туркестана или из местного криминалитета.

Огромные плакаты на стенах и окнах пустых магазинов информировали трудящиеся массы об успехах мировой революции; большие картины изображали карту мира, отмеченную красным там, где совершались революции. Красными были Россия, Германия, Венгрия, темно-красными – Франция, Англия, Италия. Пылали Ирландия, Афганистан, Египет и Индия. США были слабо огненными, красные участки отмечались в Новой Зеландии и Австралии. Только моря и океаны оставались белыми!

Я прошелся по пустому базару, надеясь купить там свежего хлеба, и неожиданно услышал звуки военной музыки. Из-за угла появилась процессия с красными флагами. Из предосторожности я зашел за арку закрытого магазина и стоял там, наблюдая за процессией. Как обычно, ее возглавляли маленькие мальчишки и собаки, за ними шла группа коммунистов с красными флагами, среди которых я точно узнал Александровича, прежнего директора технической школы в Ташкенте, который был уволен за воровство и теперь считал себя «жертвой имперского режима»; далее шли солдаты-красноармейцы и оркестр, фальшиво играющий «Интернационал».

Позади тащили старые пушки и парочку пулеметов. Процессия включала и отряд красной кавалерии. Сельчане, прохожие и горожане «самой свободной страны в мире» робко смотрели из окон домов и из-за калиток на эту демонстрацию.

На второй день моего приезда, в сумерках я вышел на тротуар недалеко от заезжего дома и случайно увидел в окне, ярко освещенном множеством свечей, среди роскоши, доступной в это время только комиссарам, еще одно знакомое лицо. Это был комиссар Гриневич из Ташкента. Он был немецким шпионом во время войны, но сейчас стал сотрудником ЧК и работал в составе Пролетарского университета. Гриневич знал меня прекрасно, и мне было необходимо убраться от такого соседства как можно быстрее.

На следующий день я пошел к знакомому, который чуть раньше приехал в Пишпек из Ташкента. Его дом стоял на окраине города и высокая, местами выше человеческого роста, трава свидетельствовала о близости реки Чу.

На болотах и озерах Чуйской долины было множество уток, а в зарослях по берегам водилось огромное количество фазанов и каждое утро всегда в одном направлении летели большими группами крупные дрофы, а осенью здесь появлялись многочисленные стаи малых дроф – стрепетов (*Microtus tetrah*), интересной пернатой дичи.

Во время фазаньей охоты в этой долине наш знаменитый исследователь Н. М. Пржевальский неосмотрительно напился здешней сырой воды, заболел и умер на берегах озера Иссык-Куль.

---

⁷⁷ 10 копеек в то время были около \$2,5 (Прим. Павла Назарова).

Долина реки Чу, названная так китайцами⁷⁸, необыкновенно плодородна. Сейчас здесь выращивают много чудесных овощей и очень крупный картофель.

Климат Семиречья не так жарок, как ташкентский. Зимы здесь длиннее, снег выпадает каждый год и лежит месяц или два. Весной много дождей, лето не такое длинное, как в Ташкенте, но сухое, и в большинстве районов для сельского хозяйства и садоводства необходимо применять искусственное орошение. Хлопок здесь не выращивается, но местность прекрасно подходит для зерновых и винограда, которые дают великолепные урожаи, особенно на слабокаменистых почвах в некоторых горных долинах. Местное виноградное вино, не такое крепкое, как в Ташкенте, но легкое и с лучшим букетом – прекрасное столовое вино. Мой хороший друг А. Н. Иванов, изучая виноделие во Франции, заложил великолепный виноградник и начал делать вино недалеко от Пишпека. Он вложил очень крупный капитал в это дело, но в январе 1919 года был расстрелян большевиками, как «буржуй» и эксплуататор трудящихся масс.

На горных плато и в долинах среди гор прекрасно растут яблони и груши, а в местах, защищенных от северных ветров, очень хорошие абрикосы и персики. Здесь нет дынь таких размеров, как в Ташкенте, но ароматом, сладостью и вкусом чуйские дыни им не уступают, и здесь, возможно, больше их сортов. Арбузы необычайно огромные, сладкие, и, как мы увидим позднее, они могут стать источником бед на этой благодатной земле. Прекрасные результаты дает выращивание табака в горных долинах, семиреченский лист не уступает крымскому сорту. Опиум Семиречья имеет самую лучшую репутацию в Кашгаре. Щедрая природа также одарила эту страну целым богатством дикорастущих полезных растений.

Я покинул Пишпек и поехал в Верный, где, благодаря моим официальным рекомендациям, для меня нашлась служба в одном из учреждений, и я был откомандирован проводить «гидротехнические изыскания» в долине реки Чу. Мне выделили для передвижения открытую повозку и пару лошадей с извозчиком. Это было прекрасно, так как давало возможность вести свободную и независимую жизнь среди природы, которую я так любил.

---

⁷⁸ По Б. М. Юнусалиеву (1956) топоним Чуй был привнесен кыргызами с Алтая.

Глава XII По Семиречью

Моя первая экспедиция была в горные леса долины реки Чу и ее притока Кемин. Был прекрасный сентябрьский день, когда мы выехали из города и направились на восток. Лошади были свежими и шли бодрой рысью по ровной дороге, открытая повозка катилась легко. Я чувствовал прилив душевных сил и с интересом смотрел на окружающую местность, абсолютно новую для меня. Слева была река Чу, с заливными лугами и зарослями; направо высились горы, видимые ясно в чистом утреннем воздухе. Снежные хребты сверкали расплавленным серебром и были прорезаны темными, загадочными изгибами многочисленных ущелий. После езды по топкой дорожной грязи через несколько русских деревень мы прибыли к возвышенности обширных руин древнего города Баласагун⁷⁹.

На сухой глинистой, бесплодной земле были отчетливо различимы следы улиц, места, где некогда находились дома, ирригационные каналы и какие-то большие строения. Хорошо выделялись остатки городских стен, вплоть до башен фортов и ворот. В средние века это был людный и процветающий город, с массой садов, красивых сооружений, ведущий торговлю как с далекой Западной Европой, так и с близким Китаем. Его хранилища были полны разными товарами, изделиями искусного ремесла, украшениями Востока и другими сокровищами. Но в XII веке после длительной, упорной осады город был взят и разграблен каракитаями⁸⁰, пришедшими сюда с востока. Более сорока тысяч жителей, включая женщин и детей, были зарезаны на улицах Баласагуна. Земля пропиталась кровью, и некогда процветающий город превратился в кладбище и пустыню. Его руины лежат уже 800 лет в центре богатой и плодородной страны. Очень часто на городище находят интересные вещи, особенно после сильных дождей: древнюю утварь, драгоценные украшения, настоящие произведения искусства. К счастью, сухая земля этих возвышающихся на месте города холмов ревниво скрывает археологические сокровища от грабителей, храня их для будущих исследований, сберегая от варварства русских крестьян и алчности самых отъявленных грабителей – коммунистов.

Эта часть Семиречья богата остатками древностей: курганы, старые постройки и крепости – свидетельство освоения этой прекрасной и плодородной земли оседлым населением с самых ранних времен.

⁷⁹ Баласагун – средневековый город, существовавший на территории нынешнего Кыргызстана, близ современного города Токмак. Назаров описывает Краснореченское городище, отождествляемое археологами со средневековым городом Невакетом.

⁸⁰ Каракитаи или кара-кидани – ветвь родственного монголам кочевого народа киданей, которая после разгрома государства Ляо чжурчженями в 1125 году откочевала в Среднюю Азию.

Одна из замечательных форм древних реликвий – оссуарии. Это удлиненные ящики, сделанные из обожженной глины, с крышками, 60–75 см в длину и 30–45 см в ширину. Боковые стороны обычно украшены очень примитивным рисунком, иногда изображениями человеческих фигур, птиц или зверей. Внутри всегда находят человеческие кости и ничего больше, кости всегда абсолютно чистые, без следов истлевшей плоти. Иногда они окрашены в красный цвет. Никаких надписей на оссуариях нет.

Кто были эти люди, применявшие столь поразительную форму погребения, и когда они жили? Эти странные погребальные урны встречаются повсюду в Туркестане, где раньше находились оседлые поселения, и о них говорится в различных эпосах. Редко, на отдельных крышках, изображены несторианские кресты. Существует множество более или менее умозрительных попыток объяснить предназначение таких урн. Мне кажется, что ответ на загадку оссуарий лежит в том, что у человека всегда было затаенное желание, чтобы его кости нашли покой на земле в своем собственном доме. И сегодня в Центральной Азии сохранился обычай предавать останки богатых или заслуженных людей земле у родного дома, если они умерли вдалеке. Известный натуралист, покойный ныне, Н. А. Зарудный однажды рассказывал мне, как он встретился в пустыне Кызыл-Кум с двумя киргизами. Они деловито занимались тщательной очисткой костей полуразложившегося тела с намерением унести их домой. Киргизы рассказали ему, что в прежние домусульманские времена такой способ захоронения костей людей, умерших в странствиях, в подобных оссуариях был широко распространен в их стране.

Потом я въехал в большое, процветающее русское село Ивановка, где хотел остановиться, собираясь поехать и дать отдых лошадям. Здесь я был крайне удивлен окружающей атмосферой всеобщего веселья. Мужчины и женщины рука об руку прогуливались по улице, дикие песни звучали со всех сторон, здесь и там, пошатываясь, ходили пьяные мужики. Одни мирно спали на земле по краям арыков, другие, с трудом выбравшись из канав, промокшие насквозь, цеплялись за заборы после барахтанья в грязи и тине, все пребывали явно не в ладах с головой. Воздух сотрясался пьяными криками, разгульными песнями и грязными ругательствами, такими характерными для русских крестьян. Очевидно, какое-то большое празднество было в полном разгаре, и вся сцена являла разительный контраст с печальным и депрессивным городом, который я не так давно покинул. Во многих домах кипела активная деятельность: женщины резали арбузы на большие ломти, которые они рубили на мелкие куски в чанах...

– Что это за необычный праздник у вас? – спросил я у женщины на почтовой станции.

– Праздник? Это никакой не праздник, – презрительно ответила она. – Мужики поставили бражку из арбузов три недели назад, и получилась хорошая пьянка. Они научились делать своего рода водку из арбузов, и теперь ничего другого не делают.

– И когда это все окончится? – спросил я.

– Естественно, они не остановятся до тех пор, пока не перегонят все арбузы на водку. Боюсь, что они будут пить и выть весь следующий месяц...

Добрая женщина дала мне спелых яблок, не пожелав брать плату за них.

– Я работаю здесь, чтоб вы знали, – сказала она, – уборщицей в конторе ирригационно-канальной комиссии. Получаю большое жалование, может быть, больше чем вы.

– Я получаю две тысячи рублей в месяц, – сказал я.

– Ха! А я получаю три тысячи шестьсот рублей!

– Но это больше, чем получает наш начальник, у него всего две тысячи. В чем же заключается ваша работа, если вы получаете так много?

– Мне платят не за работу, а по семейной необходимости. Ведь у меня четверо детей. А моя работа невелика: я только зажигаю лампы и мою пол один раз в неделю. И ничего, кроме этого! – ответила она с легким смешком.

Таковы были коммунистические принципы – положение личности как основа для расчета жалованья. Талантливый инженер с прекрасным опытом работы, несущий всю ответственность

за свои действия, получает меньше, чем простая, неграмотная женщина, которая моет пол! Каждому – по потребностям, хотя эти потребности рассчитывались по ограниченной норме. Хлеб тогда стоил 50 рублей за килограмм, а мясо – 300.

Недалеко от деревни Ивановка был интересный источник, содержащий в растворе селитру. Местные охотники выпаривали эту воду и получали соль, из которой они делали вполне хороший порох.

Дорога на Токмак проходила через заросшие травой низины, местами встречались поля овощей и стоящие стога сена. Сотни фазанов свободно передвигались вдоль дороги и среди зарослей. Стаи уток летели над головой по пути в свои родные земли. Телеграфные провода провисали под тяжестью бесчисленного количества ласточек, готовящихся к своему осеннему перелету на далекий юг. Я с завистью смотрел на них.

«Прекрасные маленькие птицы! – думал я. – Свободны, как ветер. Если бы я только мог улететь с вами в волшебную страну Хиндустан!» К несчастью, нет свободы в моей бедной стране, а есть только рабство и насилие!

Мы провели ночь в Токмаке, безобразно грязном городе, расположенном в низкой, болотистой местности. В дождливую погоду здесь большинство улиц становилось непролазными, была реальная опасность для повозок глубоко и безнадежно утонуть в грязи, и, действительно, были случаи, когда лошади увязали вместе с повозками и погибали. Недалеко от города есть много камней, великолепно подходящих для мощения улиц, но, черт возьми, кому это надо в этой «счастливой» стране?!

Еще тридцать лет назад в камышовых зарослях неподалеку водились тигры и даже нанесли определенный ущерб городу, но теперь о них забыли, и из диких животных лишь шакалы обитают по соседству.

В жизнь Токмака большевистская революция не внесла особых изменений. Здесь во власти были местные люди, не очень расположенные к коммунистам. Они стали большевиками просто в надежде спасти свой город от криминала и мародеров. По этой причине Токмак избежал ужасов и жестокости террора, которые пережили жители Пишпека и других городов Семиречья, испытывавшие так много страданий и нищеты. И часто даже сами токмакские комиссары, как авгуры древности, лишь внешне изображали на лице улыбку, когда совершали свои коммунистические обязанности. Но это их не защитило, вскоре на сцене появилось несколько настоящих коммунистов, которые расстреляли под тем или иным предлогом всех местных псевдокоммунистов. Это было очень выгодное дельце, так как истинные большевики показали свою завидную активность и удовлетворили кровавую жажду центральных советских властей.

Я воспользовался либеральным духом Токмака и успешно приобрел оружие – старую армейскую берданку, а также выписал накладную на получение амуниции из военных складов.

Пост коменданта арсенала занимал ветеран старой армии. Зная по опыту, что письмо и чтение – волшебные и чудесные вещи, недоступные рядовым большевикам, он естественно посчитал, что парень, стоящий перед ним в драных, старых военных штанах и потертом кожаном пиджаке, вряд ли способен на высоты грамотности, поэтому сказал:

– Товарищ, если ты не сможешь написать свое имя здесь, сбегай и попроси кого-нибудь прийти и расписаться за тебя.

– Хорошо! – ответил я. – Я распишусь сам после получения. –

И старательно вывел свое новое имя «Новиков», думая про себя: «Знал бы ты, кого вооружаешь!»

В Реввоенкоме, где я получал мандат на право ношения оружия, председатель объявил, что не может выдать необходимый документ раньше, чем через три дня, так как секретарь больна, и никто, кроме нее, не может его выписать.

– Но, почему? – спросил я. – У вас же полно работников... Поручите любой из девушек!

– Да, людей много, – ответил он. – Но они могут только копировать готовые документы, они не могут составлять их.

– В таком случае, позвольте мне выписать себе самому разрешение, – предложил я.

– Ты на самом деле можешь это сделать? – спросил председатель удивленно.

Я быстро настрочил мандат, дающий мне право иметь оружие и получать амуницию из Государственного арсенала, а также запрещающий кому-либо изымать их у меня.

Стиль и содержание мандата председателю очень понравились, и он подписал его сразу, скрепив печатью с серпом и молотом – оружием Советской социалистической республики. Затем он прикрыл дверь своей комнаты и повернулся ко мне с вопросом:

– Я вижу: ты интеллигентный парень, скажи мне ради Бога, когда это все кончится?

– Что вы имеете в виду – «все это»? – спросил я его в ответ.

– Все это сумасбродство, что происходит сейчас. Зачем нам нужна их драгоценная свобода? Посмотрите, что они сделали с нашей несчастной Россией и с нами! – голос председателя перешел на шепот. – Смотрите на это! Смотрите и восхищайтесь! Смотрите на эту проклятую грязь, на этого окаянного еврея! – он показал на висевший на стене портрет Бронштейна, известного под именем Троцкого⁸¹.

– В прежние времена мы вешали иконы в присутственных местах, военных и других учреждениях, или портреты царя, или национальных героев, таких как Суворов или Скобелев, но большевики приказали убрать их всех. Это же богоотступная мерзость!

Я шел и думал, что же это такое могло вынудить русский народ, всегда бывший таким религиозным, патриотичным и преданным императорской семье и царскому строю, забыть все, что достойно уважения, и унижительно склониться перед тем, что он всегда презирал? Хотел ли он ту палку в руках Ленина и Троцкого, с которой они повели русский народ в пути коммунизма, совершенно так же, как это хотел сделать Петр Великий, загоняя народ дубинкой в европейскую культуру и мировую цивилизацию?

Почти целый день занял переезд из Токмака в село Самсоновка. Я проезжал мимо больших русских сел, расположенных вдоль дороги, и во всех половина жителей была пьяна. Затем шли киргизские поселения, полностью превращенные в руины и буквально стерты с лица земли, поселки, где всего три года назад шел торг на базарах и высились строения, окруженные садами и полями люцерны. Теперь во все стороны была пустыня. Казалось невероятным, что за такое короткое время можно стереть с лица земли целые поселки со всей хорошо развитой системой хозяйствования. С огромным трудом, старательно поискав, я смог найти лишь короткие пни от деревьев и остатки оросительных каналов.

– Наша братия развалила все дома. Свалили деревья, вырубали сады, завалили арыки, так что все пересохло, и поля клевера были уничтожены, – объяснил мне мой извозчик.

– Но для чего они вырубали сады и разрушали арыки? – удивленно спросил я.

– Да, потому, что дураки. Они сами теперь жалеют об этом. Весь тот клевер, который они загубили, очень нужен им теперь. – Он имел в виду люцерну (*Medicago sativa*), обычно неправильно называемую русскими клевером.

Разрушение арыков, или ирригационных каналов, в этом регионе быстро превратило высокоразвитое хозяйство района в пустыню и стерло все следы земледелия и поселений. Только в заливных лугах и низко лежащих землях около речек была еще возможна какая-то культивация.

Поднимая восстание против русских властей, киргизы на общем собрании своих лидеров приняли резолюцию не убивать мирное, невоющее население, не грабить их имущества. Это

---

⁸¹ Лев Давидович Троцкий (*Лейб Давидович Бронштейн*) (1879–1940) – один из организаторов Октябрьской революции, один из создателей Красной армии, нарком по иностранным делам, затем нарком по иностранным и морским делам, председатель Реввоенсовета РСФСР, затем СССР. В 1929 г. выслан за пределы СССР. Был смертельно ранен агентом НКВД Рамоном Меркадером 20 августа 1940 г. в Мексике.

намерение, несомненно, было благородным и давало им огромное преимущество, но трудно обуздать животные инстинкты человеческой природы, когда они разбужены, такое случается даже среди народов, которые обычно считаются цивилизованными. Восстание вспыхнуло и тотчас начались убийства, грабежи, зверства, изнасилования, русские женщины и дети были захвачены и уведены на китайскую территорию. Отряды киргизов были под командованием турецких офицеров – военнопленных, бежавших из Сибири. Киргизы сражались храбро, атаковали дерзко, проводя даже кавалерийские атаки против пулеметов и тяжелых орудий, но у них было недостаточно выдержки и, конечно же, недоставало дисциплины. Часто случалось, что после какой-нибудь успешной стычки, они бросали атаку и шли домой... пить чай и кушать баранину.

После подавления восстания русские поселенцы возвращали потерянное теперь уже за счет киргизов, захватывая их аулы, разрушая их очаги, растаскивая их имущество; и в этих деяниях русские не делали различий между повстанцами и мирными киргизами, которые оставались верноподданными России. По сути дела, русское население получило значительное долгосрочное преимущество от восстания, так как огромное количество киргизского скота попало им в руки, и в результате этих действий многие русские разбогатели. Те киргизы, которые захватили у русских имущество в начале восстания и бежали в Китай со своими трофеями, были подчистую ограблены китайцами.

На лужайке в Самсоновке под невысокой оградой я увидел могилы русских, убитых во времена восстания; среди них молодая, красивая девушка и студент с такой же, как у меня, фамилией. Они были в горах с ботанической экспедицией, когда появился отряд киргизов. Компаньоны молодых людей звали их быстрее садиться на лошадей и скакать что есть мочи, но девушка промедлила, собирая свои вещи и коллекции. Молодой студент, как галантный кавалер, пытался защитить ее, и оба были убиты повстанцами.

С утверждением коммунизма и введением обязательности труда для всех граждан Советской республики на киргизов обрушилась другая беда. Советские власти выпустили декрет, мобилизующий киргизов на сельскохозяйственные работы, причем мобилизованные мужчины вместе со своими лошадьми были распределены среди русских крестьян, за отказ выполнять декрет или бегство угрожали смертью. Этим декретом Советские власти определенно вводили в Семиречье рабство. Какой поучительный пример для социалистов всех стран, которые мечтают о «диктатуре пролетариата»!

Когда во время восстания Самсоновка была окружена киргизами со всех сторон, а помощи из Верного еще не было, положение жителей стало критическим. Киргизы непрерывно атаковали поселок, пытаясь взять его до появления русских войск, и, похоже, вполне могли бы достичь цели, но простая идея местного школьного учителя спасла всех.

Внезапно утро в Самсоновке было нарушено грохотом орудийной стрельбы, прокатившимся эхом по горным ущельям, это ввело осаждающих поселок киргизов в панику, они в спешке ретировались. Им казалось, что мощные силы с тяжелой артиллерией, которой киргизы так боялись, подошли для спасения осажденного поселка. Звук пальбы продолжался долгое время, но, к удивлению, стрельба не наносила никакого вреда отступающим киргизам. И все же они сняли осаду, оставили жителей в покое и отошли второпях к реке Чу. Жители Самсоновки так же, как и наступавшие, были чрезвычайно удивлены выстрелами и не могли понять, откуда взялась артиллерия. Оказалось, что учитель местной школы – казак, поселившийся в Семиречье, – сделал бесхитростное приспособление, установив трубы граммофона на ствол обреза, и этим производил хорошую имитацию залпов орудий.

После ночи, проведенной в Самсоновке⁸², я с парой попутчиков поехал через горы в долину реки Кемин. Перед моим уходом большая серая собака, очень похожая на эрдель-

---

⁸² Сегодня село Боролдай.

терьера, неожиданно привлекла мое внимание. Находясь на расстоянии, она сначала дружелюбно махала хвостом, а потом помчалась ко мне. Необычным было то, что собака улыбалась! Она действительно улыбалась, показывая двойной ряд безупречных зубов с громадными клыками. Это было совершенно необъяснимо, очень странно, даже невероятно – увидеть собачью улыбку, так похожую на человеческую. Не простое растягивание губ для показа зубов, как это делают большинство собак, а реальная человеческая улыбка, молчаливый смех. Раньше я слышал, но никогда не верил, что здесь есть собаки, которые улыбаются. И вот я сам встретил этого феноменального улыбающегося пса, известного на всю округу.

Наш путь лежал через пологие травянистые холмы и долины, поросшие густыми травами, а летом покрытые массой цветов, орошаемые целой серией ручьев и родников с кристально чистой водой. Здесь не было деревьев и кустарников, но травы были роскошными. Такие луга могли прокормить тысячи голов крупного рогатого скота и лошадей, которых теперь нет.

В двух местах мы миновали развалины домов европейцев – пчеловодов, убитых киргизами. В пустых дворах и среди развалин бродили многие дюжины «кекликов» (*Caccabis chukar*), гималайских куропаток, которые были абсолютно ручными.

В Семиречье пчеловодство всегда давало великолепные результаты. В конце лета с улья снимали по сто килограммов чудесного белого меда, текучего, как масло, с удивительным ароматом, специфическим для каждой округи. Все это теперь осталось только в памяти.

Как только мы въехали в заросли высоченной травы, я услышал шуршание, словно несколько больших животных двигались в ней. Я раздвинул траву, и оттуда выскочила большая стая куропаток. Один из моих попутчиков выстрелил из дробовика и убил несколько птиц. После выстрела шум в траве продолжался, и в то время, когда мой компаньон пошел собрать свою добычу, из травы вышел красивый большой самец косули с роскошными рогами, он медленно пошел по склону холма. Я спешил, бросил поводья своему напарнику, зарядил ружье, рогач был в шагах ста пятидесяти. Я выстрелил – и промахнулся. Снова выстрелил – и снова промахнулся, невредимый самец быстро исчез за скалами. Я не мог понять причину промахов, ведь до этого я всегда стрелял метко. Проверил ружье и нашел, что прицел установлен выше и вправо. Старая берданка была изношена напрочь. Так что в эту ночь мы не поужинали оленьей.

Проехав немного дальше, мы остановились у родника, чтобы напоить лошадей. Здесь скопилось огромное количество куропаток. Этот подвид любит пить чистую горную родниковую воду, они обычно приходят к воде, когда солнце стоит высоко, и проводят самое жаркое время дня у источника. Куропатки были везде: на обеих сторонах ложбины, среди скал; они сидели на камнях и в траве, купались в пыли на дороге, не обращая внимания на лошадей, садились на землю даже между лошадиных ног; иногда это выглядело так, как будто здесь, кроме куропаток, вообще никого не было. Мой компаньон подстрелил несколько штук для котелка, но остальные не обратили никакого внимания на звук выстрелов. Никогда раньше я не видел такого количества этих птиц в одном месте. Жалко было стрелять по ним из дробовика, маленького калибра ружье было бы более подходящим оружием.

Куропатки не только легко одомашниваются, но даже становятся абсолютно привязанными к человеческому обществу. Прирученная куропатка любит сидеть на плече у своего хозяина и ласкаться о его щеку своей головкой, при этом нежно напевая себе самой. Кажется, что сама птица хочет быть одомашненной человеком. Если ее не будут отстреливать, она будет жить совершенно спокойно в человеческом жилище и бегать по двору и саду. Я видел таких куропаток: выведенные из яиц диких птиц, они стали домашними. Эти птицы днем уходили на любимые места среди скал, а вечером пунктуально возвращались на насест домой.

Мы остановились отдохнуть в долине реки Кемин, на берегу, среди кустарника и громадных гранитных валунов. Отложения этой реки содержали золото, а на противоположном

берегу мы увидели развалины каких-то древних кирпичных зданий. Интересно, что на кирпичах были надписи на алфавите давно утерянного уйгурского языка.

В полночь в сопровождении проводника-киргиза мы, взяв плащи и пледы, начали взбираться к вершинам горного хребта, в зону сосен и елей. Мы шли несколько часов, поднимаясь все выше вдоль ручьев или по травянистым склонам, зигзагами одолевая крутые места. Становилось все холоднее и холоднее, воздух свежел, и ветер крепчал. Наконец мы вошли в лес и достигли гребня хребта, на котором пятна снега ярко выделялись в темноте ночи. Здесь, среди огромных елей, мы разожгли хороший бивачный костер и быстро согрелись, завернувшись в овечьи шкуры, и уснули сном праведников. Рано утром мы начали высматривать косуль – «эликов», как киргизы их называют.

Местность была просто великолепна. Внизу едва различались река и долина, покрытые лесом склоны круто спускались вниз, прорезанные глубокими скалистыми теснинами, отчетливо виделись вершины далеких хребтов Тянь-Шаня, покрытые снегом. На горных склонах совсем рядом росли высокие ели вместе с молодым подлеском. Можжевельник, разбросанный среди них, создавал непроходимые заросли. Выше лесной зоны поднимались крутые голые скалы. Альпийские поляны были покрыты толстым слоем густого мха.

Что касается охоты, то успеха я не имел. Мое ружье было негодным, компаньон одолжил мне свой восьмимиллиметровый маузер, великолепное оружие, но к нему было, к сожалению, только два патрона, а дичи здесь оказалось множество. Огромный черный боров совершенно беспечно прогуливался по склону, но я не смог взять его вовремя, и он исчез в зарослях. Вокруг было много косуль, но, выбрав лучшего самца, я опять промазал. Интересно, что азиатская косуля (*Capreolus pygargus*), хотя и крупнее, чем ее европейская кузина (*Capreolus caprea*), но в высокой траве горных лугов кажется не больше зайца.

Оставшись с единственным патроном, я ждал удачного момента, чтобы произвести свой последний выстрел, и, как это часто случается, постоянно выбирая лучшее, я пропустил много хорошего и в конце концов остался с тем же единственным несчастным патроном. Европейские охотники даже не могут себе представить, через что, рискуя своими жизнями, должны пройти люди в Советской России, чтобы хранить у себя ружье и несколько патронов. Пролетарская власть запретила наличие даже безвредной гладкостволки в руках «буржуев» или других интеллигентных персон. Охотники могут стрелять только из изношенных, старых ружей, практически бесполезных, иногда даже небезопасных. Не имея ружья, я одно время серьезно думал о возможности вооружиться луком и стрелами, чтобы добывать птиц для котелка.

На всей этой территории я видел несколько интересных разломов, произошедших во время землетрясения 1910 года, когда город Верный был разрушен⁸³. За прошедшие несколько лет эти огромные разрывы были наполовину засыпаны землей, но оставались еще довольно глубокими, сильно похожими на воинские траншеи, вырытые параллельными рядами по склонам гор.

Мы долго спускались узкой тропинкой по боковой долине крутого горного склона и остановились у ручья в густых зарослях берез и кустов смородины. Ландшафт был необычайно похож на Южный Урал и напомнил мне холмистые речные долины Башкирии. Было приятно отдохнуть здесь после наших напряженных усилий и перекусить перед возвращением домой. Вернувшись в Самсоновку, я взял свою повозку и лошадей и двинулся дальше в долину реки Шамси.

В Семиречье разводят лошадей не красивых, но имеющих самые хорошие качества. У них стройные ноги, хороший норов и замечательная выносливость. Большею частью они потомки лошадей киргизских пород. Этот регион очень подходит для коневодства, и несколько

---

⁸³ Землетрясение произошло 4 января 1911 года (23 декабря 1910 по старому стилю), оно получило название Кеминское. В Верном погибло 44 человека, полностью разрушено 616 домов. Всего же от Кеминского землетрясения погибло 390 человек.

маленьких конных заводов начали успешно разводить полукровок от киргизских кобыл и английских породистых производителей, показавших очень хорошие результаты на беговых испытаниях. Чистокровные тоже жеребятся в Семиречье и, вырастая на горных пастбищах, превращаются в прекрасных лошадей, лучших, чем киргизские, не только по ретивости и выносливости, но даже по силе сопротивления случайностям, трудностям дороги и недостатку пищи.

Но вот извозчики здесь безнадежны, без малейшего понятия о том, как управлять поводами и как следить за своими животными. По этой причине очень часто повозки переворачиваются, и седоки, как правило, ломают руки или ноги. Фактически мало тех, кто, побывав в Семиречье, возвращаются невредимыми, хоть раз не будучи опрокинутыми. Я тоже поимел свою участь. Мой извозчик, киргиз, вовсе не правил. Лошади блуждали по всей дороге, как они того желали, а извозчик умиротворенно, без всякого смысла, тянул то одну, то другую вожжу. В одном месте, на спуске к реке, он повернул повозку так резко, что она опрокинулась, и я моментально очутился в воде, а повозка накрыла меня сверху. С огромными усилиями, освободив голову от поклажи и всего, что свалилось на меня, я поднялся, оказавшись в воде по горло. Несколько киргизов, находившихся поблизости, прибежали меня спасать и смогли вытащить из воды. А все это время мой извозчик беспомощно бегал туда-сюда по берегу и кричал: «О, Аллах! О, Пирим⁸⁴!».

Дунгане, в отличие от киргизов, – великолепные погонщики, которые очень ценят лошадей и хорошо за ними смотрят. Они обучают своих лошадей повиноваться командам: «право», «лево», «стоять», «быстро» – и тому подобным, едва используя при этом вожжи. Очень интересно наблюдать, как тяжело нагруженный воз, огромной высоты, запряженный четырьмя или даже пятью лошадьми, движется по горной дороге и управляется только словами команд дунганина, сидящего на самом верху. Их возы не переворачивались, даже направляемые вниз по склону и по извивающейся серпантинной дороге.

Река Шамси сбегает вниз по узкому ущелью между вертикальными гранитными скалами. Дорога вьется рядом, временами поднимаясь или спускаясь по склону. Бурлящий поток несет, вращая огромные валуны, которые шумно сталкиваются друг с другом, словно огромные бильярдные шары. Потом ущелье открывается в просторную, круглую, как цирк, долину, верхняя часть которой покрыта еловым лесом, полным диких свиней и косуль, а река здесь богата форелью. Семиреченская форель довольно мелкая, но очень вкусная. Мы успешно половили ее сетью, вытаскивая за один раз по десять-двенадцать штук. В глубоких и спокойных местах, сразу за большими валунами, великолепна рыбалка на форель с удочкой, корзина за час наполняется хорошим уловом.

В окрестностях реки множество горных козлов. Киргизы показали мне восемь пар замечательных рогов тех козлов, которые зашли прямо в аул предыдущей зимой и легко были убиты. Самец «теке» мощен, силен и может дать достойный отпор волку. У него оригинальный способ защиты. Он не колет горизонтальным ударом, как домашние козлы. Он поднимается на передние ноги и, бросая все свое тяжелое тело, вес которого весьма значителен, бьет своими огромными, массивными, узловатыми рогами рубящим ударом сверху вниз, подобным удару кавалерийской сабли. Я однажды держал прирученного «теке» с громадными рогами в своем саду. Играя с собаками, он бил их так сильно, что я вынужден был привязывать его, остерегаясь, что, играя, он неловко покалечит или даже убьет какую-нибудь из моих охотничьих собак.

У горных козлов, тем не менее, есть жуткий враг, который убивает их больше, чем барсы и волки. И враг этот – трусливый, действующий украдкой шакал. Зимой при скудости пищи шакалы собираются в большую стаю и ведут большую игру. Они охотятся совсем так же, как стая гончих собак, и в это время даже такие звери, как волки, медведи и барсы, стараются их

---

⁸⁴ Покровитель (кирг.).

избегать. Тяжелый «теке», двигаясь по глубокому снегу, быстро устает и становится жертвой голодной стаи. Спасаясь от погони, горный козел будет искать спасения даже у своего другого злейшего врага – человека, полагаясь на его благородство и порядочность – очень редкие качества, и я не берусь это оправдывать.

Предыдущей зимой во время глубокого снега, стая шакалов преследовала стадо «теке» из восьми голов. Загнанные козлы в отчаянии нашли убежище в киргизском ауле. Шакалы не последовали за ними и оставили свою погоню, но киргизы не были сентиментальны с «теке». Для них напуганные, загнанные животные были, как ниспосланная свыше мясная пища. Не надо сурово судить простого киргиза, когда «священное право приюта для преследуемых» оказалось пустой фразой даже для представителей более культурных наций, настоящую цену этим словам хорошо узнали русские эмигранты.

Самая лучшая охота – в примыкающей к Шамси долине реки Кегеты. Как все горные долины этой части Семиречья, она начинается на северных склонах, среди пиков хребта, и сбегает вниз к реке Чу. Нижняя часть долины занята полями и заимками русских поселенцев. Выше долина Кегеты превращается в скалистое ущелье, преодолимое только верхом на лошадях через скалы и морены прежних ледников, целиком покрытых красивыми хвойными лесами. Эта часть ущелья очень живописна и напоминает виды Швейцарских Альп. Всадник может проехать отсюда прямо к альпийской зоне и снежным полям без каких-либо особых трудностей. Здесь обитель горных козлов, где они собираются в стада в несколько дюжин голов. Поднимаясь с нижней части долины, мы видели их и восхищались большим количеством этих красивых животных, пасущихся на крутых травянистых склонах.

Здесь, на этих альпийских высотах, можно встретить одинокого старого козла с массивными изогнутыми рогами, почти лежащими сзади на спине, стоящего на каком-нибудь отдельном утесе и озирающего мир вокруг с огромным достоинством, или даже целое стадо, отдыхающее в полдень в тени на скалах или у снежника. Можно увидеть и козлят, прыгающих и резвящихся в то время, как старшие отдыхают. Рано утром и вечером горные козлы спускаются с высот вниз, на травянистые поляны. В это время к ним не трудно приблизиться. Можно залечь, ожидая их среди скал, вблизи излюбленных ими мест кормежки. Я с успехом выследил их на тропе, по которой они спускаются кормиться, используя опыт киргизских охотников, зашел за скалу ниже их пути следования.

Удивительно, но козы тропы часто идут вниз по отвесным скалам. Сами животные выделывают что-то просто невероятное, прыгая с одной скалы на другую. Козлы становятся тогда похожими на летящих птиц. Только изучив тело козла, можно увидеть, как великолепно он приспособлен к жизни на пиках и утесах. Развитая мускулатура ног напоминает английского охотника из центрального графства, пята – эластична и растяжима, как будто сделана из самой прекрасной резины, а копыта, словно стальные. «Тау теке», или горный козел, является прекрасным объектом для охоты; мясо, хотя и немного жесткое, имеет хороший вкус, и из него готовится первоклассный суп. Шкура вполне красива. Прочная и теплая шерсть отличного качества, и чем больше она носится и больше стирается, тем более прекрасной становится. На Тянь-Шане водится еще другой, похожий на *Capra sibirica*, вид, отличающийся формой и изгибом рогов.

Поднявшись к верховьям ущелья долины реки Кегеты, вы выходите на самый верх горного хребта, на огромное, слегка волнообразное плато, покрытое степной флорой, и расположенное на высоте от 2500 до 3000 метров над уровнем моря. Создается очень странное впечатление: после прохода через альпийскую зону и леса, после вечных снегов и ледников, вы внезапно попадаете в степь. Это очень характерно для хребтов Тянь-Шаня: труднопроходимые скальные теснины в средней части речной долины – и степное плато на вершинах гор. Позднее мы нашли объяснение этому странному феномену.

Здесь также встречается множество диких баранов (*Ovis Karelini*), которые ходят большими стадами. Они не очень трудная добыча для охотников, так как к ним легко приблизиться, насколько это возможно, на лошадях, спешиться и, скрываясь среди кочкарника⁸⁵ подкрасться как можно ближе. Довольно часто здесь можно встретиться с самым прекрасным существом гор – снежным леопардом, или барсом (*Felis irbis*). В бирюзово-голубых горных озерах полно форели.

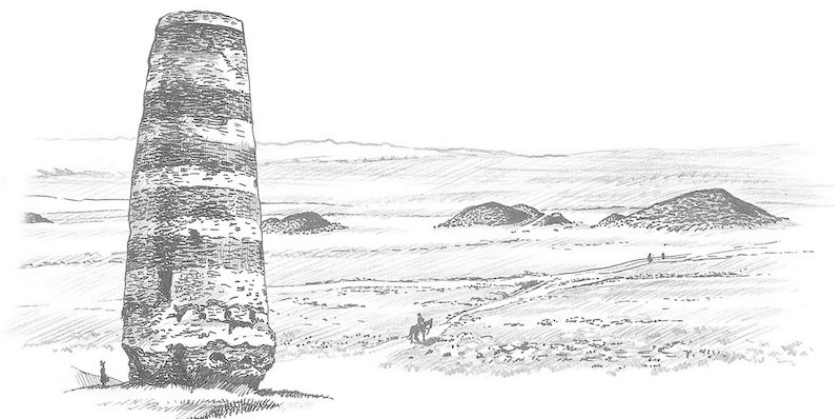
Зимой в этой части долин Тянь-Шаня климат такой же, как в Швейцарии, в Моритце или Давосе. Несмотря на снег, солнце светит целыми днями, воздух теплый, и нет ветров, летом прохладно и дождливо, осень сухая и теплая. С подведением железной дороги к Пишпеку эти чудесные долины будут только в однодневном пути от станций. Поистине идеальная местность для летнего отдыха, охоты и зимних видов спорта.

---

⁸⁵ Площадь, густо покрытая кочками.

Глава XIII

Убежище в холмах

Из Кегеты я вынужден был вернуться в Ивановку. Дорога от ущелья спускалась вниз к северу. При движении уклон казался еле заметным, но он довольно крут, когда смотришь на него со стороны реки Чу. Дорога долго идет по краю глубокого ущелья, вдоль большого, хорошо построенного ирригационного канала. Линия канала образует острый угол с поверхностью дороги, и в результате создается необычный оптический обман, как будто вода в канале течет в гору. Эта иллюзия так сильна, что мужики вступают из-за нее в жаркие споры. Подобный эффект наблюдается и в других местах Туркестана, а среди русских широко распространена вера в то, что сарты, которые прокладывали эти каналы, знали секрет, заставляющий воду течь в гору. Трудно убедить людей в обратном. «Я видел это собственными глазами», – уверенно говорят они, и это хороший пример сомнительной ценности очевидных свидетельств.

А в веселящейся Ивановке продолжалось всеобщее пьянство, которое все-таки привело к неизбежной беде. Видный член коммунистической партии в приступе бешенства откусил нос председателя. Этот случай был результатом, как говорят французы, *cherchez la femme*⁸⁶. Оказалось, что председатель в открытую проявлял внимание к жене другого оскорбленного члена партии. А коммунистическая партия еще не преуспела в ликвидации такого вульгарного «буржуазного» чувства, как ревность, даже среди своих верных сторонников. Для обсуждения этого дела в конторе исполкома было собрано партийное собрание.

Я пошел послушать и посмотреть эту комедию. Помещение местной администрации – большая, грязная, с тяжёлым запахом комната, полная дыма и копоти, тускло освещенная маленькой коптящей керосиновой лампой, – была набита людьми. За столом, покрытом красной клеенкой, сидел «президиум» заседания, а перед ними на китайском блюде лежал ярко-красный предмет – *corpus delicti*⁸⁷ – председательский нос!

Из подробного отчета «президиума» я узнал, что они уже пытались вернуть нос на его обычное место в надежде, что он укоренится и прирастет. Но этим утром заседатели обнаружили, что это не сработало, и решили засолить нос, так как было необходимо сохранить его как вещественное доказательство до решения пленарной сессии партии, которая будет проходить при открытых дверях.

---

⁸⁶ Французское выражение, которое буквально означает «ищите женщину».

⁸⁷ Вещественное доказательство (лат.).

Я не дождался обсуждений. Атмосфера собрания была так тяжела, что просто невозможно было дышать. Главное впечатление, которое я вынес, – удивление от остроты и силы зубов оскорбленного коммуниста. Нос был откушен так чисто, как будто был отрезан острым ножом. Но после целого месяца непрерывного буйства от арбузной водки домашнего приготовления и не такое могло случиться!

Здесь, в Ивановке, я встретил интересного молодого киргиза по имени Турды, увлекающегося археологией. Будучи самоучкой, он довольно неплохо знал русский язык и был хорошо начитан. С величайшим интересом и ценой больших усилий он собрал обширную коллекцию древностей этого региона. Турды рассказал мне, что у него была старинная уйгурская рукопись на пергаменте длиной свыше двух метров, но все это сгорело во время пожара, когда его поселок Кемин был сожжен местными русскими поселенцами в отместку за восстание киргизов. Единственный известный полный манускрипт на древнеуйгурском языке был найден несколько лет назад в Семиречье и сейчас является одним из самых ценных раритетов Публичной библиотеки в Петрограде.

По дороге из Ивановки в долину реки Иссык-Ата я проезжал мимо интересных развалин какого-то древнего города. Высокая внушительная башня, видимая за многие километры, поднималась над долиной среди невысоких холмов.

Киргизы называют ее «Бурана» – по имени небольшого ручья Бурана-Суу, протекающего через руины. Архитектура башни восхитительна; она построена из обожженных кирпичей, выложенных узором, формирующим ковровый рисунок. На значительной высоте над землей есть вход во внутренний лаз. Когда-то от основания башни до этого входа была лестница, и можно было войти внутрь и подняться на вершину башни. Но русские поселенцы унесли лестницу и даже собирались до основания разобрать кирпичи; все это привело к тому, что башня имеет как бы погрызенный вид, и недалек, видимо, тот день, когда этот уникальный памятник древней архитектуры рухнет.

По сторонам башни находятся руины очень больших зданий, возможно изначально больших, чем сама башня. Сейчас эти руины забросаны кучами хлама, битых кирпичей и золой. Обожженные кирпичи и многочисленные куски сплавленного стекла говорят об огромном пожаре, который разрушил этот старый дворец, так как только дворцы и храмы строились в этой стране из кирпича, но в храмах нечему гореть и нет стеклянных изделий. Поблизости находятся два старых, сейчас совершенно сухих, ирригационных канала и места, где очевидно, были шлюзы. Все это окружено стенами с башнями в форме квадрата, расположенными по сторонам света. Эти стены сейчас выглядят земляными валами, наиболее высокими на западной стороне. С восточной стороны бойницы смотрят на сухое русло Бураны-Суу, вода которой выше по руслу сейчас разбирается на орошение. Вдоль берегов канала виден так называемый «культурный слой», в котором я нашел кости людей и животных, черепа, фаянсовую посуду, кусочки стекла и тому подобное. Кем была построена эта крепость с ее башней и дворцами? Кто здесь жил и когда? Кто разрушил все эти, возможно одни из самых прекрасных, строения Туркестана? Мне неизвестна история освещения этих вопросов⁸⁸. Какой внушительный вид они имели в дни своего расцвета! Я представил себе, как замечательно смотрелась эта высокая, монументальная башня, окруженная цветущими садами, отраженная гладкой поверхностью пруда, среди больших и прекрасных зданий и дворцов на фоне зеленых степных трав у подножия высоких гор, покрытых вечными снегами. А сейчас все вокруг – пустынно и мертво. Нарушенная ирригация, пересохшие почвы, бесплодие, и руины, ставшие домом для бесчисленных скорпионов.

Нижняя часть долины Иссык-Аты неплодородна. Она покрыта мощными гравийными отложениями и осыпями, смываемыми вниз с соседних высот журчащими ручьями, разрезаю-

---

⁸⁸ Археологи связывают эти руины с городом Баласагуном.

щими то и дело тропу. Мы решили остановиться на ночь в месте, где дорога выходит к мосту на левый берег речки Туюк и заходит в боковую долину Иссык-Аты, в верховьях которой бьют горячие источники. Ночь была холодной, и на следующее утро земля побелела от инея.

В этой части долины я сделал интересное наблюдение, показывающее, что горообразовательный процесс здесь еще продолжается и хребет Александровский, названный так русскими картографами, все еще медленно растет. В середине этой долины нет большого потока воды, но она разрезается, как ножом, маленькими родничками, стекающими вниз с северного склона. Эффект такой, что, если наблюдать от дороги, роднички смотрятся так, будто они находятся на одной линии. Поток, сохраняющий постоянное направление, прорезает себе путь через медленно поднимающуюся поверхность. Было и еще несколько интересных наблюдений в этой долине, указывающих на непрерывный процесс поднятия этих гор.

Долина Иссык-Ата скудна, она вся покрыта громадными валунами гранита и других кристаллических пород. Но склоны гор пестрят многочисленными куртинами стелющегося можжевельника.

Было там небольшое русское поселение, и когда мы остановились купить немного еды, моя повозка была окружена толпой любопытных жителей, забросавших меня вопросами: «Кто я? Откуда прибыл? Куда еду?». Один молодой парень протянул мне полную ладонь ягод можжевельника и спросил меня, чем они полезны? Хороши ли они для медицины? Я помнил, что ягоды можжевельника используются для перегонки джина, но этого я ему не сказал, не желая подсказывать этому русскому юноше новую технологию изготовления самогонки, которой и так предостаточно в этой местности. Но одновременно подумал, что было бы полезно для них узнать, как делать джин: арбузы не росли в этой долине, и здесь делали водку из зерна.

Вблизи горячих источников местность была очень живописна. Источники изливаются с правого склона ущелья, соединяющегося на юге с величественными горами, увенчанными заостренными скальными хребтами и скоплениями снега. Источники эти разного состава и температуры и считаются чрезвычайно лечебными. Несколько примитивных ванн и простых домиков специально построены для людей, приходящих сюда принимать ванны. Вокруг источников были густые заросли дикой малины, и мне выпала удача увидеть пару косуль, спокойно уходящих среди камней в гору.

Облака высоко парили над вершинами гор. Опускавшееся солнце было ярким, а воздух здоровым, сухим и прохладным. Река Иссык-Ата, с ее прекрасными водами темно-бирюзового цвета, пенясь, бурлила в своем русле, сдвигая с места огромные валуны.

Отсюда дорога ведет через хребет в высокогорную долину Сусамыр, проходя по головокружительным серпантинам, словно подвешенным над ужасными безднами. Эта долина знаменита своими пастбищами, раньше летом киргизы поднимали сюда свои бесчисленные стада рогатого скота и лошадей. Есть много свидетельств того, что эта долина богата золотом. Прислышав об этих богатствах, большевики послали сюда своих пропагандистов, чтобы обратить кочевников в свою веру, приобщив их к учению Карла Маркса. Киргизы не оказали им гостеприимного приема, наоборот, строго спрашивали: «Когда эта ваша “свобода” закончится и когда вернется обратно “Ак Падша” (Белый царь)?» Киргизы не понимали и не принимали доктрин коммунизма.

Рядом с одним из целебных источников на поверхности гранита выбита надпись на тибетском языке. Это священное изречение буддистов: «Ом мане падме хум»⁸⁹. Здесь, задолго до появления наших православных завоевателей и до проникновения ислама, процветали мирно бок о бок человеческое и гуманное учение Зороастра⁹⁰, мрачное манихейство⁹¹, христианство и

---

⁸⁹ «Ом мане падме хум», досл. перевод: «О жемчужина, сияющая в цветке лотоса!» – одна из самых известных мантр в буддизме Махаяны, особенно характерная для тибетского буддизма, имеет глубокий сакральный смысл.

⁹⁰ Зороастризм или маздеизм, – религия, основанная в 8 или 7 в. до н. э. реформатором древней иранской религии по имени Заратустра (греч. Зороастр).

буддизм. Тогда, вероятно, рука буддийского монаха, пришедшего из далекого Тибета, вырезала на этой живописной скале сакральную формулу Создателя, который дал человечеству целебные источники в этом отдаленном и пустынном ущелье Небесных гор – Тянь-Шане.

Несколько лет спустя, когда судьба заставила меня пересечь пустыни Центральной Азии, через вздымающиеся высоты Кунь-Луня и Каракорума пройти в Западный Тибет и спуститься вниз по гранитным ступеням заоблачных пиков Караул-Давана к сказочной долине Нумбра, я очень часто видел точно такие же надписи на скалах, из под которых изливались наружу горячие целебные источники.

Куропатки «кеклики» встречались в изобилии на всем протяжении долины Иссык-Ата, их выводки можно было видеть повсюду. Петушки занимали высокие места на выступах камней или на краю скал и подавали клич, не обращая внимания на приближение моей повозки, подпуская так близко, что, казалось, я мог достать до них рукой. От реки Иссык-Ата я направился прямо по главной долине реки Чу в Пишпек, и на всем пути куропатки бегали вдоль дороги перед моей повозкой, как будто они получали от этого удовольствие.

Прямо в том месте, где мы выехали с гор, в маленькой лощине, были залежи каменной соли, которые могли обеспечить потребности большей части Семиречья. Но даже эта простая работа по выпариванию соли из раствора была трудна для «компетентной» коммунистической администрации, и в результате здесь была большая нехватка соли и экстремально высокая цена на нее.

Далее я осмотрел ущелья к западу от Пишпека по рекам Сокулук, Ак-Су, Кара-Балта и другим. Я увидел, что природа во многом такая же, как в уже описанных районах, разве что не было хвойного леса, но также много было дичи. К югу от деревни Дунганка, в долине реки Ак-Су, западнее дороги, мне довелось видеть необычайно интересные древние памятники. На широкой, плоской равнине, простирающейся на несколько километров к предгорьям Александровского хребта, возвышались несколькими рядами огромные курганы. Подобные курганы не редкость и в русских степях. Они разбросаны по всей Южной России и равнинам Западной Сибири, но редко где образуют большие группы. Некоторые из южнорусских курганов раскопаны, и там были найдены значительные археологические ценности. Под курганами, глубоко в земле, есть камеры, где покоятся останки скифских царей и принцесс, вождей, их жен и рабов, любимых лошадей, оружие, одежда, домашняя утварь и прочие вещи – фактически все, чем люди были окружены во время жизни. Но нигде и никогда я не видел курганов таких огромных размеров, как здесь, и нигде нет такого большого количества курганов, так системно расположенных прямыми рядами. Кроме высоких, есть курганы и меньших размеров. Здесь, видимо, в древности был некрополь скифских царей, формировавшийся веками. Не могли ли это быть «имперские гробницы скифов», так наглядно описанные Геродотом, со всеми их ужасными ритуалами? Если это так, то это место чрезвычайно интересно для археологов и историков!

В течение октября и ноября я был занят в экспедициях в высокогорных долинах южной части Тянь-Шаня. Здесь, среди вечных снегов, я разбивал свой бивуак, готовил для пользования талую воду из снега или из кусков льда, вырезанных из замерзших горных озер. Приходилось сильно страдать от холода на больших высотах, так как у меня не было теплой меховой одежды, даже шапки, я не мог купить такой роскоши на свою скромную зарплату. Мой потрепанный, старый военный плащ защищал только от сырости, и ночами я спасался от холодной смерти, заворачиваясь для сна в большую киргизскую войлочную кошму.

---

⁹¹ Религиозное учение, возникшее в III веке в государстве Сасанидов (на территории современного Ирака). Названо по имени своего основателя – Мани, стремившегося создать единое для всех стран учение. Учение Мани было составлено в основном из христианских представлений, опиравшихся на специфическое понимание Библии, однако со временем впитало большое число заимствований из других религий – зороастризма и буддизма – по мере проповеди в странах их распространения.

Снег в этих горных долинах залегает очень неравномерно. Одни долины заносятся огромными снежными массами, и любое передвижение становится невозможным, другие долины остаются свободными от снега всю зиму, например бассейн озера Иссык-Куль, где никогда не бывает много снега. Долина Арпы наполнена снегом, но Ак-Сай, расположенная рядом, – великолепное зимнее пастбище с травянистыми участками, на которых зимой выпасаются крупный рогатый скот и овцы, даже в зимнюю пору оставаясь упитанными. Еще южнее располагаются долины, близкие к китайской границе, такие как Туяк, они совершенно сухие и зимой, и летом.

Именно здесь я наблюдал любопытное явление. Стояли лютые морозы, но было безветренно. Небо было ясным, безоблачным яркого, глубокого темно-синего цвета, и воздух на высоте около трех тысяч метров над уровнем моря был разрежен. Атмосфера была насыщена электричеством. Хвосты и гривы лошадей необычно взъерошивались, каждый волосок торчал отдельно, придавая животным странный и необыкновенный вид. Большие киргизские шапки из лисьего меха сильно потрескивали, когда их поглаживали. Ночью все, до чего я дотрагивался сухой рукой: кожа, обувь, волосы, одежда, – начинали сверкать и искриться. Вода, вылитая из ведра на землю, рассыпалась, как горох, большими замерзшими каплями-градинами. Было интересно наблюдать, как замороженные капли падали на сухую, пыльную почву.

Я проводил почти все время в экспедициях. В теплую погоду предпочитал оставаться ночами на открытом воздухе, на берегу ручья или реки, где был хороший травостой для лошадей, но с наступлением зимы у меня не осталось другого выбора, как останавливаться в русских деревнях, которые находились в полной нищете. Здесь не было ни гостиниц, ни заезжих домов. Их заменяли караван-сарай, но и у них не было даже отдаленного сходства с настоящими караван-сараями Кашгара или Бухары. Они не имели ничего, кроме грязного двора и единственной темной комнаты, часто очень маленькой, без окон и печки, с земляным полом. Ночью она полностью набивалась грязными, промокшими людьми, кишачными паразитами. В таких комнатах всегда были душный воздух, черная копоть и неопишуемая вонь. Я не мог оставаться там ни одной минуты, предпочитая спать в своей повозке, завернувшись в киргизскую войлочную кошму, даже когда температура опускалась далеко ниже нуля.

Кроме других неудобств, ночью в караван-сарай постоянно наносили визиты красные патрули для проверки документов. Их приход сопровождался топотом, звяканьем оружия и потоком страшной ругани, не относящейся к кому-либо конкретно, но звучащей просто ради проформы, чтобы показать себя.

Семиречье на самом деле хорошо известно своей грязью и неопрятностью его обитателей. Даже богатые крестьяне жили в маленьких, низких, пыльных хижинах с земляным полом, жилище никогда не проветривалось. В городах дома часто не имели вентиляции, на зиму окна закрывались плотно и самым тщательным образом заклеивались. Зачем позволять теплу выходить наружу?

В мои редкие визиты в город я останавливался в чудесной, благородной семье, состоящей из матери, дочери – юной симпатичной девушки и старой тетушки. Они жили не в самом городе, а в его окрестностях.

В то время, конечно, было строго запрещено иметь домашних слуг. Советские декреты ввели принципы равенства и обязательного труда для всех. По субботам все свободные от работы мужчины и женщины обязаны были принимать участие в «общественных работах по развитию города» – что означало чистку улиц, уборку снега и т. п. Общественные работы не давали каких-либо ощутимых результатов. Улицы оставались невозможно грязными, мосты через потоки, сделанные из огромных каменных плит, просто уложенных в ряд, подмывались снизу водой, обваливались, образуя какие-то циклопические руины.

Я не был зарегистрирован ни в каком профсоюзе, не состоял на учете ни в каком официальном списке, находясь в положении «свободного гражданина». Я не отчитывался ни за какую повинность, но, с другой стороны, я не был «трудящимся» и не мог получать продукты по

норме или покупать что-либо в советских магазинах, других же не было. Но в этих магазинах тоже ничего не было, все было национализировано и принадлежало народу. Соответственно я добывал себе продукты и другие вещи, необходимые для жизни, как только мог. За долгое время невзгод я привык выживать, как Робинзон Крузо, на необитаемом «буржуйском» острове среди коммунистического океана, и это не особенно беспокоило меня. Я не только не умирал от голода, но добывал для своих друзей различные маленькие редкости, даже был в состоянии посылать немного муки, масла и жира моей семье в Ташкент.

Помимо недостатка продовольствия была общая нехватка всего. Бывая в городе, я делал все, что мог, помогая своим знакомым: варил суп для женщин, изготавливал для их волос шпильки, привозил шерсть с гор, чтобы они могли вязать носки и перчатки. Мне удавалось привозить также мед и масло, не говоря уже о диче и рыбе. Я читал им в узком семейном кругу популярные лекции по геологии, покупал в деревнях «мата» – грубую хлопковую ткань из Кашгара, управлял повозками и даже пас свиней. Последняя работа была самой приятной из всех, так как она сопровождалась прогулками с очаровательной молодой женщиной. В это время все женщины дворянского происхождения и положения были определены на самые тяжелые и грязные работы: мыть полы, пилить дрова для печей, ухаживать за скотом, носить воду, пасти свиней, подвергаясь все время насмешкам и унижению от «сознательных» пролетариев обоих полов.

Было полным бедствием для девушек и женщин, если они имели какой-либо талант: могли петь, танцевать, играть на музыкальном инструменте, или даже быть просто хорошенькими. Тогда их подстерегала постоянная опасность попасть под «мобилизацию» – развлекать и забавлять «трудящиеся массы» в театрах и коммунистических клубах. Спектакли, танцевальные вечера и маскарады организовывались часто и нередко посещались «элитой» коммунистического общества, членами партии в кожанках и грязных штанах, с револьверами на поясах, красноармейцами и соответствующими коммунистическими дамами. Посещение этих мероприятий, где развлекался пролетариат, не было безопасным. Каждое заканчивалось обязательной проверкой документов, которая представляла детальный обыск всех мужчин и женщин, исключая «партийных товарищей». При этом забирали любые ценности, которые могли пригодиться социалистическому правительству: бинокли, серебряные монеты и тому подобное.

Однажды во время такого обыска у одного сарта нашли под халатом топор. Топор, конечно, конфисковали, ввиду большой нехватки полезных инструментов, и топоры были объявлены национальным достоянием. Бедный сарт был посажен в тюрьму. Соккрытие ценных предметов, таких как золотые монеты или украшения, могло и вовсе стоить человеку жизни.

Образованные и интеллигентные люди робко сидели в своих собственных обобранных квартирах, заботливо затемнив окна так, чтобы даже луч света не просочился на улицу, выдавая присутствие в доме читающих или работающих «буржуев». Свет мог послужить сигналом для вторжения красного патруля и последующего ареста.

Не было ни книг, ни газет, ни писем, ни телеграфа, не было новостей из России и остального мира. Шепотом распространялись слухи, что генерал Юденич взял Петроград, что армия генерала Деникина заняла Курск, что конец советской власти близок...

Необыкновенное стечение обстоятельств произошло однажды воскресным утром. За завтраком хозяйка спросила меня о том, что я видел во сне? Я ответил, что видел, как будто мы остановили советский поезд, полный комиссаров, обыскали все вагоны и нашли в них много денег.

– Какие деньги были, бумажные или монеты? – спросила хозяйка.

– Бумажные, старые российские печатные рубли, – ответил я.

– Тогда вы получите письмо с хорошими новостями, и скоро, так как предпраздничные сны сбываются до обеда, – предсказала моя хозяйка.

– Надеюсь на это, – отозвался я. – Сто лет не получал никаких новостей из Ташкента.

Чуть позже, когда мы сидели за нашей скромной трапезой, подъехала коляска, в которой сидела двое мужчин в кожаных куртках и кепках. Они, вполне вероятно, могли быть сотрудниками ЧК.

«За мной пришли!» – была первая мысль. Перед тем как открыть дверь, одна из дам взяла меня за руку, отвела в свою комнату, открыла окно и сказала:

– Если я громко позову собаку, сразу же прыгайте в окно и спасайтесь, – она вышла и прикрыла дверь за собой.

Казалось, время тянулось бесконечно медленно. Я внимательно прислушивался: в комнату вошли мужчины, был слышен их разговор и смех, я напряженно ожидал сигнала. Выглянув из окна на улицу, я решил, что если буду прыгать, то должен буду закрыть окно за собой.

Вскоре они уехали. Дверь открылась, и молодая женщина позвала меня радостным голосом:

– Они ушли. Это были не большевики, а два инженера, которых мы знаем. Они едут из Ташкента в Верный и привезли нам огромную посылку – это для вас, ваш сон оказался вещим!

Итак, сбылось! В большом узле была теплая одежда, меховое пальто и шапка, в которых я так сильно нуждался, и несколько писем от моей семьи.

И все-таки не доверяю снам: деньги потом я видел во сне довольно часто, но эти сны больше никогда не сбывались.

А новости были плохими: смерть адмирала Колчака привела большевиков в бешеный восторг. Празднуя по этому поводу, они стреляли на рыночной площади из двух старых орудий и разбили вдребезги окна во многих близлежащих домах, и это в то время, когда стекла невозможно было достать.

Мы были очень удручены. Каждый из нас чувствовал крушение своих надежд на освобождение страны от банды, держащей ее в рабстве.

Однажды, возвращаясь с прогулки, недалеко от дома, где жил, я увидел человека, знакомого мне по Ташкенту, и шедшего прямо на меня. Он был порядочным парнем, настроенным против большевиков, но я не желал быть узнанным. Я принялся вытирать нос, закрывая лицо платком, потом перешел на другую сторону дороги. Спустя день или два я встретил его снова. На этот раз было бесполезно от него убежать. Я услышал, как он назвал меня прямо по имени, и повернулся к нему с улыбкой.

– Как вы узнали меня? Неужели борода и костюм меня не изменили? – спросил я его.

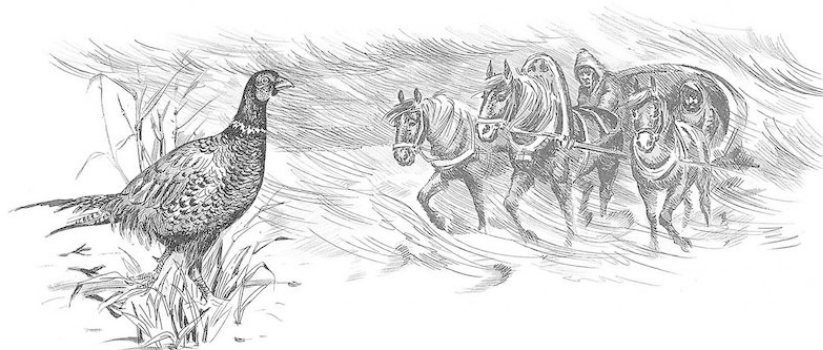
– Конечно, вас трудно узнать, – ответил он. – Но в первый раз, когда я вас увидел, заметил контраст между вашим костюмом и лицом, и это показалось мне странным. Потом я подошел ближе и узнал вас по глазам. Вы должны быть осторожны, много людей прибыло в Пишпек из Ташкента, спасаясь от голода, и вас могут легко узнать.

Я осознал, что опасность очень велика. Мои друзья и хозяйка квартиры очень беспокоились обо мне, когда я выходил в город, но постоянно быть дома было невозможно.

Чтобы избежать опасных встреч, я нашел подходящий предлог для отъезда, сказав, что еду охотиться на кабанов в нижнем течении реки Чу. Эта река, исчезая в пустыне, образует серию озер и болот, заросших камышом, которые приютили разного вида дичи. Стояла очень холодная зима, сильные морозы благоприятствовали подобного рода экспедициям.

Глава XIV

Новая опасность

Камышовые заросли реки Чу были богаты оленями и косулями. Дикая овца спускается сюда зимой и особенно много здесь кабанов. Тигр, который тогда еще встречался, и антилопа сайга (*Saiga larfarica*) находят здесь убежище от ослепляющих степных бурянов. Сайга – очень интересное животное, последний представитель распространенной ранее группы большеносых антилоп, многочисленных в миоценовый⁹² период. Из них лучше всего известен вид *Sivatherium* – огромное существо с маленьким хоботом, найденное в третичных⁹³ отложениях Sewalik Hills в Индии.

У сайги короткий, но совершенно отчетливый хобот, особенно заметный у самцов. Это не пустынное животное, а житель травянистых мест, и их было множество в степях Южной России даже еще в середине XIX века. После ледникового периода сайга была важным объектом охоты для племен каменного века. Область ее распространения была вытянута на запад, до восточного побережья Англии. Но сейчас сайга на грани истребления, потому что безжалостно преследуется из-за рогов, которые оцениваются от четырех до пяти сотен золотых рублей за пару. Продаются они в Китай, где являются важным ингредиентом в одном из лекарств таинственной народной медицины. Они, как рога газелей, но имеют цвет просвечивающего янтаря. Русское правительство никогда не предпринимало никаких шагов для защиты этого важного и интересного животного, а с провозглашением «свободы», предоставленной русскому народу товарищами-коммунистами, появился новый вид спорта – отстрел самих охотников за сайгой. Их выслеживают, когда они возвращаются домой после удачной охоты с ценным трофеем в виде пары рогов сайги, всаживают в них пулю и получают добычу, которую можно обернуть в деньги. А необитаемая степь скрывает следы преступления.

Я держал сайгу в неволе. Они быстро становятся ручными, будучи пойманы молодыми и способны давать потомство. Это доходное дело – разведение их в степи так же, как это было сделано с маралами для тех же целей. Разведение марала и продажа рогов в Китай стало выгодным делом в лесных районах Алтая.

Кроме спортивной охоты, моя экспедиция могла быть полезной тем, что пополняла запас свежего мяса для меня и моих друзей. Мясо стало очень дорогим, дефицитным продуктом, и

---

⁹² Миоцэн – первая эпоха неогенового периода. Началась 23,03 миллиона лет назад и закончилась 5,333 миллиона лет назад.

⁹³ Третичный период – устаревшее название временного интервала геологической истории Земли, охватывающего промежуток времени от мел-палеогенного вымирания (примерно 65 млн. лет назад) до начала последнего ледникового периода (около 1,8 млн. лет назад).

я исключил его из своего рациона. К этому времени была починена старая берданка, подпилен и переделан прицел. Теперь старое ружье стреляло очень хорошо, что было проверено мною в охоте на дроф.

Трудно было найти извозчика. В сильный мороз никто не хотел отправляться в такой далекий, заросший камышом край. Наконец, по приказу Совета рабочего комитета я получил молодого русского парня по имени Федор. Он был коммунистом, что меня не беспокоило: я знал очень хороший способ выбивания из его головы коммунистического вздора, как только мы окажемся в пустыне.

Сердечное «прощай!» от моих добрых друзей и хозяек, которые просили меня избегать ненужного риска и не быть съеденным тиграми, – и я отправился в свою охотничью экспедицию.

Извозчик не имел ни малейшего представления о том, как управлять лошадьми, и позволял им брести по дороге по их собственному наитию, лишь время от времени подергивая то за одну, то за другую вожжу. Федор даже не считал нужным держать вожжи в руках, а подвязывал их к передку коляски, над своей головой. Неудивительно, что мы, еще не выбравшись из города, уже столкнулись с трудностями и прямо на выезде опрокинулись на сторону. К счастью, я выпрыгнул вовремя. После этого, несмотря на коммунистическое упорство Федора, я настоял на том, чтобы он держал узды в руках все время и показал ему элементы искусства управления. Но втолковать что-либо в тупую голову русского мужика, который абсолютно убежден в том, что наделен всеми знаниями природой от рождения и гораздо больше, чем какой-то «барин», без палки совершенно невозможно.

Когда мы съезжали по крутому спуску к мосту через реку Чу, то чуть не оказались в волнах глубокого и бурного потока. Я успел вовремя поддать Федору разок, что внесло крупницу разумения в его голову, и больше у нас инцидентов не было до самого конца путешествия.

Мы провели ночь в русской деревне у пожилых и зажиточных крестьян. Оба – хозяин и его жена – были восхитительны. Они дали мне вполне чистую комнату, а Федора разместили с собой на кухне.

Пока я, перекусывая, пил чай, ко мне зашел поговорить молодой человек, сын моих хозяев, который представился секретарем местного коммунистического комитета. Он сел за стол и спросил меня, почему я сижу здесь один и пью чай, не приглашая Федора присоединиться ко мне.

– Потому что он извозчик, – спокойно ответил я.

– Но он человек, такой же, как вы: все люди равны.

– Ни в коем случае, – возразил я.

– Наука доказала это!

– Совсем наоборот. Наука доказала, что люди, как и животные, глубоко отличаются друг от друга, и на этом факте основано развитие и прогресс человечества, – сказал я.

– Но вы граждане одного и того же государства, равноправны. Вы оба делаете одну и ту же работу, – упорствовал молодой коммунист.

– Не совсем, – возразил я. – Может быть, ваш Федор будет делать гидрографические исследования вместо меня и чертить планы геологического строения?

– Но он выполняет работу, порученную ему.

– И он делает ее невозможно плохо. Он не имеет ни малейшего представления, как делать свою работу. Я могу править повозкой лучше, чем он, и смотреть за лошадьми тоже. Хотите, завтра я буду сидеть на облучке и править, а Федора пошлю смотреть в мои инструменты и делать обследование реки?

– Но он же никогда не учился этому, – упорствовал молодой последователь Карла Маркса.

– Не думаете ли вы, что двенадцать лет моей жизни, отданные образованию, не дают мне никаких преимуществ перед человеком, который едва-едва может читать и писать?

– Все люди имеют равные права от рождения для хорошей жизни и доступ ко всем благам, которые должны делиться поровну между ними, – сказал молодой человек, повторяя банальные фразы, выученные наизусть.

– С этим я согласен, – отвечал я ему с улыбкой. – Отец Федора имеет около восьмидесяти гектар земли, ферму, сад, четырех лошадей, трех коров, овец, свиней, домашнюю птицу и тому подобное. Федор взял с собой три килограмма сала, много хлеба и масла, и это ему ничего не стоит. Как все равные люди, мы получаем одинаковую зарплату по двенадцать сотен рублей в месяц. Себе на хлеб я трачу шестьсот рублей и за полкило колбасы еще шестьсот. Что осталось и на сколько дней этого хватит мне? Я готов разделить собственность Федора и его отца поровну между нами, а вся моя собственность здесь, – и я указал на мой скромный багаж.

Коммунист молчал. Он посидел несколько минут, потом поднялся и вышел. И больше не возвращался. Тут же вошла его старая мать, слышавшая за дверью наши дебаты. Она принесла мне яиц, великолепной сметаны и хлеба, а потом прошептала:

– Не придавайте никакого значения словам этого молодого дурня, не обижайтесь. Он теперь дружит с большевиками, и совсем рехнулся на этом.

На следующий день, когда я уезжал, она наотрез отказалась принять деньги за гостеприимство.

Снег шел всю ночь, и дорога была очень тяжелой. Колеса утопали так, что наши лошади с трудом тащили повозку.

На второй вечер мы кое-как добрались до следующей русской деревни, где оставили повозку и взяли сани. Комната, которую нам дали на ночь, была такой грязной и душной, что я предпочел спать в повозке во дворе. Ноги у меня ужасно замерзли. Кожаные ботинки совершенно не защищали от холода, и я снял их. Буран продолжался. К утру меня покрыло снегом, а ботинки замерзли так сильно, что я не мог надеть их, пока не отогрел.

Под свинцовым небом мы быстро ехали на санях дальше через бесконечную равнину, покрытую снегом до линии горизонта. Лошади тянули хорошо, весело звенели под дугой бубенчики. Порывы ветра перехватывали дыхание и вызывали воспоминания о моей юности, о снежных равнинах Оренбургской степи, о метелях и буранах в те страшные ночи, которые были проведены на открытом месте, под снегом, когда однажды я потерял дорогу.

Поздним вечером мы заехали в деревню Воскресеновка, последнюю на нашем маршруте. Недалеко от въезда, у дороги, мрачно выделялись в лунном свете три свежие могилы, окруженные низким забором, как памятник власти большевиков. Жертвы не были расстреляны за какое-то особенное преступление, но просто «pour encourager les autres»⁹⁴, за обсуждение политики коммунистов. Система безжалостного террора, единственно, благодаря чему Ленин добился успеха и чем его удерживал, преследовала нас даже в этой одинокой и далекой деревне посреди безграничной степи.

В Воскресеновке мне сказали, что дальше двигаться невозможно. Глубокий снег завалил все степные дороги, и не было корма для лошадей. Моим утешением было лишь то, что я могу здесь сколько душе угодно настрелять фазанов и зайцев. С горьким разочарованием пришлось отказаться от заветной цели – охотничьей экспедиции еще на двести километров вглубь степи – район, не только полный дичи, но и новый для меня.

– Но из чего я смогу настрелять фазанов, у меня нет дробовика? – спросил я.

– Мы найдем для вас хорошее ружье, – услышал я ответ. Вскоре мне принесли старую винтовку калибра.400⁹⁵, выглядевшую так, как будто ее укоротили, придав вид длинного пистолета. Оружие незатейливое. Для зарядов мне дали несколько старых гильз, которые можно

---

⁹⁴ Чтобы вдохновить других (фр.).

⁹⁵ Калибр.400 равен 10,2 мм.

было использовать под крошечные заряды. Порох был самодельным, а пыжи были сделаны из газеты.

– Но я ничего не смогу подстрелить из такого ружья, – воскликнул я. – Это же только игрушка!

– Это так, – отвечали мне хозяева. – Но птицы в нашем краю совершенно ручные: мы ловим фазанов руками.

Это оказалось сущей правдой. Когда здесь выпадает глубокий и рыхлый снег, фазаны тонут в нем, пытаются выпрыгнуть и тонут все глубже и глубже, пока не обессиливают, и тогда их можно брать голыми руками. Ранним утром следующего дня мне принесли живую птицу, пойманную таким способом в соседнем саду.

И началась моя очень оригинальная «фазанья скрадка», способ, которым часто добывают тетеревов в России и Сибири. Местные охотники на саях подъезжают совсем близко к птицам, которые по утрам и вечерам выходят кормиться на возвышенные и свободные от снега участки берегов Чу, где они могут раздобыть немного зерен или семян. На этот раз охотники поставили сани так близко, чтобы я мог стрелять в птиц даже из такого нелепого оружия.

Сначала ружье давало осечки, и я сделал две, три и даже четыре попытки, прежде чем раздался выстрел. Удивительно, но фазаны были необычайно спокойны и расхаживали, как будто ожидая, когда я смогу произвести настоящий выстрел. Иногда выстрел был так слаб, что заряд просто разлетался, не причиняя птицам никакого вреда. Птицы отряхивались и спокойно отходили на небольшое расстояние, дожидаясь другого выстрела. В сильные морозы перья фазанов становятся очень плотными, и под ними еще есть толстый слой пуха, где дробь застревает, таким образом, оперение является эффективной броней против слабого заряда. Иногда птицы пытались спрятаться в снежных ямках, но их длинные хвосты торчали наружу и выдавали их. Дичь, которую нам удалось настрелять, была жирной и имела великолепный вкус.

Несмотря на примитивное оружие и всю нелепость моего снаряжения, в течение трех дней охоты мне удалось набрать полный мешок фазанов, зайцев и диких уток. Я смог подстрелить горностая, а с помощью моего компаньона и его бреднем мы поймали более двух десятков прекрасных жирных карпов. Я выменял пару кожаных подметок на три килограмма масла и был готов к возвращению в Пишпек с запасом провизии для себя и моих друзей. Было холодно, что способствовало отличной сохранности продуктов.

Через несколько дней после моего возвращения в город на большом митинге, где присутствовали мои друзья, власти сделали сообщение о приговоре, вынесенном советским правительством в Ташкенте моему другу полковнику П. Г. Корнилову, и о его казни. Замученный пытками, он с трудом стоял на ногах, но держался, как герой, отвечая с презрением благородного человека головорезам, которые устроили трагикомедию лживого суда. Его судьи – бывшие уголовники, освобожденные из тюрьмы революцией. В зачитанном сообщении большевики выразили сожаление, что «главный организатор восстания в Ташкенте, Назаров, скрылся, но советское правительство приложит все возможные усилия для его поимки».

Здравый смысл говорил о необходимости немедленного ухода, чтобы избежать мстительного меча советской Немезиды. И для этого был только один путь – двинуться в Кашгар, на территорию китайского Туркестана. Я уже давно понял, что надо решиться на такой шаг, и собирал всю возможную информацию о дороге. Но сейчас, в середине зимы, этот путь был закрыт: все перевалы занесены снегом. Да и появление странника в такой необычный сезон могло привлечь внимание, и последовал бы неминуемый арест. У меня не было альтернативы, приходилось проводить время в постоянных экспедициях и избегать город.

Трагедия положения была еще и в том, что если я буду пойман большевиками, то, весьма вероятно, вовлеку в смертельную ловушку не только родных, но и новых друзей, которые дали мне приют, даже не подозревая о том, кого они укрыли.

Снег таявший днем, подмораживало ночью и на дорогах была гололедица; солнце припекало сильнее, и становилось теплей. В воздухе чувствовалась весна. Серебристые пики гор горделиво красовались на фоне чистого голубого неба – пики, за которыми лежала земля, где я надеялся отдохнуть и быть в безопасности. Я часто и пристально смотрел на этот хребет. Оттуда прилетали с юга стаи лебедей, и я прислушивался к их мелодичному свисту, похожему на звук дуновения ветра в серебряной трубе. Огромные треугольные клинья гусей, стоя за стаями, из тех, что зимовали в Индии, теперь прокладывали свой путь к озерам казахских степей. Все это волновало душу, я просыпался ночью и пронзительное «хонг-хонг» приносило радость охотничьему уху. Потом сюда повалили, словно вывалившиеся из мешка, дюжины всех видов уток, которые покрывали не только озера и болота, но и поля тающего снега, а самые отважные залетали даже в деревни. К вечеру главные дороги, где снег стоял раньше, чем на полях, были просто усеяны дикими утками, которые не взлетали до тех пор, пока моя повозка не угрожала раздавить их.

Становилось теплее и в низинах. Снег исчез почти везде, и зеленая трава показалась в степи. Появились бекасы и другие болотные птицы, и у меня была первоклассная охота, так как я приобрел великолепную двустволку. Нередки стали стрепеты, к ним добавились дрофы и песчаные куропатки (*Pterocles arcsparia*), различные ржанки и другая пернатая дичь. Я подстрелил огромную дрофу из своего ружья, ее вес был около двадцати килограммов, и она пошла нам на праздничную еду в Пасху.

В это время я готовился в экспедицию к озеру Балхаш, в район малоизученный, но очень богатый. Достаточно сказать, что горный хребет Хан-Тау, лежащий на запад от Балхаша, не был должным образом нанесен на карты. Хан-Тау относится к системе Рудного Монтау, и хребет получил это название от изобилия полезных ископаемых. Там много древних горных выработок разных эпох. Сейчас только единицы киргизов плавают там немного свинца для пуль и еще добывают немного серебра.

Там находятся интересные самородные залежи селитры, подобные залежам нитратов в Чили, но на калиевой основе. Под слоем рыхлого лесса залегают глины, включающие в себе прослойки поташа. Залежи природной селитры в качестве удобрений жителями селений и городов Туркестана совершенно не используются. В годы Первой мировой войны я принимал активное участие в разработке таких залежей. Подобные месторождения есть и в других частях Семиречья, например, в Беловодске. Природные нитраты однажды могут стать важной и выгодной промышленной продукцией этого региона.

Другим видом богатства, которым в изобилии природа одарила Семиречье, является сапропель. Это очень полезный продукт, на протяжении прошедших веков природа его не только заготовила для использования человечеством, но и до сих пор активно его образует прямо у нас на глазах. По внешнему виду он напоминает озокерит, который тоже имеет органическое происхождение и отличается от сапропеля только под поляризующимся светом. Из сапропеля можно получать керосин, бензин, парафин, и другие производные бензольной группы, включая 40 % толуола – продукт, употребляющийся в парфюмерной промышленности и для военных нужд. Огромное количество этого ценного материала лежит, покрытое песком, вдоль берегов залива Ала-Куль, озера Балхаш. Еще большие запасы лежат на дне этого обширного, но мелководного озера. Сапропель – продукт метаболизма водяного сорняка *Botryorchis brahni*, который произрастает в небывалых количествах в водах Ала-Куля, каждый год производится и откладывается этот ценный продукт на дне озера. Сапропель имеется и в бесчисленных озерах и на морских островах в России и Европе, но не в таком огромном количестве и не такого великолепного качества, как здесь, на Ала-Куле. Битумные сланцы, которые являются важным объектом промышленности в Европе, ни что иное, как залежи сапропеля, сформировавшиеся в прошлые геологические эпохи. Мне известен лишь один случай использования сапропеля из Ала-Куля. Семиреченский казак, по фамилии Плотников имел небольшое дело,

изготавливая смазку для колес, и был расстрелян большевиками как «буржуй и экс-плуататор трудящихся масс».

Рискуя быть скучным в перечислении списка богатств Семиречья – области, где я находился не очень долго, – тем не менее, должен включить в этот список еще один природный продукт, который может стать важным сырьем для текстильной промышленности. Это растение, называемое «кутра» или кендырь (*Arbocunum venetum*), растет во многих частях Туркестана в речных долинах, но особенно многочисленно в низинах рек Чу и Амударья. Это небольшие кусты с довольно узкими листьями и соцветиями маленьких гнездовых цветов. Его молодые побеги, срезанные весной, дают блестящую белую нить, которая на фабрике превращается в первоклассную ткань, точно такую, как шелк. Осенью волокно становится коричневатым и более грубым, но вполне пригодным для использования. В Хиве растение, нарезанное осенью, используют для плетения сетей и изготовления веревок, которые имеют важное качество: они не размокают в воде, не гниют от сырости и имеют длительный срок пользования. В больших количествах «кутра» произрастает в диком виде, но растение нетрудно культивировать. Это нужно делать на чистых участках земли с пригодной почвой, отделив его от других кустарников и трав. Ему подходят бедные, болотистые почвы, на которых мало что может расти, кроме него. Этот кустарник может сделать для Туркестана то, что сделал джут для Индии. Россия изобильна всеми видами богатств, но ее народ ленив. Прежде Россия занималась только широко значимыми мировыми социальными проблемами, да и сейчас, конечно, она совершенно неспособна культивировать и развивать новые сырьевые источники для производства текстиля.

Берега озера Балхаш окружены камышовыми зарослями, болотами, травянистыми степями, зарослями кустарника и пустынными пространствами. Здесь изобилие всех видов дичи. В камышах – тысячи фазанов, летом вся вода покрыта гусями, лебедями, утками и другими видами пернатых, пригодными для охоты. Множество кабанов устраивают в этих камышах свои логова и являются пищей для тигров, которых здесь еще много. Балхашский тигр знаменит своим густым мехом. В степях вокруг озера – стада газелей и сайги, и что удивительно, среди кустарников волнистой степи водятся не только косули, но и крупные олени, называемый киргизами – «маралами». Конечно, он весьма далек от сибирского марала, который идентичен с канадским оленем вапити (*Cernus Canadensis, maral*). Олень русского и китайского Туркестана мало изучен, и я думаю, что некоторые из этих видов даже не известны науке.

Район Балхаша – интересный, богатый, пока еще дикий и неиспорченный угол природы, не разрушенный и не измененный человеком. После большевистской революции те, кто не смог приспособиться к социализму, искали убежища на далеких пустых землях по берегам Балхаша. Некоторые взяли с собой свои семьи. Они вели свободную и независимую жизнь охотников. Дикая свинья снабжала их великолепным мясом, а воды озера были полны первоклассной рыбой, включая крупную озерную форель. На сочной степной траве крупный рогатый скот быстро набирал вес и размножался. Богатые целинные земли давали баснословные урожаи зерна.

Эти промысловики жили на отдельных заимках. Зимой они торговали в городах приготовленными копчеными окороками и рыбой. Балхаш был совсем маленьким пятнышком обширного государства, окруженным голодом и необузданным большевистским террором, местом, где человек еще мог дышать воздухом свободы и жить так, как ему хочется. Жители Балхаша были необычайно гостеприимны и всегда радовались, когда кто-нибудь посещал их. Они даже проводили между собой что-то вроде соревнований, чтобы заполучить и как можно дольше продержать у себя гостя. Они звали меня приехать, сделать себе дом среди них в этом охотничьем рае, куда большевики еще не добрались.

Но я предпочел дорогу к далекому и незнакомому Китаю, куда я решил уйти раз и навсегда из этого ада «рабоче-крестьянского мира», этой огромной тюрьмы, называемой Советской Социалистической республикой.

Когда я скрывался в Кашгаре, в конце 1920 года, специальная «карательная экспедиция» была послана советским правительством на Балхаш, которая быстро расправилась со свободными и независимыми жителями этого уголка. Все население балхашских охотников с их семьями, включая маленьких детей, было полностью уничтожено большевиками.

А весна наступала. Фруктовые деревья были в цвету. Перед моим окном распустились душистые гроздья черемухи (*Prunus padus*). Это дерево, любимое многими русскими, не растет в Туркестане, и я много лет не видел ее цветов, которые напомнили мне мою далекую родину – Урал. Каждый день черемуха посещалась красными дубоносами (*Carpodacus rubicilla*), и я не мог удержать слез при виде птиц алого цвета, порхающих среди белых, ароматных гроздьев. И теперь все, что было моей родиной и моим собственным народом, все должно быть оставлено, возможно, на очень долгое время, может быть, навсегда. Я убываю в изгнание. Я спасаюсь бегством из моей собственной земли в чужую дикую, незнакомую страну, где буду искать убежища и покоя.

Две недели непрерывно шел дождь, сопровождавшийся штормовыми ветрами, градом и громом. Но после финальной отчаянно жестокой бури, которая захватила меня на открытом месте и заставила укрыться вместе с моей лошастью под кошмами, спасаясь от жестокого града, прорвалось солнце, облака укатились, и надолго установилась прекрасная безоблачная погода.

Природа теперь была в полной красе. Внизу уже все покрылось густой травой и всеми видами прекрасных цветов, из которых я больше всего любил туркестанский тюльпан (*Tulipa greigii*), с его широкими пятнистыми леопардовыми листьями. Нигде этот цветок не выглядит таким большим и красивым, как в Семиречье, где его толстый стебель достигает длины шести-десяти сантиметров, а темно-красный цветок – размером с чайную чашку.

Выше подножия холмы покрыты коротким ярко-зеленым мягким дерном, сквозь который пробивается со всех сторон тысяча других видов *Tulipa hesneriana*: золотисто-желтых, розово-лиловых, белых с красным, желтых с красным, и каждый вид – с чудесным запахом.

Воздух был свежим и бодрящим, полным чудесного аромата цветов. Такие же картины я помню с детства в Оренбургских степях, где весной так же много тюльпанов, украшающих степные травы.

Весна вступила в свои права. Дороги были чистыми. Пришло время готовиться к моему долгому и опасному путешествию.

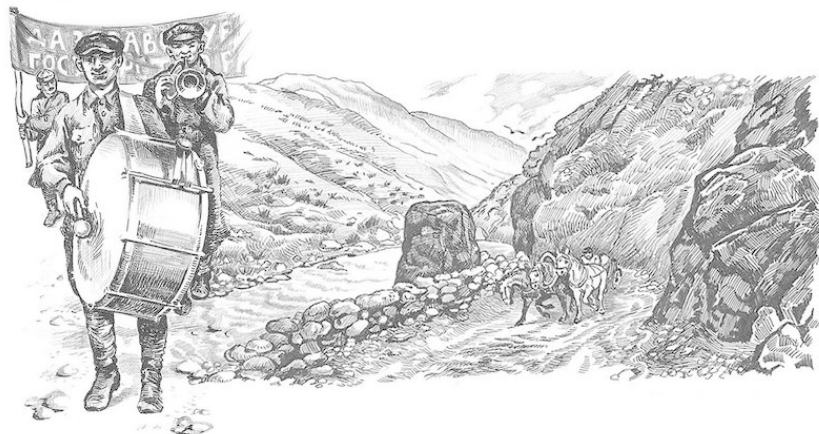
Официально я уезжал надолго в горы на геологические изыскания.

Мои друзья устроили прощальный пикник, во время которого мы собрали массу грибов и цветов «фазаний глаз» (*Adonis vernalis*), которые могут пригодиться при лечении, когда недостает многих медикаментов.

Огромное чувство печали сдавило мне сердце при отъезде. Возможно, навсегда я оставляю все, что дорого мне в жизни, мой любимый Туркестан, где провел самые лучшие годы, изучая природный мир и минеральные богатства. Впереди меня ожидали изнурительные скитания по чужим землям, одинокая, бесприютная жизнь в бедности, без друзей, в чужом и недружелюбном мире...

Но прежде чем я смогу достигнуть этого, мне придется ускользнуть незамеченным за пределы социалистического отечества через границу, сейчас строго патрулируемую красными пограничниками. Правительство «рабочих и крестьян» не позволяло никому убегать из «рая», который они строят на земле. Сделать это было можно, только рискуя своей жизнью.

Глава XV В путь!

Из Ташкента приехал мой друг. Он сообщил: советские власти обнаружили, что я нахожусь где-то в Семиречье, и приказали местным органам ЧК не жалеть усилий для моей поимки. По этой причине из Пишпека надо было уезжать как можно быстрее.

Чтобы сбить агентов со следа и скрыть свой маршрут, я организовал получение официальных приказов начать экспедицию в окрестностях озера Балхаш для поисков полезных минералов. Фактически было выбрано совершенно другое направление: на юг, через Нарын, на китайскую границу в сторону Кашгара.

Восемнадцатого мая я выехал из Пишпека в открытой повозке, запряженной тройкой лошадей. Одна из них предназначалась для верховой езды от границы к Кашгару, а оставшаяся пара лошадей вместе с повозкой должна была вернуться обратно.

В это время кучером у меня был умный молодой киргиз по имени Азамат-бек, находчивый и проверенный парень. Прежде он был очень богат, но после восстания 1916 года был совершенно разорен. Русские захватили все его имущество и стада, хотя он и его старый отец, который был убит во время мятежа, были лояльны к русским. Сам он оказывал большую помощь пострадавшим в восстании: освободил из киргизского плена семнадцать русских женщин и девушек, которых бунтовщики хотели увести на китайскую территорию. Азамат-бек не был посвящен в тайну моего побега и не имел представления о моей реальной цели. Он был уверен, что я еду в горы в одну из моих обычных экспедиций.

Стояла великолепная погода, теплая и солнечная. Все кругом зеленело, и вся степь была пестрой от массы различных цветов. Поразительно хороши были темно-голубые колокольчики (*Ixiolirion tartarica*), растение, которое может расти везде, и в садах оно бы смотрелось чрезвычайно привлекательно. Другой очаровательный цветок, который любители сада могли бы культивировать, – сорт крошечного ириса восхитительного фиолетового цвета, с чудесным запахом. Он может расти из луковички в небольшом горшочке, быть комнатным растением или заменять крокусы в саду.

Мы провели ночь в Токмаке, а на следующее утро наступил большой православный праздник – Вознесение. Был прекрасный солнечный день, и музыка больших колоколов разносилась по свежему утреннему воздуху. Я слушал в последний раз голос моей родной церкви, он звонил и по мне⁹⁶.

⁹⁶ Это несколько измененная фраза из стихотворения английского поэта XVII века Джона Донна: «А потому не спрашивай

После службы толпа прихожан вывалилась из церкви. Мужчины в светлых костюмах и женщины в разноцветных платках собирались группами вдоль церковного забора, образуя красочный праздничный круг зрителей военного парада, который вскоре начался – парада Красной армии по образцу старого времени, когда они были неотъемлемой частью церковного праздника. Поводом стала вторая годовщина создания «Красной Рабоче-Крестьянской Армии». Токмакские псевдо-большевики салютовали из ружей, объединяя коммунистическую демонстрацию со старым русским церковным праздником.

Я занял место на большом камне вблизи ораторов, откуда все было хорошо видно и слышно. Произносились пламенные речи. Все красноречиво говорили о необходимости «всеобщего вооружения народа для поддержки мировой социалистической революции». Утверждалось, что старые царские армии создавались империалистами для международного кровопролития, для защиты интересов капиталистов и помещиков, но настоящая армия – Красная армия – была организована для защиты «трудящихся масс» и интересов «мирового пролетариата». «Капитализм уже разрушен», и осталась единственная задача – объединение и вооружение международного пролетариата и создание интернациональной Красной армии, когда эта задача будет окончательно решена, наступит день всеобщего счастья и братства наций, мир во всем мире, родится «священное государство трудящихся». Пулеметы останутся только для показа в музеях или будут переделаны в сельскохозяйственные машины.

Казалось, каждый оратор понимает, что говорит чушь, с трудом скрывая от слушателей улыбку от произносимых речей, от всех этих изощренных фраз и глупого жаргона, который советские власти насаждают и требуют высказывать на публике. Примечательно, что вся эта комедия разыгрывалась бывшим капитаном царской армии, командовавшим этим парадом.

Потом под «Интернационал» беспорядочным строем прошла горстка красных солдат. После них маршем и довольно хорошо шли «маленькие солдаты» – мусульманская детвора, мальчишки – киргизы, сарты, татары. Они пели «Марсельезу» на своем языке. Впереди маршировали маленькие девочки с красным флагом, замыкал все отряд Красного Креста: дети с носилками, «доктор» в белом халате, «сестры милосердия» с красными крестами на груди. На эти игры в солдат было забавно смотреть, только я почувствовал беспокойство за этих замечательных детей, попавших в лапы большевиков, беспокоил меня и оратор, вынужденный говорить такой вздор, который он сам, должно быть, ненавидел и презирал. Беспокойно было и за всю эту простую деревенскую толпу, которая тупо глазела на советский парад и молча слушала всю эту большевистскую ахинею.

В мою память глубоко врезался этот последний русский городок и эта последняя сцена драматической жизни России, моего отечества, которое я покидал.

Мысленно я постоянно возвращаюсь к одному и тому же вопросу: почему великий русский народ молча позволил горстке головорезов с дубиной в руках сделать с собой все, что те хотели, даже обратиться в коммунистов – приверженцев учения Карла Маркса? Ведь в то же самое время коренные народы Туркестана, на которых все привыкли смотреть сверху вниз, как на темных и запуганных людей, упорно, с оружием в руках, отстаивали свои права, свою независимость, свои традиции и вековой уклад жизни.

Даже когда прошли годы, когда могильная тишина опустилась на Россию и многие из высших кругов русского общества, изменив своей совести, пошли на компромисс с советским правительством, примирившись с большевизмом, презренные «басмачи» Ферганы снова и снова поднимались против ненавистного ига, захватывая города и селения, убивая коммунистов. Ни большевистское золото, ни буденовская кавалерия, ни щедрые обещания Советов, ни даже широко декларированная национальная автономия не смогли затушить святого пламени ненависти в сердцах мусульманских «басмачей».

Мы выехали перед обедом. В токмакских садах буйно цвели яблони, персики и вишни.

Относительно новое поселение, Бердовка, которое мы проезжали, имело нехорошую репутацию – ее жители были яркими большевиками. На улице мы увидели большую толпу, наблюдавшую за скачущей лошадей с телом мальчика, лежащего поперек седла. Оказалось, что подросток, купаясь, утонул, и теперь этим, весьма необычным, способом его пытались привести в сознание и вернуть ему жизнь.

Между этим поселением и следующим – Белым Пикетом, куда мы приехали ночью, земли были заброшены, хотя до киргизского восстания они были густо заселены. Вдоль дороги когда-то стояли киргизские строения и стойбища, караван-сарай, чайханы, росли фруктовые сады, расстилались ухоженные поля, обсаженные высокими тополями, ивами и вязами. Здесь было вдоволь всего, и все было очень дешево. К примеру, корзина прекрасных яблок стоила копейку, и киргизы были рады поменять овцу на шесть килограммов риса. Это была большая овцеводческая территория, и сотни тысяч баранов раньше вывозились отсюда в Туркестан и Фергану.

Теперь все вокруг было разрушено, виднелись только несколько жалких развалин да пни деревьев. Все превратилось в пустыню. Удивительно, как быстро в Центральной Азии исчезают следы оседлой жизни и цивилизации, и как быстро возвращается пустыня, особенно если каратели с таким мастерством в первую очередь срубают деревья и разрушают ирригацию.

Деревня Белый Пикет известна своей самогонной индустрией. Не успеют ночные тени пасть на хребты Тянь-Шаня, как сотни самодельных аппаратов начинают работу, и вся деревня пропитывается тошнотворным запахом сивушного масла. Я видел много производств этой преуспевающей отрасли «национальной индустрии», и все они были примитивно устроены. Большой железный котел ставится на маленький огонь и накрывается другим, соединение замазывается глиной, конденсатором служит ружейный ствол, вставленный в маленькое отверстие в верхнем котле и лежащий в желобе с постоянным притоком холодной воды, усердно доливаемой из кувшина самогонщиком. С другого конца ствола в бутылку капает с нетерпением ожидаемая, мутная, дурно пахнущая жидкость. За ночь можно изготовить несколько полных бутылей. Весь завод может быть демонтирован в один момент, каждая часть разбирается на детали абсолютно невинного вида, и все следы запрещенного производства исчезают, кроме самой атмосферы, пропахшей сивушным маслом.

Однако этот вид аппарата относительно сложен и требует определенных усилий для сборки. Но в одной из деревень Семиречья я видел такую совершенную простоту, что она была просто гениальной; там не было конденсатора или другого приспособления, устройство состояло из обычной кухонной утвари: бадьи, чашек, блюд и тому подобных, самых необходимых для повседневной жизни предметов. Это было изобретение русских женщин, и должен заметить, был чрезвычайно поражен его гениальностью. Удивительно, что американцы не додумались до такого способа, в этом изобретении русские умельцы их превзошли.

Я проехал через Самсоновку и снова увидел разгар пьяного разгула, группы мужиков шатались по улицам, другие, мертвецки пьяные, валялись на земле. В это время праздновался какой-то коммунистический праздник, и мужчины держали длинные, бессмысленные речи.

Далее дорога пересекалась рекой Чу, выходящей из Боомского ущелья, и русская часть Семиречья – царство самогонки домашнего производства – была оставлена позади. Большевик и самогонка... Кровь и водка – вот мое главное впечатление от этой части моей несчастной страны!

Внушительное ущелье Боом – это поперечная долина, прорезанная рекой Чу, через самый северный хребет Тянь-Шаня – Александровский. Вход в северную часть ущелья грандиозен. Дорога плавно спускается к прекрасному деревянному мосту, дерзко установленному над глубокой речной стремниной, и поднимается снова на другой стороне. Грандиозные вершины охраняют проход. Слева, внизу, в глубине каньона видно, как река Кемин с востока впадает в

реку Чу. Воды обеих рек цвета аквамарина, они, сливаясь, вскипают белой пеной, которая срывается и несется вниз в страшную глубину, из которой постоянно слышен оглушительный рев.

В прошлые века, вероятно во время третичного периода, река Чу прорезала себе путь через Александровский хребет, в то время не очень высокий, действуя как дренажный канал для обширного горного хребта. Река несла эрозионный материал, который откладывался в основании предгорий. Горы Тянь-Шаня постепенно росли, поднимаясь вместе с отложениями речных галечников. С возрастом река, как говорят, теряла силу и мощь эрозии, становилась все более и более спокойной, и в результате несла много лесса с включениями грубого материала. Потом наступило затишье в горообразовательном процессе, и река размывала свои собственные отложения. Затем опять начался процесс поднятия, с геологической точки зрения в новейшее время, и это движение еще продолжается и горы растут. Их возвышенные центральные части начали увлажняться за счет большего выпадения осадков, увеличилось количество воды в реке, которая начала омолаживаться и снова размывать свои собственные отложения. Река разрезает их, углубляя свое русло пропорционально тому, насколько поднимаются горы, через которые она протекает.

Недалеко от почтовой станции Джель-Арык – «Канал ветров» – левые склоны горной долины в верхней части сложены красным песчаником и серыми глинами, возможно, юрского периода⁹⁷, с залежами угля, годного для кузнечного дела, но с очень высокой зольностью.

Ущелье Боом пустынно-ни кустарника, ни деревьев, но склоны гор, лишь местами покрытые травами, не лишены живописности. Здесь выпадают дожди, но когда вы, пересекая ущелье, войдете в широкую округлую впадину Кок-Мойнок, то сразу попадаете в засушливую климатическую зону с типичной пустынной флорой. Впадина ограничена холмами, сложенными лесовидными суглинками, с включениями прослоев гальки, смытой с примыкающих гор. Земля покрыта россыпями гальки из этих прослоев. Вдоль склонов гор есть озерные отложения и береговые террасы – явное доказательство того, что озеро Иссык-Куль в одно время доходило до самого входа в Боомское ущелье⁹⁸.

На сухих почвах здесь растет трава, называемая «чий» (*Lasiagrostis splendens*), причем растет она в изобилии. Ее стебель, гладкий и упругий, как проволока, достигает высоты до трех метров при толщине не более шести миллиметров⁹⁹. На макушке блестящего стебля – нежные метелки соцветий, а у основания – длинные, очень узкие, как ленточки, листья, которые образуют густой куст. «Чий» растет скоплениями в виде обширных зарослей, которые полны фазанов и зайцев. Эта удивительная трава характерна именно для таких частей Центральной Азии, где выпадает мало дождей, но не очень глубоко залегают грунтовые воды и есть песчаные почвы с примесью глины. Удивительная вещь – лошади и крупный рогатый скот поедают соцветия и даже жесткие, грубые стебли, но не трогают листья «чия».

На вершинах глинистых холмов, совершенно как на искусственных пьедесталах, поднимаются кустики другого характерного для Центральной Азии растения – селитрянки (*Nitraria strobery*), с белыми стеблями и маленькими суккулентными листьями. Летом на них появляется урожай черных ягод сладковато-солончатого вкуса, которые съедобны, однако не особенно приятны. Это самое широко распространенное растение пустыни; оно встречается повсюду в Центральной Азии до самых Тургайских степей. Я видел его в Тибете и среди растений Индии. Удивительная вещь – оно произрастает также и в пустынях Австралии! Корни куста, сильно разветвляясь, уходят очень глубоко вниз в почву; со временем песок полностью покры-

---

⁹⁷ Юрский период (юра) – средний (второй) период мезозойской эры. Начался 201,3 ± 0,2 млн. лет назад, закончился 145,0 млн. лет назад.

⁹⁸ По Е. В. Максимову это было изолированное озеро, излившее свои воды в Чуйскую долину в результате возникновения Боомского ущелья примерно 10000 лет назад. (Е. В. Максимов «Загадка озера Иссык-Куль», Издательство Ленинградского университета, 1985 г.).

⁹⁹ Из стеблей растения кочевники делают циновки, так же называемые «чий».

вает все растение, которое вновь прорастает ближе к вершине бугра. Ветер снова засыпает его песком и пылью, растение снова ползет к вершине холма, пока, наконец, холм не покрывается до самой вершины лабиринтом бугорков необычного вида с кустиками этого растения.

Склоны гор здесь сухие и абсолютно голые. Вся атмосферная влага, которую эта местность получает исключительно с запада – из Атлантики, осаждается на вершинах передовых гор и не достигает впадин Кок-Мойнока и Иссык-Куля. Такой феномен часто наблюдается в горных районах жарких стран. Этим объясняется необычность того факта, что даже в сухих регионах настоящих пустынь склоны окружающих пиков покрыты вечными снегами и ледниками.

Вдоль речных берегов виднелись небольшие заросли облепихи (*Hippophaes rhamnoides*) и мелколистной ивы. Было очень холодно, и дул пронизывающий ветер. Весна здесь только началась, и на растениях только появлялись первые листочки. Несколько мелких куликов-песочников с пронзительной трелью взлетали и садились вдоль песчаных берегов, а в зарослях громко кричали петушки фазанов. Дикие овцы (*Ovis karelini*) и горные козлы в Кок-Мойноке ранним утром спускаются с гор на водопой к реке Чу.

Мы провели ночь в полуразрушенном старом домике почтовой станции и на следующее утро продолжили свой путь. Дорога теперь делала поворот, следуя берегом реки Чу, прямо на восток, в широкую и ровную долину, покрытую сыпучим песком, гравием и глиной, где река текла спокойно. Растительности было больше, местами даже зеленели поляны и густые заросли «чия». Здесь кишела всякая живность, и было интересно ехать. Мы видели стадо диких свиней, прокладывающих себе путь сквозь заросли на другом берегу реки, фазаны гордо и нагло разгуливали по дороге, на полянах, в траве, даже при моем приближении, беспечно бегали зайцы. Семиреченский заяц – смелый и забавный зверек, сильно отличающийся по характеру от своего робкого европейского собрата, несмотря на то, что он гораздо меньше его. По каменистым склонам холмов бегали «кеклики», встретилось несколько выводков обычных куропаток, вид относительно близкий, но имеющий некоторые отличия от европейских птиц.

Мы достигли озера Иссык-Куль довольно рано. Несмотря на то, что наша дорога проходила на некотором расстоянии от него, я не мог удержаться от желания подъехать ближе и посмотреть на эту знаменитую и великолепную полосу воды, с которой связано множество мифов и легенд. Хотя окружающая местность была абсолютно голой и пустынной, вид озера был необыкновенно прекрасен.

Все вокруг было окрашено синеватым цветом мягких и нежных тонов, как на картине искусного художника. К югу от озера была видна голубая горная цепь с белыми вершинами, на востоке синяя гладь вод неподвижно расстилалась в каком-то мистическом величии, уходя за горизонт. Все было покрыто бледной, серо-голубой дымкой, напоминая пейзажи на датской керамике. Даже огромные стаи ослепительно белых лебедей и тысячи уток, плавающих около берегов, не нарушали главного фона картины.

Озеро протянулось с запада на восток на 175 километров. Никакого проблеска паруса, никакого клочка дыма или очертания лодок, бороздящих его поверхность. Вода озера солоновата и не замерзает зимой, оправдывая свое имя, которое на джагатай-тюркском наречии означает – «Теплое озеро». Оно передает свое тепло окружающей долине, которая закрыта горами со всех сторон, поэтому здесь относительно мягкие зимы. Берега ровные, покрытые галькой, дно круто обрывается вниз, и недалеко от берега уже могут быть большие глубины. Когда с востока задул вечерний бриз, вода стала волноваться, и гребни волн разбивались о берег, шумно прокатывая гальку. Казалось, я стоял на берегу моря.

С давних пор на южных берегах озера находятся руины каких-то старых строений, которые можно увидеть под водой, а шторм часто выбрасывает на берега фрагменты керамики, кирпичей и тому подобное. Отсюда зарождение многочисленных легенд, вдохновившие гене-

рала Чайковского¹⁰⁰ написать чрезвычайно курьезную книгу «Туркестан и его река по Библии и Геродоту». Эта книга – предостережение от слепой веры в «свидетельства исторические», веры, которая может привести к самым фантастическим заключениям, но все чудесные теории легко и просто отвергаются даже малейшим прикосновением естественнонаучного метода.

Генерал Чайковский основывает свои аргументы на рассказах Геродота и свидетельствах библейской истории, обсуждая отдаленное доисторическое прошлое Туркестана, и Иссык-Куля в частности. Согласно его представлениям, центром жизни в древнем Туркестане была «главная» река, некогда впадавшая в Каспийское море, которая «реки Сыр и Аму принимала как притоки». Истоки этой реки были в бассейне Иссык-Куля и вбирали в себя многочисленные потоки, которые шли вниз с гор, обильно орошая местность, сейчас совершенно пустынную, давая жизнь и изобилие этой стране. «Многочисленные народы» жили в те дни на этой благословенной земле в мире и счастье.

Вдруг случилась ужасная катастрофа. Страшное землетрясение потрясло горы, выход «главной» реки Туркестана был закрыт, и межгорная Иссык-кульская впадина стала озером, что согласуется (по Чайковскому) с библейскими текстами. Лишенные орошения процветающие долины Туркестана превратились в песчаные пустыни, реки Амударья и Сырдарья затерялись в песках, образуя Аральское море. «Многочисленные народы» ушли от развалин и опустошенной земли, оставив после себя множество свидетельств об этой самой древней цивилизации.

Необходимо коротко сказать, как далекая история Иссык-Куля, основанная на древних литературных источниках, в какой-то степени согласуется с естественными и геологическими исследованиями.

На первый взгляд, действительно очевидно, что возраст озера несравненно древнее, чем любые исторические или доисторические свидетельства человека, что в прошлую геологическую эпоху оно по размерам было намного больше, чем сейчас, доходя даже, как мы видели, до Боомского ущелья. Не так уж давно река Чу впадала в озеро, и в тоже самое время другая река вытекала из него. Позже река Чу, за счет накопления масс своих собственных наносов, отрезала сама себя от озера и пошла дальше, минуя его, сформировав настоящее русло реки Чу таким, каким оно есть сегодня. Мы обнаружили следы истока воды из озера в реку Чу, и, может быть, он существовал еще каких-нибудь двадцать лет назад, и, видимо, такой сброс воды происходил не раз. Лишенная этого истока, вода в озере стала солоноватой.

На самом деле существует целая серия легенд, преданий и слухов, даже среди европейцев, о таинственных и малоизученных регионах Центральной Азии. В них все, что непостижимо, все, что загадочно и таинственно – от происхождения наших «арийских» предков до индуистских Махатм¹⁰¹, сочиненных моей талантливой соотечественницей мадам Блаватской¹⁰², – все, что оставило след в пустынях Центральной Азии и среди малодоступных высочайших гор. Легенды о Центральной Азии создаются и сегодня не только малообразованными людьми, но и талантливыми авторами, плохо осведомленными в части географии, они придумывают свои собственные фантастические теории, и среди творцов легенд попадаются даже ученые мужи.

К примеру, во многих, так называемых «научных» работах, говорится о наличии в сравнительно недавнее время в Азии внутреннего моря с названием Хан-Хай¹⁰³. По представле-

¹⁰⁰ Чайковский Митрофан Петрович (1840–1903) – с 1869 по 1870 год был начальником Иссык-кульского уезда. С 1901 года произведен в генералы от инфантерии.

¹⁰¹ По сообщениям Е. П. Блаватской в недоступных Гималаях существовала колония мудрецов, не нуждающихся во благах цивилизации, но в то же время располагающих информацией обо всех мировых событиях, научных открытиях и намеревающихся поучать и наставлять все человечество.

¹⁰² Елѣна Петровна Блаватская, урождённая Ган, (1831, Россия – 1891, Англия) – русский религиозный философ теософского направления, публицист, оккультист и спиритуалист, путешественница.

¹⁰³ Некоторые русские геологи дали имя Хан-Хай серии третичных отложений в Тянь-Шане и пустыне Гоби, но, конечно, не подразумевая при этом даже самой отдаленной связи с таинственным внутренним морем, которое, если следовать за китай-

ниям китайцев, эта территория заполнена сейчас возвышенными долинами Кашгарии и пустыней Такла-Макан. Я сам читал статью известного немецкого историка, который приписывает «всемирный потоп» к излиянию вод Хан-Хая через Тянь-Шань в долины Туркестана, Сибири и Каспийскую низменность. Однажды я даже с интересом прослушал лекцию известного русского ботаника, который объяснял наличие ледниковых морен и озерных отложений, которые он обследовал на Тянь-Шане, существованием таинственного китайского Хан-Хая. Происхождение всех этих предположений о том, что долины Центральной Азии сравнительно недавно были якобы дном моря, нужно искать, конечно, в сыпучих песках и солончаках среди пустынь Центральной Азии, которые в глазах местных жителей, являются неоспоримым фактом существования некогда здесь океанских глубин. Можно отметить, что дно этого таинственного Хан-Хая сейчас находится на такой же высоте, как Риги Калм в Швейцарии – это примерно 1500 метров над уровнем моря. И возраст этого региона гораздо больше не только начала истории и глубокой древности, но и всего геологического времени до середины третичного периода, характеризующегося аридным климатом.

Другое широко распространенное и ошибочное мнение – о высыхании Центральной Азии, о том, что этот процесс продолжается до настоящих дней и что это высыхание было причиной гибели ее древних цивилизаций. Чтобы проверить эту теорию, которая не опирается на какие-либо реальные научные данные, американцы снарядили и отправили в Туркестан хорошо известную научную экспедицию Пампелли¹⁰⁴, которая внесла огромный вклад в наши знания об этой территории.

В настоящее время наблюдения Л. С. Берга¹⁰⁵ за уровнем Аральского моря, показывают, что Туркестан не только не высыхает, но, наоборот, количество выпадающих осадков возрастает. Города и цивилизации здесь исчезли по другой причине – из-за разрушения оросительной системы. То же самое случится, если, например, отрезать каналы Боз-Суу и Зак, тогда весь цветущий район Ташкента превратится в выжженную солнцем пустыню всего за несколько лет. Так случилось и со множеством других, ранее процветающих поселений, разрушенных и представленных сегодня безжизненной пустыней.

«Свидетельства исторические», на самом деле – очень ненадежные вещи, с ними, если вы пожелаете, можно утверждать все, что вам угодно, и делать любые заключения, какие вам захочется. Вы, например, можете связать лживые основы доктрины Карла Маркса с высыханием или переполнением Арала в историческом времени, как это делает Элизе Реклю¹⁰⁶ на основании творчества султана Бабура¹⁰⁷. Но применяя факты и методы точных наук, мы видим, как эти чудесные теории превращаются в пыль.

цами, существовало до недавних времен в Центральной Азии. В научных работах лучше было бы совсем не употреблять этот термин, как и другое выражение – «допотопный» (Прим. Павла Назарова).

¹⁰⁴ Рафаэль Пампелли (1837–1923) – американский ученый, совершивший в 1903–1904 годах экспедицию в Среднюю Азию в поисках прародинны арийцев.

¹⁰⁵ Лев Семенович Берг (1876–1950) – русский зоолог и географ.

¹⁰⁶ Элизе Реклю (1830–1905) – французский путешественник и географ, автор 19-и томов Универсальной географии.

¹⁰⁷ Захир ад-дин Мухаммад Бабура (1483–1530) – тимуридский правитель Индии, Афганистана, основатель династии Бабуридов, известных как Великие Моголы, историк, географ и поэт.

Глава XVI Спасение близко

Все почтовые станции вдоль дороги были в руинах – результат киргизского восстания. Только одна, Кутемалды, ближайшая к Иссык-Кулю, осталась свидетелем храброй защиты горстки русских против громадной орды киргизов, напавших со всех сторон. На ночь мы остановились именно здесь. Место поддерживалось заботой единственного человека, доброжелательного киргиза, который оказался знакомым Азамат-бека и когда-то был водовозом в Пишпек. Теперь он жаловался, что друг Азамат-бека переманил его единственную жену и увез от него.

– В следующий раз, когда мы вернемся сюда, – сказал Азамат-бек, утешая несчастного мужа, – то привезем тебе твою жену.

– Коп джакши, замечательно! – воскликнул этот Менелай¹⁰⁸ из Пишпека и в знак своей благодарности назначил нам цену за корм лошадям только в одну сотню рублей вместо двух.

Пройдя через ущелье Орто-Токой, дорога вышла на широкую, ровную местность – Кочкорку, богатую пастбищами, прежде переполненную кочующими киргизами с их стадами и отарами. Кочкорка как центр животноводства сейчас была полностью разрушена, в ней были вырублены все сады и вообще все деревья. По обеим сторонам долины располагались бесчисленные «мазары» – могилы с памятниками различной и весьма оригинальной архитектурой с отдельными элементами мавританского стиля. По существу, это настоящие некрополи, большинство из которых было построено только из высушенных на солнце глиняных блоков и потому так быстро превращается в руины. Нигде в Туркестане подобные могилы не встречаются в таком количестве, как здесь в долинах Тянь-Шаня, которым они придают очень привлекательный и характерный вид.

Сразу у входа в долину стоят, как их называют русские, «каменные бабы» – примитивно обработанные статуи человека, грубо выбитые из камня. Такие статуи есть не только в Семиречье, они прежде были широко распространены в степях южной России, в Оренбургском крае и в Сибири. Это надгробные камни далеких предков киргизов – скифов и массагетов. В скрепленных на груди руках они держат чашку или кубок. Интересно, что до недавних пор чашка была неразлучным и обязательным предметом для каждого киргиза, точно так же, как сегодня это распространено среди тибетцев. Для таких чашек у них есть специальные кожаные оригинального вида футляры¹⁰⁹, привязывающиеся к седлу или поясу, в которых и перевозят чашки.

¹⁰⁸ Легендарный герой гомеровского эпоса «Илиада».

¹⁰⁹ Футляры называются по-киргизски «чыны кап».

Киргизы называют такие чашки «кесе», как мне кажется, похоже на греческое слово «скифос», сходное с именем одного из древних народов – скифов. Интересно, что сарты называют чашку «пиала» – от греческого «фиале».

Долина Кочкорки имеет глинистые почвы, покрытые травой и «чием». Подножия гор, окружающих долину, сформированы огромными массами гравия и гальки, которые смываются вниз из горных ущелий, при выходе в долины образуя громадные конусы выноса отложений с очень крутыми склонами.

Река Кочкорка, как и другие реки этой части Тянь-Шаня – Джумгал, Нарын, Арпа, Чатыр-Куль, – вытянуты в направлении с востока на запад. Серия высоких террас гигантской лестницей поднимается к вершинам хребта. Такие уступы возвышаются один над другим в южном направлении. Путешественник, с трудом одолевший подъем, попадает в более холодную местность и начинает думать, что прокладывает путь не к жаркому, солнечному югу, а к прохладному северу, тем более, что он выходит в настоящий арктический район Чатыр-Куля и Торугарта, от которых тропинки по меридиональным долинам плавно и непрерывно спускаются вниз, к жарким равнинам Кашгара. В этой части хребта подъем был таким постепенным, что мы и не заметили его, моя повозка катилась прекрасно, совершенно как по ровной поверхности, хотя мы поднялись более чем на тысячу метров над уровнем Пишпека.

После почтовой станции Кум-Бель (Солнечный гребень) дорога вышла из долины Кочкорки и пошла по дикому ущелью Джуван-Арык, зажатому почти вертикальными скалами гранита и сиенита, сменившимися дальше известняками и кристаллическими сланцами. Дорога была хорошо проложена и следовала по ущелью за капризными извилинами потока. Горы скалистые, дикие и совершенно пустынные, но дорога и ущелье были прекрасны. Огромные скалы под воздействием то стужи, то зноя раскалывались, падали в реку и мощный поток уносил их вниз, перемалывая, круша и разбивая, превращая в валуны, гравий и песок. И этот разрушенный материал вода несла дальше, откладывая в долинах. В такой природной лаборатории был хорошо виден весь процесс полного разрушения гор и перемещения водой разрушенного материала. Здесь нет растительности, и ничто не скрывает процесс измельчения, не пряча детали непрерывной работы. Процесс идет быстро и открыто, прямо перед глазами наблюдателя.

Около почтовой станции Сары-Булак ущелье расширяется, склоны становятся более покатыми, и здесь, и там на них появляются участки травянистого покрова и сорняков. В одном месте я увидел барана, щиплющего траву. Сначала я подумал, что он отбил от стада какого-нибудь киргиза, но когда баран поднялся, на фоне неба стали отчетливо видны его очертания, огромный размер, длинные ноги, великолепные рога, закручивающиеся назад спиралью. Все свидетельствовало о том, что я наблюдаю роскошного самца дикого барана Тянь-Шаня (*Ovis karelini*, Sev.), редкую и высоко ценимую дичь. В мире, возможно, существует только несколько мест, где можно пересечься с диким бараном, мирно пасущимся чуть в стороне от почтового тракта.

Я, конечно, остановил лошадей, выпрыгнул из повозки, хорошо прицелился и выстрелил. Мой выстрел сбил самца с ног, но в следующий момент он вскочил и огромными скачками попытался скрыться за скалами. Вторая пуля сбросила его вниз. Когда мы достигли Сары-Булака, где остановились на ночь, я послал двух киргизов поискать раненого самца.

Поздно ночью они вернулись, принеся добычу. Пуля пробила архару легкие, и он не смог уйти далеко. Пуля из такого старого ружья, как моя берданка, не очень опасна для крупной добычи, особенно для таких сильных животных, как дикие бараны, которые могут выдержать много свинца. Множество таких «архаров» обитало в этом районе, и еще нередкими были снежные леопарды. Широкая часть долины Сары-Булака покрыта «чием», местами завалена валунами, и в устье одного ущелья, слева от дороги, лежала громадная морена древнего ледника. На высоте около 2200 метров над уровнем моря было холодно и облачно, и за ближайшим хребтом мы видели величественные пики, покрытые снегом.

С этого места начинается подъем на перевал Долон, первый горный перевал, который мы пересекли. Это был водораздел между Чу и Нарыном – истоком реки Сырдарьи. Возможно, это наиболее трудный участок пути между Семиречьем и Кашгаром, хотя, по правде говоря, не очень высокий. Кроме того, это единственное серьезное препятствие для железнодорожного пути в сердце Центральной Азии. Но проезжая дорога для повозок проложена хорошо и кажется нетрудной.

От почтовой станции довольно круто поднимаются известняковые и сланцевые обнажения, включающие кварцевые жилы. Затем дорога опускается в небольшую низину, покрытую прошлогодней травой. Здесь мы впервые встретили альпийского каменного голубя светло-серого цвета, с белой гузкой и широкой белой полосой, пересекающей хвост. Эти голуби живут большими стаями, очень быстро летают, всегда упитанные и на вкус нежные.

Пока я исследовал кварцевые жилы, разбивая их геологическим молотком, надеясь найти какие-нибудь интересные минералы, спугнул горностаю, который отбежал на несколько метров и уселся на камне, наблюдая за мной с чувством тревоги и укора. Возможно, у него где-то среди камней было гнездо с молодой. Альпийские клушицы (*Rufhospiza alpinus*), летая парами, мелодичным свистом оживляли эти мрачные горы, показывая, что мы действительно достигли альпийской зоны. Потом дорога пошла зигзагами в гору, к перевалу. Чем выше мы поднимались, тем мягче и плавней становились очертания гор, больше попадалось голых скал и камней, ровные места были покрыты низким растительным покровом и прошлогодней травой. Вершина перевала имела вид всхолмленной степи. Местами на вершинах еще лежал снег. Высота перевала была около 3000 метров над уровнем моря. Дальше дорога постепенно шла вниз, в маленькую долину, узким скалистым ущельем. Скалы становились все выше и выше, и уже целые утесы кремнистых сланцев поднимались к зубчатым вершинам хребта, рассеченные мощными жилами порфиринов. Потом дорога проходила среди кремнистых известняков, которые сменились конгломератами. По склонам гор, наконец, появились разросшиеся заросли темно-зеленого можжевельника, потом – маленькие ели, и уже густой еловый лес полностью покрывал склоны ущелья, которые стали очень живописными. На дне ущелья шумел зеленовато-серый поток. В зарослях кустарника, росшего по берегам, я увидел мелькающих горихвосток, взмахивающих своими ярко-красными хвостами. Они резвились среди кустов с каменными чеканами, индийскими тиркушками и какими-то другими мелкими горными птицами. Это было ущелье Кара-Ункур, или Черная яма.

Было еще очень рано, только половина третьего, но мы решили остановиться, дать отдохнуть лошадям после тяжелой дороги. Здесь было изобилие косуль, можно было поохотиться и половить рыбу. Я взял какие-то снасти у человека, бывшего старшим на почтовой станции, мы быстро наудили хорошей форели на обед, и пока он готовился, я вышел с местным проводником, надеясь подстрелить «элика». К несчастью, пошел дождь, который все испортил, и мы не увидели ни одного животного, хотя слышали их в лесу, издававших какие-то звуки, средние между человеческим кашлем и собачьим лаем.

Это было живописное и привлекательное место, полное дичи. Дальше в горных лесах есть олени и стада диких баранов, пасущихся на высоких плато над ущельями, есть и горные козлы, стада которых достигают пятидесяти голов. Стрелять их здесь было легко, потому что они находились повсюду, и к ним с помощью киргизов можно было легко подобраться в пределы ружейного выстрела. Весь регион Нарына чрезвычайно интересен для зоолога изобилием и разнообразием животной жизни. Здесь обитает красный альпийский волк – очень редкое животное. К сожалению, мне не удалось хорошо поохотиться: было опасно задерживаться в дороге и было необходимо беречь финансовые ресурсы, которых у меня осталось очень мало.

На этой почтовой станции я расплавил маленький кусочек руды и получил капельку олова. Руду я нашел случайно за день или два до этого в мощной жиле оловянного камня, которая протягивалась в граните. Очень важно напомнить, что это было первое открытие оло-

вянного камня в Центральной Азии, несмотря на определенные признаки, давно заставлявшие меня предполагать его присутствие здесь. В России олово добывают только в одном месте, в Трансбайкальском регионе, да и там в незначительных количествах. Это открытие в Семиречье могло быть очень полезным, если бы в моей несчастной стране имелось что-либо похожее на порядочное правительство.

Это был второй случай открытия полезного минерала во время моих вынужденных исследований. Первым – была золотоносная россыпь на берегу ручья в небольшой долине. В этом песке встречались и драгоценные камни, включая сапфиры. И я нашел пару кусочков великолепного топаза, которые взял с собой. Промывка в лотке пробы песка, взятого в верховьях, показала, что в этом месте есть довольно хорошее золото. В породах этого района часто встречаются жилы отличного асбеста. Когда-то местные жители ради интереса использовали его волокна при изготовлении шарфов и варежек. В одной из долин, недалеко от китайской границы, есть достаточные запасы киновари; я сам видел очень хорошие кристаллы, взятые отсюда. Какая же это богатая страна, где человек на бегу, спасая свою жизнь, может случайно споткнуться о различные месторождения руд и минералов!

Из Кара-Ункура мы выехали ранним утром следующего дня. Ночью было очень холодно, и земля покрылась толстым слоем инея. Сюда с трудом пробивались признаки весны. Ели еще не поменяли свой темный зимний окрас на яркую весеннюю хвою, кустарники с трудом начинали оживать, и трава только-только показалась, но зато кое-где было несколько высоко проросших тюльпанов с листьями, необычайно волнистыми по краям. Виды ущелья с очень красивыми скалами, лесом, с громадными отдельными елями и бирюзово-синим потоком были прекрасны. Недалеко от конца ущелья, на левом берегу, в огромной скале, была видна очень большая пещера. Известняк местами был желтого цвета. Ущелье превратилось в очень узкий проход среди величественных, словно рукотворных, живописных утесов. Отсюда открывался вид на широко раскинувшуюся степь, через которую вилась река, покрытая зарослями «чия» на выходе из ущелья. Многочисленные киргизские «мазары» поднимались поодиночке и группами, придавая местности странный, фантастический вид.

Вскоре мы остановились на почтовой станции Он-Арча (Десять можжевельников), в окрестностях которой немного порыбачили, а наши лошади попались. Почтмейстер, молодой татарин, который очень хорошо жил до революции, дал нам сеть, и за полчаса мы поймали несколько маринков, довольно крупного размера. Эта рыба очень хороша для еды, но икра и черные пленки внутри нее сильно ядовиты. Готовя эту рыбу необходимо соблюдать огромнейшую осторожность, чтобы ни одна из ядовитых частей не попала в еду, иначе последствия могут быть очень серьезными. Другие виды рыб этого рода (*Schizothorax*) водятся в озерах и реках Центральной Азии.

Когда мы уезжали в Нарын, почтмейстер и его брат пошли в верховья реки Он-Арча поохотиться на оленей, которых в этих горах было множество. Позже я очень сожалел, узнав, что мои знакомые были расстреляны большевиками, хотя и не удивился этому известию. Они были хорошими людьми.

Примерно через двадцать километров по волнообразному плато дорога пошла вниз по ступенчатому склону в долину Нарына, откуда открывался прекрасный вид на маленький городок с таким же названием, выглядевший живописно, как хорошенькая игрушка. Городок расположился далеко внизу, в плоской долине, имеющей высоту около 2000 метров над уровнем моря, окруженной с севера и юга высокими грядами гор. Дно долины сложено плотными конгломератами. Нарын – река очень глубокая, но не широкая, с прорезанными руслом вертикальными берегами, как будто прокопанными руками человека. В этой глубокой промоине река незаметна до тех пор, пока вы, спустившись в долину, не приблизитесь к ней.

Город Нарын до войны и революции, славился торговлей дикими животными, которая была начата здесь человеком по фамилии Неживов¹¹⁰, известным как русский Хагенбек¹¹¹. Он каждый год экспортировал отсюда в Германию караваны с отловленными животными. Дело было редкостным, и он был очень богатым человеком. Он построил себе прекрасный дом, окруженный самыми различными клетками. Когда я туда попал, клетки были пустыми, кроме одной, в которой находился великолепный «ирбис», или снежный барс (*Felis irbis*). Неживов намеревался продолжить свое дело вопреки большевикам, но этому не суждено было сбыться. В конце 1920 года, спустя пять месяцев после моего визита, его со своей семьей расстреляли. Двенадцатилетнего сына, который показывал мне снежного барса, расстреляли тоже. Даже барс был застрелен большевиками, которые прислали «карательную экспедицию» для уничтожения этого «буржуйского гнезда». Из всего европейского населения Нарына только двое престарелых мужчин избежали смертной участи.

Но во время моего визита несчастный город еще не подозревал об уготованной ему мрачной судьбе. Жизнь текла спокойно, во многом как и в прежние дни, и советской она называлась только большевиками. Даже ЧК была лояльной благодаря присутствию в ней киргизов и сартов, сдерживающих пылкое усердие коммунистов, присланных сверху.

Интересно, что практически всюду в Туркестане местные мусульмане – киргизы и сарты – проявляли гораздо больше человечности, милосердия и справедливости по отношению к жертвам коммунизма, чем русские, особенно латыши, евреи, и другие инородцы из европейской России. Эти люди, отвергнутыми своим коренным сообществом, а также отбросы мусульманского населения поступали в услужение Советам. Когда говорят о жестокости монголоидной расы – это определенный оговор, и хотя бы по отношению к тюркским народам высказывание неверное. Этот факт, несмотря на противоречия с общепринятым мнением, давно осознан ранними русскими поселенцами в Туркестане. Вместе с этим заблуждением мы должны отказаться и от другого, что Великая русская революция была бескровной и была начата кротким, добродушным и гуманным русским крестьянином.

Весь коммунизм в Нарыне заключался в «национализации» значительной части коров у киргизов и распределении животных между жителями, которые до этого ничего не имели. Цена за корову была три рубля за голову, в то время эквивалентным трем английским пенсам. Семьи с детьми получили по две или даже три коровы, но киргизы – добродушные люди и не питали злобы за такую «национализацию». В день моего прибытия в Нарын все взрослое население, с комиссарами во главе, отправилось по приглашению богатого киргиза в его аил, стоящий примерно в тридцати километрах от Нарына. Он отмечал поминки по своему родственнику, который был повешен четыре года назад за участие в восстании. Одним из главных развлечений на поминках были скачки на скорость с очень основательными призами. Первый приз – сто верблюдов, второй – сто лошадей-трехлеток, третий – четверть миллиона советских рублей. И, конечно же, не забыли поставить двадцать ведер самогона для православных гостей!

Дорога из Нарына спустилась сразу в ущелье, следуя значительное расстояние по его каменистому ложу вдоль небольшого потока. Тут и там по берегам стояли водяные мельницы. Это одно из самых примитивных сооружений во всей Центральной Азии и Тибете: на длинном деревянном валу устанавливались косо расположенные лопатки, на которые по деревянному желобу, направлялся поток воды – все это какая-то зачаточная форма турбины. На другом конце вала прикреплялся небольшой и обычно очень неровный камень-жернов. Ничего не может быть проще!

---

¹¹⁰ *Неживов Осип (Иосиф) Емельянович* (1859–1920) – крупный русский предприниматель, нарынский зверолов, организовал в 1912 г. питомник для разведения пушных зверей (красные волки, соболи, рыси, лисицы, барсы). Он являлся единственным поставщиком пушных зверей, травоядных животных, птиц и насекомых из Туркестана во все европейские зоологические сады, пополнял коллекции в музеях мира.

¹¹¹ *Карл Хагенбек* (1844–1913) – немецкий торговец животными, создатель первого в мире зоопарка в Гамбурге.

Потом дорога делала крутой поворот на запад, в маленькую долину, выющуюся вдоль глиняных холмов с травяным покровом, затем поднималась к возвышенному плато, покрытому красивыми крупными цветами желтого мака, с разветвленными стеблями и толстыми суккулентными листьями. Среди гор располагались приятные глазу луга, покрытые низкорослыми темно-зелеными, бархатистыми травами, известными как «бетеге», возможно, вида *Carex*¹¹², ценного своими питательными свойствами, сделавшие его важной пищей для лошадей, крупного рогатого скота и овец. На этих травах быстро откармливаются животные, восстанавливая утраченный вес после бескормицы, и лошади становятся сильными, упитанными и выносливыми, как на хороших овсах. Эти поля «бетеге» – наилучшие пастбища на Тянь-Шане и Памире. Даже зимой в сухом виде они – ценный корм для овец, и на них полуголодные животные быстро набирают вес.

Вдоль дороги мы нашли много великолепных съедобных грибов. Они росли группами под тонким слоем земли, которая слегка трескается, и грибы проталкиваются вверх. Шляпка у них подогнута внутрь, а пластинки на нижней стороне – розовые¹¹³. Собирая, я переполнил ими корзину. Потушенные в сметане, они были блюдом, достойным королевской кухни!

Дорога теперь несколько километров спускалась по длинному плавному откосу в долину Ат-Баши (Лошадиная голова), с очень пологими склонами, покрытыми «чием». На юге поднимался ступенями величественный темно-синий хребет с пиками, покрытыми снегами. Внизу под солнцем было тепло, и воздух был спокойный, с легким ветерком, но выше собирались темные облака, и небо выглядело угрожающим.

Долина Ат-Баши восхитительна. Когда смотришь из села с таким же названием на восток вверх по реке, то видишь долину, всю покрытую лесом и густыми зарослями кустарника.

Сельчане производят хорошее впечатление – это сарты и киргизы; несколько домов европейского вида заняты таможней, официальными учреждениями и мелкими лавками.

Ат-Баши во всей Туркестанской Автономной Советской Социалистической республике осталось единственным местом с действующим базаром, где еще можно свободно купить пару сапог, правда довольно плохого качества, но надо благодарить небеса и за это. Также можно приобрести меховую шапку, «мату» (грубый местный текстиль), овес, баранину, хлеб и многие другие товары, поэтому граждане «свободнейшей страны в мире» собирались здесь со всех областей Семиречья для продажи или покупки необходимых вещей.

Покинув городок, мы преодолели вброд быструю и довольно глубокую реку Ат-Баши. Это был весьма рискованный процесс, незадолго до нас там перевернулась повозка и женщина с двумя детьми утонула. По другую сторону реки, слева от дороги, стоял высокий массивный холм, увенчанный «мазаром» и мечетью. Наверх вела узкая тропа со ступенями, путь по которой был утомительным и трудным, но именно это действо для верующих было желанным и святым. Эта замечательная гора, видимая со всех сторон и издалека, придает еще большую красоту этой очаровательной долине.

В десяти километрах от Ат-Баши мы остановились на большом стойбище, принадлежавшем местному киргизскому «кази» или судье, который раньше был богат, но сейчас полностью razoren большевиками. Он был отстранен от дела, но до сих пор пользовался огромным влиянием и уважением среди местных жителей.

Недалеко отсюда река Ат-Баши с запада подпитывается притоком Кара-Каин (Черная береза) и, делая резкий изгиб на север, прорезает почти неприступное ущелье, устремляясь в Нарын.

---

¹¹² Типчак (*Festuca sulcata*) – кормовая трава.

¹¹³ Шампиньон (*Agaricus*) – род пластинчатых грибов.

Судья помог мне нанять проводника-киргиза с верблюдом, чтобы везти корм для наших лошадей, так как плато Чатыр-Куля и перевал Торугарт, как я слышал, были еще покрыты снегом, и травы там не было.

Вид стойбища судьи оставил угнетающее впечатление. Когда-то кази построил и полностью оборудовал здесь все по русскому образцу. Он уверенно оставил кочевой образ жизни, сменив его на жизнь оседлую, в полной уверенности в стабильности русской цивилизации. Сейчас же все имущество судьи превратилось в ненужный хлам. Одиноким и печальным хозяином сидел на пороге – он остался владельцем только собственной жизни. Это еще один пример спокойной, выдержанной натуры жителей этой части Азии. Если бы такое случилось в Центральной России, то мужики обязательно сравняли бы с землей все, а хозяина неминуемо убили. В этом далеком углу бывшей Российской Империи не было истинных большевиков, реальных коммунистов, действующих во имя доктрины Карла Маркса – «национализации» чужой собственности. Люди, разорившие богатого киргиза, были из тех русских, которые ловко использовали заманчивый лозунг, брошенный в толпу Лениным: «Грабь награбленное!». Какое-то время подобные люди цинично и открыто заявляли, что у них нет коммунистических идеалов, они просто воспользовались случаем. Их лозунгами было: «Наше время пришло!», «Почему бы не взять?», «Куй железо, пока горячо! Неизвестно, как долго это продлится, и мы можем снова оказаться в нужде!».

На самом деле Ленин и его прислужники не могли объяснить русским мужикам доктрину социализма, они просто дали толпе подходящий предлог и давно поджидаемый случай разнуждать инстинкт грабителей, их ненависть к цивилизации. Страсть к разрушению ради собственного удовольствия высоко развита среди русского народа, она порождала в нем гнев во все времена и везде, когда сдерживающей руке образованных классов не удавалось обуздать ее.

Стойбище было окружено лугами и выпасами для лошадей, внизу, везде на болотистых почвах, росли многочисленные белые и лиловые примулы. Когда я прогуливался перед самым заходом солнца, небо было безоблачным, кукушка в саду повторяла свою монотонную песню. На болоте слышался высокий, пронзительный свист песочников, чибисы взмахивали крыльями надо мной, издавая заунывный крик.

Мне было очень грустно. Даже в этом самом отдаленном углу, в этой приятной альпийской долине, ощущался водоворот краха и разрухи Российской Империи.

Долина реки Кара-Каин, через которую шел наш путь, была как бы продолжением долины Ат-Баши, но шла в противоположном направлении, на запад, плавно поднимаясь к Ак-Бейиту, и дальше продолжалась к перевалу Яссы. Этот перевал находится в Ферганском горном хребте и является естественной и простой дорогой от Нарына в Ферганскую долину. Низкие участки покрыты первоклассными пастбищами и многочисленными ирригационными каналами, сейчас заброшенными и сухими. Совершенно очевидно, что в недавние времена эти места были плотно населены жителями, занимавшимися сельским хозяйством.

Нам еще оставалось около пятидесяти километров до пограничного поста Ак-Бейит. Примерно в десяти километрах от того места, где мы ночевали, слева от дороги находятся развалины древнего китайского города¹¹⁴, с разрушенными стенами и старыми сторожевыми башнями. Местами все следы дороги исчезали. В одном месте наша повозка и лошади застряли в заболоченной земле. Мы тщетно пытались вытолкать ее. Только, разгрузив, мы вытащили ее назад, на твердую почву. Нам удалось это сделать, лишь прочно привязав веревку к задней оси, и так лошади тащили повозку назад. Нас все время сопровождало множество очень красивых маленьких трясогузок (*Rudites iranica*, Zar.), которые бегали и летали через болото. Это замечательная маленькая птичка с головкой, грудкой и шеей блестящего золотисто-желтого цвета, вся спинка у нее бархатисто-черная, а крылья – серые с белыми полосками. На фоне

---

¹¹⁴ Городище Кошой-Коргон в VII–X веках служила крепостью для тюркских правителей.

ярко-зеленых полей, еще с низкой молодой травой и пятнами золотистых тюльпанов вид этих маленьких живых птах был чрезвычайно эффектен, казалось, что такой фон был специально подготовлен для них, и я не мог сдержать слез от этой чудесной картины.

Поздно вечером мы остановились на ночлег в одной отдельно стоящей «юрте» – жилище киргизов. Хозяин, прекрасный старик, был необыкновенно вежливым и внимательным к нам. Я спал снаружи, и когда вошел утром в юрту согреться у огня, стал свидетелем трогательной сцены женской любви и преданности. Сын нашего хозяина крепко спал обычным киргизским способом, совершенно голый под шерстяным одеялом. Между тем его молодая жена, пользуясь случаем, ловко и увлеченно, вычищала его штаны от паразитов, кишаших там. Она производила эту операцию способом, очень эффективным и, как мне показалось, оригинальным. Женщина перебирала каждый шов и складку на штанах и зажимала их между своими белыми, сверкающими зубами, быстро покусывая.

Звук продолжительного сочного хруста был ясно слышен. Эта странная сцена напомнила мне слова Геродота – «скифы, которые едят вшей...»¹¹⁵. Как точно им был описан обычай предков киргизских племен двадцать два века назад! Этот маленький эпизод показывает, как рост наших познаний о мире избавляет отца истории от рассуждений педантов, которые обвиняли его в вымыслах и преувеличениях.

Ближе к Ак-Бейиту растительность исчезает; все, что остается – это разбросанные кое-где маленькие, низкорослые группы альпийских растений. Почтовая станция Ак-Бейит расположена при входе в маленькую долину, поднимающуюся к перевалу и к высокогорному плато Арпа. Там стоял отряд пограничных войск Красной армии, контролирующей вход и выход из «Совдепии».

Я специально задержал свой приезд на день, чтобы перевалить этот опасный пункт в праздник Троицы, когда большинство красных патрулей уйдет в село Ат-Баши, как обычно праздновать, а те, что останутся на посту, скорее всего, тоже будут пьяными. Мои расчеты оказались правильными. На посту остались только двое – татарин и киргиз, и оба неграмотные. Я показал им мой внушительный «мандат», специально выписанный для такого случая, позволяющий купить мне «мату» в самом ближайшем по возможности месте на китайской территории, документ, выданный Советом государственной экономики в Токмаке. В то же самое время я завоевал сердца постовых, дав им полбутылки настоящей, очищенной, отличной старой водки и полтора килограмма изюма, который здесь ценился очень высоко, вследствие невозможности достать сахар в районе. Красные воины, благодарно улыбаясь, пожелали мне приятного путешествия и успехов в моей миссии, попросив меня при возвращении привезти их женам и детям красивой, ярко окрашенной «маты» для шитья платьев.

– Наши женщины-сельчанки ходят почти раздетые! – восклицали они.

---

¹¹⁵ У Геродота не скифы, а «будины, суть народ кочующий и одни из всех народов страны сей едят вшей» 109, IV. «Будины суть народ великий и многочисленный, голубоглазый и красноволосый». Царство будинов соседствовало со скифами. Вероятно, усунь.

Глава XVII В одиночестве

Чувство необыкновенной радости и свободы охватило меня, когда был оставлен позади этот последний пост Советской России. Моя повозка продолжила свой путь к высокогорному плато Арпа и к озеру Чатыр-Куль. Снег местами был ровным, на нем виднелись следы диких баранов, лисиц и волков.

В долине Арпы, удивительно похожей на степь в Оренбуржье, тающий повсюду снег давал начало ручейкам. Мы остановились на ночлег при входе в ущелье Кара-Суу (Черная вода) у подножия скалистых холмов. Следующим утром я был разбужен звонкими криками золотистых казарок (*Casarca gutila*), стая которых обосновалась на вершине холма совершенно так, как куропатки. Эти утки гнездятся часто в абсолютно безводных местах, и, вероятно, здесь они нашли подходящее место. Я наткнулся на их гнезда даже в сухих, каменистых осыпях, но так как они питаются падалью, разделяя ее с хищниками и вороньем, лучше исключить их из съедобной дичи, да и мясо у них жесткое и волокнистое.

Дорога пошла в гору. Выше, справа над холмами, поднимался столб темных и угрожающих облаков, словно из кратера какого-нибудь вулкана. Это были испарения озера Чатыр-Куль (Озеро-покрывало)¹¹⁶. С холмов открылась широкая панорама обширной равнины, окруженной со всех сторон невысокими, но сильно изрезанными горами с зазубренными пиками. Небольшую часть этой огромной области водного бассейна занимало само озеро, имеющее длину около двадцати километров, а ширину примерно десять. Мы были на вершине основного перевала Тянь-Шаня на высоте около 3600 м над уровнем моря. К моему удивлению, вместо ледников, скал и утесов, с которыми ассоциируются подобные высоты, здесь была ровная долина, покрытая снегом и с холмами, которые трудно было назвать горами: вид, скорее, напоминал полярный регион дальнего севера. Лед на озере только-только начал подтаивать, что усиливало сходство.

Переход через эту арктическую долину был ужасным. Все пространство вокруг озера было покрыто глубоким, рыхлым, тающим настом, под которым была вода с потоками, часто достаточно глубокими, бегущими во всех направлениях. Казалось, что вода, снег и лед были перемешаны. Наши бедные лошади то вязли в мягком снегу, то тонули в воде и, погружаясь во все это и барахтаясь, они боролись из последних сил. Пришлось их распрячь и веревками вытаскивать повозку. В тех местах, где снега не было, они застревали в глинистой влажной

¹¹⁶ Чатыр – по-киргизски «палатка, крыша, навес». Возможно, озеро названо по огромному останцу Чатыр-Таш, имеющему вид жилища и расположенного в долине Ак-Суу.

почве, почти жиже. Азамат-бек и я все время шли пешком на пределе сил, оба мокрые по шею. Усталым лошадям было трудно тянуть даже пустую повозку, и я боялся, что мы останемся на ночь под открытым небом в середине этого ужасного пространства, в холоде и слякоти.

В одном месте мы застряли на целый час, вытаскивая наших лошадей и повозку. Обычные воробьи, заурядные домашние воробьи Туркестана (*Passer indicus*), увидев людей, взлетали и порхали вокруг нас так, как будто они в этой пустынной дикой местности встретили своих старых друзей. Это было необычно, так как воробьи не живут на таких высотах, места их обитания заканчиваются среди киргизских стойбищ, как и у зябликов, и, возможно, юрков. Я посочувствовал бедным птицам, залетевшим сюда из Ат-баши и потерявшим дорогу среди гор, а теперь порхающих от радости, снова встретив людей. Когда нам удалось выбраться, я швырнул им горсть ячменя.

На берегах озера мы встретились со стаей красивых, интересных гусей (*Anser indicus*)¹¹⁷, которые облетели вокруг нас дважды, изучая нас с пристальным любопытством, без сомнения удивляясь необычному феномену, который вторгся в их святилище. Вероятно, они никогда не видели раньше повозку с тройкой лошадей.

Было почти темно, когда мы вышли на перевал Торугарт. Метрах в пятистах в стороне было несколько низких строений, где жили две киргизские семьи. Слово «перевал» с трудом соответствует этому месту, здесь нет и признака подъема, и повозка легко катится по дороге.

Мы остановились у первой хижины, и в этом грязном, душном и темном жилище провели ночь, обсушились сами, высушили одежду и даже что-то поели. Поднялся буран и дул всю ночь с вихрями сухого, как песок, снега. Высота была более трех с половиной тысяч метров над уровнем моря, и даже незначительная физическая нагрузка давала почувствовать разреженность воздуха. На следующее утро мы оставили повозку и сели верхом на лошадей, уже двигаясь по китайской территории. Везде вокруг нас лежал снег. Примерно через десять километров подъема дорога стала постепенно спускаться вниз, в долину.

Поначалу дорога было очень хорошей, но потом стала сильно размытой, и даже легкая повозка, скатываясь вниз, в промоины, с трудом выбиралась обратно. Тем не менее, подводы из Кашгара и китайские «мапа»¹¹⁸, направлялись вверх, прокладывая себе путь в Ат-Баши.

Внизу снег уже сошел, воздух стал теплее. Спуск привел в начало широкой, ровной долины, где находилась китайская таможня. На ней были только сарты и киргизы, никаких китайцев не было видно.

Вдоль дороги, на склонах гор, было множество сурков серовато-коричневого цвета с черными хвостами. Они бегали парами и поодиночке, сидели столбиками и лежали у своих нор, иногда выбегали на дорогу и, бесстрашно рассматривая нас с настороженным любопытством, позволяли пройти рядом, всего в нескольких шагах. Казалось, что даже животные чувствуют себя более свободно и независимо на земле, где нет большевиизма. Сурок, как хорошо известно, залегает зимой в спячку, и теперь, выйдя из своего продолжительного сна, они были необычайно деловиты и активны. Эти маленькие, забавные существа обладают одной особенностью, чрезвычайно редкой для животных – они плачут, проливая настоящие слезы.

Как-то я видел сурка, загнанного собаками далеко от его норы. Не находя выхода к спасению, несчастный сурок прижался спиной к камню и короткими передними лапками вытирал слезы, которые бежали вниз по его маленькой мордочке. Все эти движения и позы делали его таким похожим на человека, он смотрелся совсем как маленький, напуганный ребенок. Я отогнал собак, которые не причинили ему вреда, только облаяли и сильно напугали зверька. Забавное маленькое существо быстро скрылось в своей норе. Там была его семья и, без сомнения, ждали детеныши.

---

¹¹⁷ Горный гусь, зимующий в Индии.

¹¹⁸ Китайские двухколесные экипажи.

К несчастью, человеческая алчность и капризы моды даже в таких отдаленных и пустынных местах все-таки достали этого безвредного зверька. Постоянное увеличение спроса на меха и совершенствование искусства выделки позволяют превратить обычную шкурку сурка в роскошное меховое пальто. А последствие – безжалостное преследование такого интересного животного. В некоторых частях России, например в Тургайской степи, местность всегда оживлялась сурками, но сейчас они истреблены самым жестоким и варварским способом. Охотники заливают их норы водой. Это заставляет сурков выскакивать наружу и их ловят, но беспомощная молодежь тонет в норах. Фешенебельные леди Европы и Америки, которые носят крашенные меха, сделанные из шкур сурка, должны знать, что из-за их манто эти несчастные зверьки проливают много горячих и горьких слез в глубинах гор Тянь-Шаня.

Местность вокруг китайского поста – типичная горная долина. Это верховья реки Туюк, которая бежит с легким уклоном вниз, в долину Кашгара к крепости Чокмак, прорезая последний хребет Тянь-Шаньской цепи. Из всех дорог, идущих в Кашгар из цивилизованного мира в Центральную Азию, дорога в Кашгар – самая лучшая, самая удобная, самая короткая, самая легкая и самая дешевая, и нетрудно будет преобразовать ее в хороший тракт, который свяжет железнодорожную систему Европы с самым сердцем Центральной Азии.

Мы провели ночь на китайском посту, а утром я объяснил Азамат-беку, что не вернусь в Семиречье и уйду в Кашгар. Я дал ему сопроводительное письмо, что он, ездовой с двумя лошадьми и повозкой, отправляется мною назад, в Токмак, «вследствие недостатка корма для лошадей». Я сделал ему прекрасный подарок: вручил свои высокие охотничьи сапоги, которые привели его в неопишуемый восторг, так как в это время граждане самой прогрессивной и свободнейшей страны в мире ходили почти босиком.

Пока Азамат не скрылся, я провожал его взглядом. Так я остался один, без напарника, и на меня нахлынул ужасный приступ депрессии. Была перерезана последняя нить, связывающая меня с землей моих отцов, я остался совершенно один в далекой, чужой стране, среди незнакомых людей. Трудно было представить то, что я пережил, но еще труднее – то, что меня ожидало. Утешали только мысли о свободе и спасении от советского рабства, поэтому уверенность и спокойствие вернулись ко мне.

Я взял верхового киргиза в проводники и двинулся на китайский пограничный пост Кызыл-Курган (Красная крепость), контролирующей въезд на китайскую территорию.

Дальше, к югу, горы по сторонам долины реки Туюк становились все выше, в одних местах они расходились, образуя широкие равнины, а в других сходились к берегам потока. Местность была безлюдной и безжизненной, без травы, кустарников, деревьев, только голые скалы, осыпи, гравий и песок в русле реки, вдоль которой мы следовали. Сама река вилась среди галечных наносов.

Весь регион был чрезвычайно интересен для геолога. Путешественнику по Центральной Азии, пришедшему сюда из Русского Туркестана, первыми бросались в глаза следы бурной вулканической деятельности в третичном периоде и связанное с нею поднятие этих горных массивов. Горы сами по себе состояли из красных железистых песчаников мелового или третичного периода. Огромная толща этих пластов смята в различных направлениях, и местами они залегают вертикально. Очевидно, они были подвержены мощным горообразовательным напряжениям. Слои этих осадочных пород прорваны внедрениями базальтовой лавы, во многих местах сформировавшей громадные сплошные массивы значительной мощности и протяженности. Под влиянием выветривания базальты местами приобретают вид осадочной породы, или становятся рыжими от окислов железа. Нигде в русском Туркестане, Семиречье, Памире, Бухаре или в Транскаспийском регионе нет таких своеобразных следов вулканической деятельности.

Влиянию современной деятельности вулканов в Центральной Азии на горообразовательный процесс уделяли большое внимание на протяжении долгого времени, виной этому, воз-

можно, были подземные пожары пластов угля, дающие дым и пар с запахами серы, нашатыря и других продуктов горения. До сих пор такой пожар горит около города Кучара в восточной части Китайского Туркестана, где, согласно поверью китайцев и других местных жителей, пребывает в огне несгораемое животное – дракон, а некоторые утверждают, что это крыса гигантских размеров, в мифах такое несгораемое животное зовется «огненной саламандрой».

Знаменитый путешественник и геолог Фердинанд Столичка¹¹⁹ стал первым европейцем, посетившим долину Туюка в семидесятых годах XIX века. Он описал в деталях остатки древнего кратера – сому – с вулканическими шлаками и пеплом, виденным им в одном из мест долины Туюка. Я дважды проехал через эту долину, но не смог найти каких-либо следов древнего кратера, хотя интрузии базальта в песчаники, огромные слои лавы и здесь, и в других частях этой местности были многочисленны. Происхождение всех этих феноменов наблюдаемого мною горного рельефа и обнажений обусловлено исключительно эрозией. Описание потухших вулканов около озера Чатыр-Куль имеется на старых картах и в книгах по географии. Но, конечно, эта вулканическая активность относится к отдаленному времени третичного периода и не имеет ничего общего с современными вулканами. Как мы увидим позже, в центральной части долины Кашгара, на северном краю пустыни Такла-Макан, есть остатки огромного вулкана, тоже третичного периода.

Мы ехали быстро, стремясь достичь Кызыл-Кургана до темноты и переправиться через реку Суёк, которая протекала мимо крепости. Вечером вода основательно поднималась из-за таяния снега в течение дня, и переправа становилась невозможной.

Мы проехали сорок километров без остановки и в сумерках вошли в широкую и крутую долину реки Суёк. Хотя Суёк намного больше, чем Туюк, но после их слияния река носит название Туюк и течет в Кашгарскую равнину, где ее воды разбираются по ирригационным каналам.

Недалеко от реки стоял маленький дом-крепость, построенный из красного камня и окруженный со всех сторон величавыми, крутыми скалами и утесами красноватого цвета. За фортом расположилось типичное киргизское кладбище, такое характерное для долин Тянь-Шаня. Мазары были также сложены из красного камня или глины. Место соответствовало названию, так как все вокруг было красным, хотя, слава Богу, политически страна была «белой» и большевизма, к счастью, здесь не было.

Общая атмосфера казалась мрачной, унылой и производила печальное впечатление из-за дикости и безжизненности местности. Не было ни травы, ни кустарника, ни даже какой-нибудь зелени, везде были только голые камни или гравий.

На крыше форта стоял высокий китаец, в длинном черном плаще, который смотрел немигающими глазами на русского, прибывшего с севера, из ужасной страны большевизма и коммунизма.

Киргиз-полицейский выехал к нам навстречу и пересек реку, показывая лучшую и безопасную переправу.

– Кто вы и зачем пришли сюда? – спросил китайский служащий, довольно хорошо говоривший по-русски, когда я спешил и поприветствовал его.

– Я не могу пропустить вас дальше, для этого я должен спросить разрешения Тао-Яня – губернатора Кашгара, – продолжил он, когда я объяснил ему, почему таким способом пришел в Китай.

– Прежде всего, пойдете попьем чаю, – добавил он доброжелательно, – а потом посмотрим, что мы можем сделать.

---

¹¹⁹ *Столичка Фердинанд* (1838–1874) – палеонтолог Венского геологического института, в 1862 г. был приглашен в Индию, совершил путешествия в Тибет, в Кашгар и в Тянь-Шань. Был сторонником теории Гумбольдта о современном вулканизме в Центральной Азии.

Маленький двор внутри форта и две скромные комнаты, в которых жил этот китаец, поразили меня чистотой и опрятностью, все киргизские полисмены и китайская обслуга удивили меня своей дисциплинированностью и респектабельностью – две вещи, о которых надолго забыли в России.

Перед дверью на стене были наклеены официальные бумаги на китайском языке, понятные, конечно же, только коменданту форта. На обеих сторонах двери были выразительные эмблемы китайского правосудия, понятные абсолютно всем, – две длинные, довольно широкие и гибкие палки с ручками. Сотни и тысячи ударов ими могут щедро раздаваться гражданам Китайской Республики за дискредитацию власти.

Стакан за стаканом я пил чай, настоящий ароматный китайский чай, подслащенный сахаром, какой не пил много долгих дней; длительный, трудный путь и разреженный воздух вызвали во мне отчаянную жажду.

Выбеленные стены комнаты были завешены китайскими газетами из Шанхая с объявлениями и заметками на английском, радовавшими мои глаза, как доказательство того, что я достиг границ цивилизованного мира. Хвала, и слава Богу! Теперь я был в «буржуйской стране» и на самом деле выпутался из этого деспотичного, мрачного, герметично запечатанного склепа – страны коммунизма.

На стенах передней комнаты висели боевые винтовки, стволы и замки которых были тщательно обернуты синими тряпками. Там же висели шкуры лисы и волка, а на полу была парочка весьма хороших медвежьих шкур. Комендант форта, с согласия таможни, дополнял свой оклад мехами, шкурами, а еще, как я позднее узнал, опиумом.

Мы припозднились этой ночью, каждый занимался своими собственными документами под тусклым, дымным светом моей последней свечи. Я написал прошение Тао-Яню, прося разрешения войти на его территорию, а также письма к русскому и английскому консулам, пока китайцы искусно выводили свои иероглифы кисточкой, давая отчет о моем прибытии, описывая мою персону и запрашивая разрешение о пропуске меня в Кашгар. Посыльного отправили на моей лошади, так как полицейские лошади были далеко отогнаны вследствие нехватки корма. Если моя лошадь останется здесь, то и для нее не найдется корма. Я дал посыльному немного денег, наказал кормить животное и давать ему отдых в дороге.

На следующее утро уровень воды в реке упал, но все равно невозможно было ее переехать, и посыльный не смог покинуть форт до следующего дня. Все это время бедная лошадь находилась без какой-либо пищи, кроме кусочков хлеба, которые я ей давал.

В это время в Кызыл-Кургане установился наихудший сезон года, голодный и беспокойный. Все зимние запасы были съедены, свежая трава еще не появилась, и киргизские лошади были отогнаны дальше, к югу. Привезти провизию и фураж из Ат-Баши было невозможно. В старое время это регулярно осуществлялось, теперь же несколько киргизов попытались пройти туда и поплатились своей жизнью. У меня остался еще небольшой запас продуктов. Китайский обычный обед состоял из вареного риса и специфических консервных заготовок; окорок дикой свиньи, убитой мной под Пишпеком, успешно сохраненный и завезенный так далеко, пришелся очень кстати. Он был *pièce de resistance*¹²⁰ в нашем скудном рационе. Какую благодарность я испытывал к моим добрым пишпекским хозяевам, которые предусмотрительно приготовили для моего путешествия такой замечательный продукт!

Окрестности выглядели унылыми и угнетающими. Дикие, зловещие горы вокруг состояли из массивных пластов красных песчаников, залегающих с перерывом на чередующихся слоях из железистого, белого и кварцевого гравийника. Пласты были смяты в крутые складки, надвинутые и искривленные, местами стоящими вертикально с фантастически зазубренными очертаниями вершин. Внизу, на нескольких клочках земли, как огромная щетина, торчали

---

¹²⁰ Основное блюдо в меню (фран).

голые, сухие стебли «чия», макушки которого были объедены скотом. Выше, на вершинах скальных хребтов, я смог разглядеть немного стланиковой «арчи» (*Juniperus pseudosabina*). И это все.

Погода соответствовала угрюмой обстановке Кызыл-Кургана. Облака лежали низко, все время дул холодный, пронизывающий ветер, тоскливо завывая вокруг крепости. До Кашгара было двести километров, и я уже тянул здесь восемь дней, длинных, отчаянно скучных и утомительных, на этом пустынном пороге обитаемого мира, ожидая ответа китайского губернатора.

Комендант форта не давал даже маленькой надежды на благоприятный ответ. Было необычно слушать его, когда он говорил по-русски, ведь китайцы произносят «р» как «л» и вместо «ш» говорят «с», так что на их губах наш мелодичный московский говор звучит, как лепет ребенка.

– Почему вы не возвращаетесь в Ташкент? – спросил он меня. – Сейчас все холосо там.

– Что там хорошего?

– Сейчас там нет болсе война. Сейчас везде болсевики, везде покой . . . и власти не захотят плопустит вас челез Касгал. Нас Китай нейтлален . . . , – так уговаривал меня этот наивный сын Поднебесной республики.

Мои сердце и душа были опустошены. В тревоге я размышлял о своем дальнейшем пути в том случае, если получу отказ о следовании через Кашгар. Читать здесь было нечего. Я проводил время в прогулках по окрестностям, исследуя скалы, пытался измельчать и промывать конгломерат, содержащий большое количество кварца, в надежде найти золото. Я подолгу разговаривал с киргизами-полицейскими. Они рассказали мне, что они не умеют стрелять, и оружие им не дают.

– Когда это необходимо, офицер показывает нам, как надо держать ружье и стрелять из него, – так мне рассказывали эти весьма своеобразные солдаты.

И еще они задавали мне множество странных вопросов: «Не священник ли я? Могу ли я поднять одной рукой лошадь?»

– Мы думаем, ты должен быть очень сильным человеком, – говорили они, – ты выглядишь, как «батыр»¹²¹.

– Можешь ли ты убить горного козла из своего ружья, если тот будет стоять на вершине вон той горы? – и они указали на скалу, что была на расстоянии полутора километров отсюда.

Эти странные жандармы не имели официальной формы; они одевались так же, как другие киргизы, только когда было какое-нибудь торжество, они накидывали сверху синие безрукавные жакеты из холста с большими белыми кругами на спине и с какими-то китайскими иероглифами. Это превращало их в официальных служащих, но нельзя было утверждать, что эти жакеты придавали им военный вид.

Я смотрел завистливыми глазами, когда жандармы получали свое жалованье. Его выдавали в серебряной валюте, и составляло оно около шести фунтов стерлингов. В наших советских деньгах – около восьмидесяти тысяч рублей или больше двухгодичного оклада инженера. Курс обмена советских денег был ужасно низкий: за тысячу советских рублей гражданин «самой прогрессивной и свободнейшей страны в мире» здесь мог получить две жалкие, мелкие медные китайские монетки!

Животная жизнь здесь была очень скудна. Кроме нескольких альпийских клушиц и скальных голубей, вся птичья жизнь, как я увидел, была представлена несколькими жаворонками (*Otocorys alpestris*) и несколькими чеканами (*Saxicola*).

Иногда в окрестностях киргизы добывали свинцовую руду, которую они плавил, продавая свинец китайскому офицеру, который давал этот свинец киргизским охотникам, прино-

---

¹²¹ Соответствует русскому слову богатырь, полумифическому герою русских сказаний. (Прим. Павла Назарова).

сивших ему горных козлов и баранов. Но в данный момент из-за скудости пищи даже эти дикие животные были так худы, что были почти несъедобны.

Наконец, после долгого и мучительного ожидания прибыл посланный, привезя мне ясный ответ от Тао-Яня в форме категорического отказа допустить меня на китайскую территорию, бывшей нейтральной, и дружески советовал вернуться «домой», в свое «отечество».

Мышление китайца устроено совершенно иначе, чем у всего остального человечества, законы логики и обычные человеческие чувства ему абсолютно чужды.

Мое письмо британскому консулу вернулось распечатанным. Очевидно, послание прочитали и посчитали излишним передавать адресату, а письмо к русскому консулу возвратили нераспечатанным с таким пояснением, что в Кашгаре давно нет никакого русского консула. Специальным приказом Тао-Яня давался строгий выговор коменданту форта Кызыл-Курган за допущение русского на китайскую территорию, и был дан приказ отослать меня с вооруженным сопровождением назад, до русской границы, дана и специальная инструкция о моем разоружении, конфискации моего ружья, о котором, очевидно, комендант не умолчал в своем рапорте начальству.

На это последнее требование мой ответ был тверд – ружье я никому не отдам, если они попытаются взять его у меня силой, буду сопротивляться и открою огонь.

– Холосо! – вежливо уступил комендант и больше не настаивал.

Это было жалкое возвращение в свое «отечество». Негодник-киргиз, который сгонял на моей лошади в Кашгар, как я сразу же определил, загнал ее. Несколько рахитичных, старых кляч, которые с трудом передвигали ноги, были присланы коменданту и его жандармам, чтобы из них сформировали мой эскорт. Среди лошадей был только один приличный красавец – карабаир из Ферганы – прекрасная специальная порода лошадей в Туркестане, полученная от скрещивания между арабскими жеребцами и киргизскими кобылами. Формально это был боевой конь «мингбаши» – должностного лица, ответственного за несколько сел, сейчас конь был страшно худым, но все еще энергично шагающий. Благородная кровь животного сказывалась даже в этих зловещих горных пустынях.

Я вспомнил рассказ русского контрабандиста, участвовавшего в опиумной торговле из Кашгара, которого я как-то консультировал о дорожных секретах.

– Для этих поездок, – говорил он мне, – мы берем самых сильных выносливых лошадей, каких только сможем достать. Ведь мы проезжаем громадные расстояния через горные пустыни без какого-либо корма, и в конце поездки даже лучшие кони превращаются в скелеты, они бывают такие голодные, что сжевывают друг у друга гривы и хвосты!

Все время дул холодный, пронизывающий ветер; и сухой колючий снег, закручиваясь, сек лицо и глаза. Тяжелые, низкие облака покрывали небо, и, казалось, поглощали все. Север, куда мы теперь ехали, казался темным и угрожающим. Я был жалок и угнетен всем этим, мои надежды на спасение рухнули, впереди был неизбежный исход – пытки и смерть в лапах советских властей, горе близких и дорогих мне людей.

Что я мог сделать?! Как я мог изменить свою судьбу? Мой мозг работал с высокой степенью напряжения, анализируя ситуацию, но я ничего не мог придумать, не видел никакого выхода. Куда я мог уйти и что мог сделать в этой холодной, безжизненной горной пустыне? Такой пустыни, где в разреженном воздухе каждое движение давалось с усилием, а человек становился слабым и вялым, как будто при сильной стадии анемии.

На половине пути, когда мои сопровождающие остановились дать лошадям передохнуть, я почувствовал, что моя бедная лошадь шатается, и едва успел соскочить с седла перед ее падением. Бедное животное было крайне измотано и не могло пронести меня больше ни на один метр, тогда я пошел пешком, ведя ее в поводу.

Мой эскорт ушел вперед в надежде добраться до человеческого жилья и укрыться от слепящего снега. Меня оставили одного с моей несчастной лошадейю, которая тащилась все

медленнее и медленнее, не выдерживая темпа даже моих шагов. Потом она зашаталась и опять упала на землю. Я увидел, что пришел ее конец. Глаза у нее закатились, и из них побежали слезы.

Вытащив последнюю оставшуюся у меня лепешку, я дал ее лошади, но бедное животное уже не могло жевать, для нее это было также трудно, как жевать камень. Пришлось растереть лепешку в руках и покормить лошадь крошками. Потом я попытался найти несколько сухих травинок, которые она жадно взяла. Это была смерть от голода и истощения. Я искрошил последний кусок хлеба и отдал ей. Потом вернулся один из киргизов, приведя мне другую лошадь. Я попросил его посмотреть за моим животным, и если оно сможет подняться после небольшого отдыха и идти, то привести его в ближайший аил.

Но даже и на этой новой лошади я не мог ехать дальше, ее шаг становился все медленнее и медленнее, и вскоре я опять пошел пешком, ведя ее в поводу. Буря, метель, снег становились невыносимыми. Лошадь тянула меня назад, разреженный воздух, ветер и холод останавливали мое дыхание. Временами снежный вихрь закручивал так жестоко, был таким слепящим, что я боялся потерять тропу, остаться на ночь в открытом месте и замерзнуть насмерть.

Было совсем темно, когда я, прилагая все возможные усилия, добрался до таможенного поста, смертельно усталый, избитый снегом и голодный. У меня не было ни крошки во рту с самого утра, фактически я представлял собой развалину, моральную и физическую.

Ночью подъехал киргиз, привезший мне седло, и сказал, что моя лошадь умерла. На следующее утро, когда я вышел из хижины, он показал мне на нескольких собак, появившихся черт знает откуда, бежавших в том направлении, где лежала мертвая лошадь.

– Все собаки округа сейчас возле туши. Они знают очень хорошо, где лежит падаль, – объяснил киргиз.

Как собаки могли узнать об этом, ведь до того места, где я оставил лошадь, было добрых пятнадцать километров!

За ночь выпало много снега, было очень холодно, хотя это было девятое июня. Но сейчас мы как будто были в полярном регионе с арктическим климатом. Эскорт проводил меня до русской границы и, к моему огромному облегчению, оставил меня здесь, так как китайский офицер и киргизские жандармы решили, что лучше будет не идти до Ак-Бейита, который был в семидесяти километрах, а дорога вокруг озера Чатыр-Куль была трудной и опасной. Это спасло меня от встречи с красными пограничниками.

Я был оставлен на перевале Торугарт и нашел приют в нищей палатке старого киргиза с семьей, в семистах метрах от той хижины, где я провел ночь на пути из Ат-Баши.

Глава XVIII Отчаяние

Мое положение теперь было таким безнадежным, что хуже не могло быть: ни лошади, ни других транспортных средств, чтобы уехать куда-нибудь, и еще, к несчастью, мои финансовые ресурсы полностью подошли к концу. Я реально не мог придумать какой-либо способ выхода из моего отчаянного положения. Огромная высота, которая принуждала делать с усилием каждое движение, также притупляла нервные процессы, я впал в глубокую меланхолию и уныние.

Природа словно нацелилась довести человека до отчаяния. Утром солнце иногда выглядывало на короткое время, и давало передышку от снега, но после обеда буран начинался снова. Метель продолжалась целую ночь. Горизонт был все время закрыт низкими свинцовыми облаками. От поверхности озера Чатыр-Куль, как из огромного кратера, вздымалась колонна черных, страшных облаков, которые направлялись к нам, окутывая все одеялом из бурана и снега, наполняя мою душу мраком и отчаянием.

Лачуга, с щелями в стенах и дырявой дверью, не защищала от такой погоды. С топливом было трудно, очаг чадил, наполняя воздух едким, удушливым дымом. Все было грязным и разбитым. Старый киргиз, владелец лачуги, был очень добрым и искренним малым, гостеприимным, насколько это было в его силах. Видя мое безнадежное положение, он сочувствовал, говоря, что скоро на этой дороге пройдут контрабандисты, которые смогут провести меня тайно через посты красного пограничного патруля и укрыть в долине Ат-Баши, где я смогу легко спрятаться в хвойном лесу.

– Тогда, возможно, ты сможешь найти кого-нибудь, кто доставит тебя контрабандой в Кашгар, минуя и красные, и китайские пограничные патрули. Есть такие тропы, по которым идет опиум через Кара-Теке-Даван (Перевал черного козла), через ущелье Юрта-Суу и через земли сарыбагышей¹²². Только обо всем заботься сам и не доверяйся им; они ужасные бандиты, часто грабят и убивают путешественников. Конечно, ты будешь идти ночью, но и днем не будь простаком, – так он говорил мне.

– Но, чтобы не случилось, не отчаивайся, – прибавил этот добрейшей души человек. – Кудайга саламыс! (На все воля Аллаха!)

У меня появилась маленькая надежда, но все-таки казалось, что только чудо может спасти меня из такого безвыходного положения.

¹²² Название одного из киргизских родов (рыжий лось).

Бедный старик! Ему тоже достались свои испытания. Он был очень несчастен в семейной жизни, чему я стал невольным свидетелем. Семья его состояла из первой жены, уже пожилой женщины, сына лет двадцати и второй очень молоденькой жены, которой было едва ли лет пятнадцать. Пожилая женщина явно было истеричной, сварливой старой каргой. Она все время осыпала оскорблениями мужа, часто бросая в него предметы, которые оказывались у нее под рукой, и ловко попадала. Она была способна на вспышки настоящего бешенства, которые мог утихомирить только сын. Старый человек сносил эти вспышки стоически и терпеливо. Но однажды она и его все-таки вывела из равновесия, и старик ударил ее изо всех сил, что сразу успокоило разбушевавшуюся мегеру.

Особая ее злоба была направлена против молодой жены. Та по возрасту была чуть старше ребенка и являла собой робкое, забитое, униженное существо. Все кричали на нее, били, заставляли делать самую тяжелую работу. Если сильно холодало и разыгрывалась метель, старая женщина посылала ее за водой, и когда несчастная замерзшая девочка открывала дверь лачуги с полным ведром, старуха могла вытолкать ее снова за дровами, валявшимися снаружи, или заставляла девочку вырывать с корнем старые стебли травы, ломать колючие ветки кустарника и прочее. Жалкая постель несчастной была пригодна только для собаки.

Она стелила ее в углу около двери и закутывалась в жалкое тряпье. Если девочка протягивала свои замерзшие пальцы к огню, то вызывала взрыв бешенства и брани у старой карги.

Однажды поздно вечером, когда все укладывались спать, а за юртой дул холодный, пронизывающий ветер, старой ведьме ударило в голову начать особенно дикую атаку на девочку; швыряя в нее все, что попадало под руки, она пыталась выгнать ее из лачуги. Старуха ругалась, осыпая проклятиями мужа и его молодую жену. Как виноватая, напуганная собачонка, девочка сжалась в своем углу, тихо всхлипывая. Но, когда старуха в припадке маниакальной ярости кинулась на свою запуганную жертву, ее сын не выдержал и так толкнул свою мать, что она перелетела через комнату и, упав на пол, затихла. Ночь и следующее утро прошли мирно.

Один раз, когда в хижине никого не было, я предложил несчастной девочке лепешку и горсть изюма. Быстро осмотревшись вокруг, она осторожно, как дикое животное, робко подползла ко мне, выхватила предложенную еду и умчалась из хижины, чтобы спрятаться где-нибудь среди камней и съесть этот небольшое угощение кусочек за кусочком.

Это примитивное существование и сцены семейной жизни жителей Торугарта напомнили мне сказки нашего детства о Золушке и ее злой мачехе. Различие было в том, что герои сказок не были покрыты паразитами и не пахли так дурно, как эти реальные жители гор. Детские сказки всегда имеют счастливый конец, а эта бедная маленькая Золушка из действительной жизни, видимо, не дождалась своего принца до страшного суда. Ее дни, вероятно, печально закончатся гибелью от холода и голода.

Такое депрессивное окружение, собственное неопределенное положение, холод и недостаток пищи постоянно возвращали меня мысленно в прошлое, в Пишпек, теперь такой далекий, к моим добрым хозяевам, где я комфортно жил, где природа была такой богатой и щедрой, где сейчас после яркой весны земля находилась в полном расцвете лета. Это был полный контраст с моим нынешним положением, с арктическим районом, с буранами и примитивными людьми, приютившими меня. Такая жизнь, как у меня сейчас, наверное, была в Европе во время великого оледенения. Здесь на собственном опыте я понял, что стремление человечества покорить высоты имеет свои пределы. Среди лютого холода и мертвых пустынь возможна жизнь только примитивного человека.

Сидя в этой хижине целыми днями, я задавался вопросом: какую пользу можно извлечь, прогуливаясь поблизости в затишье между буранами? И я развлекал себя исследованием скал и нашел среди песчаников в небольших количествах слои глинистых сланцев и два пласта угля.

Иногда солнце пробивалось сквозь облака, и тогда вид Чатыр-Куля был внушительен, впадина дикая и мрачная, эффекты игры теней облаков были странными, фантастическими.

Однажды откуда-то из-за гор поднялось перед нами невероятно огромное, черное, угрожающее облако, которое разразилось громом и градом.

Дни шли, и каждый прожитый день уменьшал мою надежду даже на случайную удачу вырваться из этого ужасного места.

Наконец, однажды вечером сквозь завывания ветра мы услышали скрип шагов по снегу. Мой хозяин вышел и привел пару киргизов-контрабандистов, а позже еще двоих. С ними было пять верблюдов, тяжело нагруженных товаром из Кашгара. Они согласились взять меня с собой и провести через границу до лесов Ат-Баши. На следующий день после полудня, к моей невыразимой радости, я покинул эту несчастную обитель!

Обычная непогода разгулялась вовсю, покрывая нас тяжелым, влажным снегом, мешавшим видеть дорогу. Только в одном месте я разглядел, что мы движемся вдоль красивых, серых с белыми прослоями мраморов.

Потом мы спустились к озеру и объезжали его по восточной стороне. Берега были низкими и очень топкими, поэтому мы делали широкие обходы, чтобы не увязнуть в болоте. Мои компаньоны рассказали, что часто здесь путники теряют тропу в буране и погибают в болотах вместе с лошадьми и скотом.

Мы пересекли русло потока, который когда-то вытекал из Чатыр-Куля в долину реки Ак-Сай и впадал в реку Таушкан-Дарья – приток великой реки пустыни Такла-Макан – Тарима, теряющейся в таинственных болотах Лоб-Нора. Сейчас Чатыр-Куль не имеет этого истока.

Ближе к вечеру мы достигли подножья гор на северном берегу озера и остановились при входе в ущелье Таш-Рабат в жилище, построенном из камней.

Следующее утро было чудесным и ясным, с легким морозцем. Солнце светило ярко, бросая глубокий голубой свет на свободную ото льда часть озера, и стая диких гусей плавала вдоль берега. Было видно, что весна пришла и сюда. Далеко на севере, в нижних разливах реки Чу, такая весенняя пора прошла в начале марта, здесь же весна наступает на три месяца позднее. Теплое время здесь очень коротко. Зеленая трава показывается в июле, и тогда киргизы пригоняют сюда ненадолго свои стада. В конце августа уже начинаются морозцы с инеем. В сентябре озеро постепенно покрывается льдом.

Дорога около шести километров шла через ущелье с известняками и сланцами, а дно его было завалено гранитными валунами, часто значительной величины. То тут, то там на земле валялись рога диких баранов, очевидно, остатки волчьих обедов.

Несмотря на холод и лежащий повсюду снег, меня мучила жажда. Состояние странное. Я часто страдаю от этого в горах, хотя обычно в дороге я не особенно чувствую жажду и легко переношу ее в сухих, жарких пустынях Туркестана, но здесь, наверху, в этой альпийской местности, среди снегов, я сильно мучился от жажды.

Подъем к перевалу Таш-Рабат был очень крутым, но не опасным и не особенно трудным. Перевал и окружающие его высоты были покрыты вечными снегами. Река Таш-Рабат прокладывает себе путь вниз, на равнину, по длинному и крутому спуску среди обрывов, вырываясь как бы из гигантской воронки, образованной горными склонами. Над перевалом небо было глубокого темно-синего цвета, почти черного, в то же время далекий горизонт был светло-голубым – и это выглядело очень эффектно. В ущелье появилась зеленая трава, и ее становилось все больше по мере нашего спуска. Было странно, что северная сторона, вопреки обычному правилу, была теплее, чем южная, и весна здесь продвинулась дальше.

В нижней части ущелье, расширяясь, выходило в долину. Дальше мы выехали на широкую равнину, окруженную со всех сторон горами и покрытую яркой зеленой травой.

У подножия гор на другом берегу реки, бывшей уже довольно широкой, были руины какого-то древнего замка¹²³. У него были величественные и широкие ворота, через которые

---

¹²³ Караван-сарай Таш-Рабат – памятник средневековой архитектуры, сооруженный в XV веке на древнем караванном

я смог увидеть несколько маленьких двориков. С северной стороны строения возвышалась высокая круглая башня с окнами. Она была построена из необычного вида плит, выглядевших, словно бетонные. Все строение поросло кустарником и травой, а на арке недалеко от башни росло хорошего размера дерево. Очевидно, много веков стоит это необычное сооружение, но время не смогло одолеть эти крепко построенные своды и стены, выглядевшие сейчас неотъемлемой частью горных утесов. Внутри стен этого строения было сорок или более келий, темных и мрачных, заполненных пылью столетий. Кто построил эту удивительную крепость, когда, и зачем? Она не похожа ни на какие другие древние или современные строения во всем Туркестане. Почему здесь было положено так много усилий и мастерства в этом отдаленном месте, среди пустынных гор, так далеко от жилищ людей и основных путей сообщений? Кто возвел эти массивные стены и своды, когда вокруг не было ничего, ни тогда, ни сегодня, кроме нескольких палаток и юрт кочевников? Что хранили под сводами этой громадной башни? Много вопросов возникло в моей голове при взгляде на внушительный памятник архитектуры далекого прошлого.

– Это, тахир, Таш-Уй (Каменный дом), – объяснили мне мои киргизские друзья. – Но кто и когда его построил, мы не знаем. Но это были не мусульмане. Киргизы считают это плохим местом и боятся оставаться здесь на ночь.

Широкая долина, окруженная со всех сторон горами, была прекрасной декорацией для этих замечательных руин, и все вместе представляло чудесную картину, совершенно не похожую ни на что в Туркестане. Невозможно было выбрать место искуснее, чем именно здесь. По некоторым признакам я склонен был думать, что это древний буддийский монастырь периода «Гондваны»¹²⁴, но ни стиль, ни характер не напоминают современные монастыри Тибета и Китая. Мне показалось, что в нем есть зачатки мавританского стиля¹²⁵.

Дальше мы повернули от главной долины налево и поднялись на холм без какой-либо тропы, потом спустились в сухое ущелье и остановились в ожидании темноты. Ночью мы поехали вправо через холм и вниз, прокладывая путь к Ат-Баши.

Когда рассвело, мы обнаружили, что стоим на берегу реки Кара-Каин. Здесь мы отдохнули на киргизском стойбище после успешного преодоления всех опасностей, связанных с переходом границы. Я снова очутился на территории Советской Социалистической республики под управлением диктатуры пролетариата, и опять пришлось держать глаза широко открытыми и соблюдать величайшую осторожность.

Река текла здесь между высокими и крутыми берегами, состоящими из рыхлых конгломератов. На левом берегу был комплекс из четырех ирригационных каналов, построенных один над другим с совершеннейшим мастерством, снабжающий водой долину, расположенную ниже.

Внизу было жарко, солнце сильно пригревало. Склоны холмов были усеяны огромным количеством низкорослых фиолетовых ирисов, растущих рядом с какими-то одиночными белыми цветами. Золотистые казарки (*Casarca rutila*) гордо выступали по бархатно-зеленым влажным лугам, а там, где трава была еще низкой, из-под ног лошадей вспархивали песчаные куропатки. Маленькие ястребы-пустельги парили в воздухе, высматривая на земле добычу, и в это же время среди кустов и веток около потока я наблюдал сверкание блестящих ярких хвостов и белые головки какого-то вида горихвосток (*Phanicurus* sp.), низко летали стаи галок (*Colaus monedula collaris*). Всюду жизнь была ключом, и все в природе было наполнено возду-

---

пути из Семиречья в Кашгар.

¹²⁴ Фантастическая цивилизация, якобы существовавшая на гипотетическом суперматерике Гондвана, объединяющем почти все континенты Земли.

¹²⁵ Архитектурный стиль, сложившийся первоначально у испанских и сицилийских арабов в VII–VIII вв., характеризующийся аркадами, куполами и богатым геометрическим орнаментом.

хом весны, что было ярким контрастом пасмурному и холодному миру, который мы покинули только предыдущим вечером.

Я испытывал огромное облегчение и чувствовал, как расправляется моя грудь. С трудом верилось, что только один день пути отделяет меня от горных долин, где до сих пор бушуют бураны и природа еще пребывает в зимней спячке.

Мы сделали большой крюк, обходя холмами поселок Ат-Баши, и вошли в густую чащу на берегу реки. После брода через эту удивительно прозрачную, чистую воду по дну из мозаичной гальки мы въехали в лес с большими деревьями и быстро достигли деревянного домика лесника. Он был одним из наших, белых, казачий офицер, перворазрядный конник и «джигит» – ловкий наездник. Здесь под видом лесника он скрывался от ЧК. Нужно сказать, что этот прекрасный парень, храбрый офицер и страстный патриот, был расстрелян большевиками вскоре после моего ухода вместе с женой и маленьким ребенком.

В этом интересном уголке я провел целый месяц. День-деньской я гулял по лесу, возвращаясь в домик лесника только на ночь. Моя пища состояла из хлеба, молока, масла и рыбы. Коровы паслись на тучной траве влажных лугов и давали нам молока в изобилии, а искрящаяся воды ручья, что бежал через лес, были полны форелью. Мы все вместе строили на ручье маленькую запруду из вязанок хвороста, а утром находили дюжину, или даже больше, прекрасной форели.

Обильная растительность Ат-Башинской долины обязана высокой влажности. Многочисленные снежные пики Ат-Башинского хребта задерживают влагу, принесенную атмосферными потоками с запада, как принято говорить, из Атлантики. Эти потоки проходят, сберегая влагу, и над жаркими пустынями Западного Туркестана, и над горячей Ферганской долиной, низвергая ее здесь, на эту холодную высокогорную долину.

Лес состоял из лиственных пород и выглядел, как парк, с величественными, старыми деревьями, стоящими порознь, с группами кустарников на берегах ручьев, с зелеными лугами мягкой травы, полными цветов. Эта растительность протянулась на пятнадцать километров на восток до ручья Богушты, где сменялась горными хвойными лесами. В лесу было множество тополей, часто покрытых галлами и наростами, кусты шиповника, боярышника, барбариса, мелколиственной ивы. Часто кустарники и деревья были покрыты от вершины до корня лианами клематиса. На лугах цвели ирисы, ятрышник, герани, примулы, и были целые поля, покрытые крупными и нежными незабудками. Берега речек и ручьев густо заросли облепихой (*Hippothoe rhamnoides*) и тамариском необычного вида: цветы его в форме белых коротких и толстых гроздьев росли прямо из ствола, вместо тех прелестных, розовых, легких, как перышко, соцветий на концах светлых стеблей, которые придают такую грациозную невесомость обычному кустарнику.

Но беда подкарауливает четвероногих, если они оказываются в этих зарослях по берегам потоков. Со всех веточек и сучьев на незваного гостя сыплются сотни и тысячи маленьких клещей, которые внедряются в тела и пьют кровь до тех пор, пока не превращаются в большие, толстые шишки размером с ягоду крыжовника. Даже человеку трудно избежать этих отвратительных паразитов, если он войдет всего на несколько метров в эти заросли, будет не осторожен и не заметит их. Единственные живые существа, которые равнодушны к клещам, – это зайцы, которых в этих местах множество. В глубине леса и по берегам открытых потоков клещи не встречаются.

На южной стороне долины горный хребет круто поднимается, склоны и ущелья покрыты зеленью, но на остроконечных вершинах лежат вечные снега. Вершины обычно скрыты легкими, белыми облаками, а лесистые лощины часто затянуты густым туманом. Все это создает чудесную игру света и тени. Горный пейзаж в одно мгновение из темно-синего цвета переходит в фиолетовый, еще мгновение – и он становится ярко-зеленым, сверкающим под лучами солнца. Около пиков часто разыгрываются сильные грозы с ливнями, которые довольно часто

достигают нашей долины. В западном направлении взгляд упирается в громадные массивы горных цепей, за зубчатые вершины которых садится солнце.

Чарующая красота леса, чистый, прозрачный горный воздух, свежий, здоровый климат, с бодрящими морозами зимой и мягким нежарким летом, яркое солнце, роскошная растительность и обилие животного мира – все это делает долину Ат-Баши одним из самых восхитительных уголков Туркестана. Он расположен на значительной (около 3500 м) высоте над уровнем моря.

Не было лучшего времени, чем то, когда я блуждал часами по лесу или сидел на берегах ручьев и упивался их естественной красотой. Вода этих потоков истекла из первородных источников. Она необыкновенно чиста и прозрачна. Слово полированные, блестят на дне камни, а подводные травы и серебристая пятнистая форель видны так, как будто они лежат на поверхности воды. Над ручьями склоняются красные колокольчики кендыря (*Arosunum venetum*), украшающие своими грациозными стеблями края берегов. Над головой сидит выводок серых сорокопутов в ожидании матери, приносящей им еду. Пара пятнистых дятлов упорно трудится над стволом старого тополя, алые дубоносы перелетают среди низкорослых ив, и все время туда и обратно ныряет стрелой в поток оляпка (*Cinclus kashmirensis*). Как-то мельком я заметил здесь очень редкую для Туркестана птицу – *Trochalopteron lineatum*¹²⁶. Серые цапли сидят на деревьях, на весь лес слышится воркованье диких голубей и монотонный голос кукушки. Раньше здесь было множество фазанов, но холодная и снежная зима 1918–1919 годов их уничтожила. Птичье население долины Ат-Баши богато и разнообразно, это очень интересное место для орнитолога.

Косуля водится здесь в изобилии, но самое распространенное животное – это заяц. Они везде и всюду; слишком самоуверенные в отношении с человеком, они и платят за это дорогую цену. Однажды вечером, незадолго до захода солнца, я наблюдал на одном месте не менее четырнадцати их особей. Семиреченский заяц значительно меньше своего европейского собрата, но он более бесстрашный, его нельзя обвинить в робости. Он часто заходит прямо в городские сады. Мой друг в Пишпекке однажды стрелял в такого зайца прямо со своей веранды, промахнулся, но это совсем не испугало храбреца. Вернувшись снова на следующий вечер, заяц забрался в птичник и перепугал там цыплят. Обычный туркестанский заяц (*Lepus lemani*) отличается от семиреченского окраской, он более голубоватого, нежели красновато-серого цвета и с черной полоской на хвосте.

Особенно многочисленны здесь галки и сороки. Сороки – очень наглые и дерзкие птицы. Если какое-нибудь несчастное животное, чаще лошадь, имеет болячку на спине, то стая этих птиц садится на нее и упорно расклеивает рану. Довольно часто лошади, пасущиеся здесь, заклеиваются до смерти, потому что не способны согнать прочь своих мучителей. Трудно представить, что сороки могут заклевать до смерти такое большое животное, как лошадь, но это факт, и такие случаи хорошо известны местным жителям горных долин Семиречья.

Лис тоже здесь много, иногда встречается серебристая разновидность с очень красивой шкурой. Говорят, что чем нежнее цвет меха, тем он ценнее.

Вечерами я любил слушать тюрюканье перепелок и крики коростелей, голоса которых напоминали вечера в полях и лугах моей родной России, они были совершенно чужими здесь, в Туркестане, где перепелка – только переселенец, и ее голос слышится только в клетках на базарах, а коростель совсем не известен. И в то же время есть заметное различие между звучанием голосов одних и тех же птиц в России и здесь, в Семиречье.

Долина Ат-Баши, как и все горы Тянь-Шаня, населена горными киргизами или каракиргизами, которые в настоящее время сами себя называют «кыргыз», в отличие от степняков

---

¹²⁶ Полосатая тимелия – певчая птица, обычный житель Гималаев.

Туркестана, Сибири и Оренбургского края, называющих себя «казах», в прежние дни они были известны как «киргиз-кайсаки».

Язык горных киргизов частью отличается от того языка, на котором говорят степняки, и явно – от сартского диалекта; я сначала столкнулся с некоторыми трудностями в понимании языка, пока не научился использовать эти различия. Кара-киргизы – потомки древних саков¹²⁷, игравших немаловажную роль в персидской армии царя Дария во время его вторжения в Грецию. И сейчас самый многочисленный род кара-киргизов называется саяки¹²⁸. В древности они сформировали население горных районов Туркестана, которые были частью обширных территорий Персидской империи. Интересно отметить, что различные рода кара-киргизов могут быть различимы по характеру и форме женских головных уборов, которые часто огромны и очень сложны в исполнении.

Весьма удивительно, как быстро киргизы передают новости, без какой-либо почты или телеграфа. Эти кочевники имеют особые способы узнавания и пересылки новостей, интересующих их, которые они могут передать даже быстрее, чем телеграф. Однажды вечером, например, лесник рассказал мне, что киргизский телеграф – «узун-кулак» (длинное ухо), как они сами называют его, – принес новость о мятеже в гарнизоне Верного – главного города Семиречья.

– Мы не знаем точно, что там делается сейчас, – говорили киргизы, – но надеемся, что Аллах поможет восставшим.

Несколько дней подряд шел непрерывный дождь, сопровождавшийся грозами, а потом наступила ясная, солнечная, прекрасная погода, оживившая весь лес. На полях расцвел синий лен и иссык-кульский корень (*Aconitum napellus*). Это очень ядовитое растение с плохой репутацией. Если посидеть короткое время рядом с этими красивыми темно-синими цветами, то можно получить сильную головную боль. Корень, высушенный и истолченный в порошок, является страшным ядом, который содержит в себе значительное количество аконита, алкалоида такой ядовитости, что доза 0,004 грамма вещества обычно смертельна для сильного мужчины. Немало мусульман – коренных жителей Туркестана и России, – быстро отправляются на тот свет с помощью этого растения, поднесенного предательской рукой. Оно имеет то преимущество, что в случае смерти человека причина гибели не может быть установлена. Женщины Семиречья отработали оригинальный способ избавления от нежеланного мужа или недруга задолго до отпущенного ему природой срока и без каких-либо улик. Делается это так: настоем корня смачивают что-нибудь из нижнего белья, сушат, гладят и дают надеть после бани, когда поры кожи максимально открыты. Яд всасывается в кровь, жертва заболевает и через два-три месяца испускает дух самым обычным мирским способом.

Интересно, что здесь в Семиречье, это растение развивает совершенно особую ядовитость. Если его пересадить в другую местность, например в Ташкент, оно потеряет свои ядовитые свойства и превратится в милый декоративный цветок, который является не такой уж редкостью и в садах западной Европы.

Другой ядовитый цветок, растущий здесь, – морозник (*Helleborus niger*). Он известен по его большим, красивым цветам, похожим на рождественскую розу. Настой его корней используют для того, чтобы травить собак. Почему именно это обычное лекарственное средство специфично используется человеком для избавления от своего меньшего друга – неизвестно. Два других очень ядовитых растения я так и не смог идентифицировать. У одного цветок, как большой темно-синий колокольчик, достаточно его запаха, чтобы вызвать головную боль и головокружение. Другое имеет маленький белый цветок на тонком стебле, идущем из толстого корня,

---

¹²⁷ Среднеазиатское скифское племя.

¹²⁸ Киргизское племя. Саяки в описании Ч. Ч. Валиханова распространяли свои кочевки на юге о. Иссык-Куль до Сон-Куля, рек Нарын, Кочкор-Ата и Джумгал.

растение часто вызывает заболевание и даже смерть у лошадей и крупного рогатого скота, когда те при выпасе поедают его вместе с другой травой. Компенсация за распространение здесь опасных растений – полное отсутствие змей и ящериц, а вот жаб здесь предостаточно.

На горных плато и в долине Ак-Сая – первоклассная охота на крупную дичь. Козлы бродят стадами, доходящими до тысячи голов. Дикая баран тоже распространен и даже встречаются медведи. Последние живут в пещерах, которые многочисленны в известняках этих хребтов. Некоторые из этих каверн обширны и образуют внутри множество галерей и провалов. Эти «пещерные» медведи достигают огромных размеров, но не отличаются лютой жестокостью или храбростью. Киргизы, вооружившись свечой и «мыльком» – примитивным кремниевым ружьем, дерзко входят в эти подземные берлоги, чтобы застрелить медведя. Войдя в темную пещеру, охотник осторожно продвигается, заглядывая во все укромные уголки. Когда сверкнул глаза животного отблеском от света свечи, охотник идет прямо на пораженного от изумления зверя, который, как правило, остается без движения и тарачит глаза на феномен света в его мрачном логове. Человек опускает свечу на землю, садится рядом с ней, ставит ружье на сошки, спокойно и неспешно прицеливается медведю между глаз и стреляет. Охотники редко промахиваются, но даже если результат выстрела не стал фатальным для медведя, ничего страшного не происходит – эти медведи необычайно спокойные и даже робкие. Конечно, человек должен сохранять невозмутимость и не терять присутствие духа, когда идет на подобную охоту, особенно учитывая сложность зарядки такого примитивного ружья. Сама зарядка требует нескольких минут, а ведь даже такие флегматичные существа, как эти медведи, теряют терпение.

Такие медведи обычны в пещерах долин по эту сторону Памира. Мне не повезло: я не встретился ни с одним из них, и не было возможности заполучить череп. Я видел только их шкуры, огромные по размерам. Было бы интересно узнать: это наш обычный центрально-азиатский медведь (*Ursus leucopух*) или какой-то другой вид, возможно, прямой потомок пещерных медведей, с которыми первобытный человек Западной Европы так упорно боролся за владение подземными жилищами.

Глава XIX

Последняя попытка

Правительственный инспектор, некто Венедиктов, однажды завернул в Ат-Баши как представитель Правительства рабочих и крестьян. Он принуждал богатых киргизов, которые еще не были полностью ограблены большевиками, заплатить ему «контрибуцию» в несколько миллионов рублей и сотен овец. Сам Венедиктов, конечно, не был ни большевиком, ни даже сочувствующим их коммунистическим идеям.

– Я тоже хочу жить, – заявлял он открыто и цинично.

– Коси коса, пока роса, все время, пока продолжается эта свобода. Я был лишь сапожником при старом режиме, и я опять буду сапожником, когда все это закончится... А пока повеселюсь! – так говорил этот последователь великого ленинского лозунга «Грабь награбленное!» моему другу леснику, к которому он пришел узнать, где скрываются киргизы со своими стадами.

Не так легко было найти киргиза-проводника, который бы согласился рискнуть – тайно провести меня в Кашгар, минуя русских и китайских пограничников, тем более что денег у меня не было.

Неожиданно в горах начался сильный снегопад и сход лавин, и все перевалы были закрыты, кроме Ак-Бейита, на котором красные патрули были усилены. Пограничные заставы на всем протяжении границы укреплялись только что прибывшими отрядами Красной армии.

В начале июля снег на перевалах начал сходить, и я нашел опытного и находчивого проводника – киргиза по имени Турсунбай, – ходившего в Кашгар не один раз с контрабандистами опиума и потому хорошо знавшего дорогу и все хитрости увертывания от пограничников с обеих сторон. В случае благополучного перехода в Кашгар оплатой должна была стать моя последняя сохранившаяся ценность – золотые часы, стоившие тогда около двухсот тысяч рублей.

Тогда же от моего друга из Нарына я услышал тревожные вести о том, что местный исполком получил сведения из Верного о местонахождении «организатора разбойничьих банд в Фергане», скрывающегося где-то в этом районе. В инструкции предлагалось предпринять самые активные действия к поиску этого врага советской власти. К счастью, у меня уже все было готово к отбытию.

Три дня шел непрерывный дождь. Река Ат-Баши превратилась в широкий бурный поток, местами шириной до одного километра, с непокорными массами мутной воды, вскипающей грязной пеной. Броды исчезли, и когда потоки воды, казалось, уже смывали горы, пришел Турсунбай и сказал, что это самый подходящий момент трогаться в путь.

– Все сейчас будут сидеть дома, – объяснил он. – Красные солдаты будут отдыхать и пить. Аллах поможет нам перебраться через реку, и никто не увидит нас на дороге.

Мы вышли. Нам пришлось скрываться в сумерках среди береговых зарослей, через которые мы передвигались довольно долго в поисках подходящего для брода места. Шел сильный дождь, и плотный туман висел над долиной.

Было удивительно, что наши лошади без колебаний вступили в поток, который волнами несся вниз. Холодная, пенная масса воды и грязи охватила нас. Здесь вода была не выше лошадиных ног, но сильное течение поднимало уровень воды передо мной, как перед запрудой, и она достигала моих колен. Были моменты, когда поток полностью покрывал мою лошадь, тогда и я оказывался в воде по пояс, и вокруг ничего не было видно, кроме коричневой массы бурлящей воды. Дождь продолжал лить. Безнадежно было пытаться управлять лошастью, я положился на ее чутье, и она сама следовала за другой лошастью, двигавшейся впереди.

Наконец мы приблизились к противоположному берегу, где, казалось, все пронеслось мимо нас, а наши лошади будто стояли на месте – такая иллюзия возникает при переходе вброд широкой и быстрой реки. В таких обстоятельствах самое лучшее – поступить так, как сделал я: дать лошади идти самой, удерживая повод в руке только на тот случай, если она споткнется. Хорошо подготовленная лошадь знает гораздо лучше, чем человек, как вести себя в такой ситуации, но если ваше животное не готово к этому, то лучше не выезжать из дома.

Ближний берег был крутым и высоким, поэтому мы проехали довольно длинный путь по течению, прежде чем смогли найти место, чтобы выбраться на твердую землю. Такая переправа вброд чрезвычайно опасна. Если лошадь споткнется и упадет, течение понесет ее вниз, и всадник, будьте уверены, погибнет, но если вы все-таки избежали такой опасности, то никогда не забывайте, что подобное может произойти и в менее сложном случае.

Мы ехали всю ночь, и дождь не прекращался. Было так темно, что только по звуку копыт я мог догадываться: едем ли мы по твердой земле, траве или болотине. Рассвет захватил нас в скрытом ущелье вблизи от нескольких полуразрушенных киргизских жилищ, где мы нашли приют, чтобы обсушиться, немного поесть и выспаться перед трудностями следующей ночной езды.

Въезжая ранним утром в скалистое ущелье, чтобы скрыться в нем на весь день, мы вдалеке заметили двух всадников, очевидно патрульных с поста Ак-Бейит. Чтобы избежать их, мы ехали очень долго по каменному дну ущелья, маскирующему наши следы, и проникли по нему вглубь, насколько это было возможно.

Следующая ночь была для нас критической – мы обходили горами пограничный пост Ак-Бейит, откуда красные патрули, выслеживая контрабандистов, выезжают даже ночью. Мы избрали свой путь по вершинам гор над самым постом. Далеко внизу виднелись огни казарм и слышался отдаленный лай собак. Но мой проводник – очень опытный и находчивый контрабандист, можно сказать, настоящий «горный волк» – в полной темноте умело выбирал дорогу, и наши лошади шли то по мягкому песку, то по траве, и звук копыт не выдавал нас.

Утром напряжение сменилось облегчением. Опасность миновала. Мы отдыхали под тенью огромной скалы на зеленом альпийском лугу, оживленном большим количеством белых и розовых маргариток. У нас было легко на сердце, и стая альпийских галок кружила над нашими головами, как бы приветствуя нас своим веселым посвистыванием. Три ворона влетели в ущелье и уселись на камне недалеко от нас.

– Застрели одного для меня, – попросил Турсунбай.

– Зачем? Выстрел может выдать нас, да и к чему тебе этот ворон? – удивленно спросил я.

– Если ты съешь глаз ворона, то зрение станет таким сильным, что сможешь увидеть даже Мекку, – ответил Турсунбай совершенно серьезно.

Я улыбнулся и покачал головой. Его зрение было удивительной остроты и не нуждалось в усилении. Он видел невооруженным глазом лучше, чем я в цейсовский бинокль, казалось, он был способен отлично видеть даже в темноте.

Итак, я в третий раз пересек советскую границу, чувствуя уверенность, что теперь успешно покидаю пределы «Совдепии» и определенно навсегда прощаюсь с империей коммунизма.

А пока какие-то киргизы поднялись снизу на лохматых огромных яках и предложили нам превосходный кумыс.

Потом мы медленно въехали в большой аул, протянувшийся через величественную долину Арпы, где жили какие-то родственники Турсунбая, и поменяли наших лошадей на свежих. Дальнейшая дорога лежала через безлюдные, сухие и каменистые горы китайской территории, и нам требовались свежие, сильные, хорошо откормленные животные, иначе наше путешествие могло продолжиться на собственных ногах, как это уже случилось со мной.

В ауле мы были в абсолютной безопасности. Киргизы ненавидели большевиков и никогда бы нас не выдали. Здесь было холодно, дул резкий северный ветер, и все носили меха. Мы встали на постой в большой юрте, принадлежавшей почтенному седобородому старику и его семье.

В юрте был дикий козленок, привязанный внутри клетки. Киргизы часто ловят и приручают их. Козлята не могут следовать за своей матерью в течение нескольких дней после своего рождения, и в случае опасности они «застывают», залегая с поджатыми ножками среди камней или в норе совершенно неподвижно, их очень трудно заметить. Совсем иначе у архаров: через пару часов после их появления на свет ягнята становятся такими шустрями, что их не поймать. Охотники идут, крадучись, за стадом, выслеживая матку, готовую родить ягненка. Они долго лежат в засаде, а потом вскакивают и хватают только что рожденного малыша. Домашние овцы и козы вскармливают их своим молоком, и юные существа быстро привыкают к своим приемным матерям и к людям. Горный козел-подросток будет «застывать» в любом случае, если у него нет других способов спастись, и лежать, прижавшись к земле, совсем как заяц. Преследуемые собаками, они иногда запрыгивают на скалу и стоят там спокойно, без какого-либо особого внимания к человеку с ружьем, который может в этом случае подобраться достаточно близко.

На Памире киргизы и таджики для охоты на горного козла и архара имеют специальных гончих собак, имеющих уникальное чутье и способных охотиться по запаху. Они очень полезны при преследовании раненых зверей, особенно архаров, которые выдерживают большие заряды свинца и, даже раненые в брюхо, могут бежать далеко и долго. Гончие собаки высоко ценятся на Памире, в противоположность обычным мусульманским традициям местные охотники держат их в своих юртах, хорошо кормят и заботятся о них.

Киргизы, у которых мы остановились, были очень зажиточными. Вдоль круглых стен юрты у них стояли ряды сундуков, обтянутых кожей, покрытых различными орнаментами. Груды ковров и подушек лежали на сундуках, а стены были увешаны вышитыми коврами.

После чая наш хозяин спросил меня:

– Где сейчас Белый Падишах, Белый царь Николай?

– Он и вся его семья – царица, их дочери и сын – убиты большевиками, – ответил я.

Старый человек глубоко вздохнул, опустил на мгновение голову, а потом спросил меня:

– А вы белой или черной кости? Вы один из людей николаевского режима?

– Да, конечно, – ответил я. – Я ненавижу и презираю большевиков.

Старик взял меня за руку и сильно пожал ее. Я почувствовал трепет его руки. Он начал моргать, и слеза скатилась по его щеке, все остальные члены семьи зарыдали, женщины громко стонали, потом в юрте установилось молчание.

Я был глубоко тронут этой сценой. На далекой границе Российской империи, в глубине горных твердынь, семья кочевника оплакивала трагическую смерть своего Белого Паши – так звали русского царя в Центральной Азии.

Обстановка в юрте, предметы и украшения напомнили мне ушедшие годы юности в Оренбургских степях. Все было почти так же, как и у киргизов в моем краю; и не было никакой разницы, нахожусь ли я на высоте в три тысячи метров над уровнем моря в горах Тянь-Шаня или сию на берегах Урала в юрте старого киргиза, знакомого мне с детства. Даже окружающая местность не сильно отличалась от холмистых степей Оренбургского края, и погода напоминала мне начало апреля у нас дома.

Киргизские кочевья рассеяны на бескрайних просторах Азии, их своеобразная культура и обычаи развивались тысячелетиями жизнью в свободной и открытой степи и были едиными с пространством и временем. Номады свободно, по своему желанию передвигались по равнинам, наслаждаясь ими, как бескрайним морем, и ничто не препятствовало им перемещаться от Тянь-Шаня в степи Сибири, Урала или Волги.

Эта свобода и подвижность номадов выработали у них своеобразную культуру, характер и образ жизни. Они сыграли очень важную роль в истории Азии, еще не оцененную историками и недостаточно изученную. Кочевники глубоко повлияли на судьбу России; и даже Западная Европа, без сомнения, не избежала их влияния. Жгучие пески Египта, долины Месопотамии и Палестины (мириады всадников Гога и Магога), Индии, России и Центральной Европы, даже Шалонская и Каталонская долины Франции, Эллада и Рим, – все видели предков наших сегодняшних киргизов, хотя и под разными именами, такими как скифы или массагеты, гунны, половцы, кипчаки, куманы, печенеги, аланы, татары и так далее. Везде их вторжения оставили следы, не только разрушительные; иногда они меняли вектор исторического развития и влияли на кровь, язык, характер, поведение и обычаи народов, с которыми они входили в контакт. Как норманны в свое время распространили свое влияние на культуру Запада, используя морские просторы, так же и номады степей Азии сделали то же самое на Востоке. Широкий пояс травянистых равнин, протянувшийся вдоль старого континента, дал рост особому типу номада – тюркам и их неразлучному товарищу – степному коню, оказавшим огромное влияние на судьбу оседлых народов и цивилизации в целом.

Все дальние вторжения и «переселения народов» были возможны вследствие единственного фактора, до сих пор игнорируемого историками, – степных лошадей. Они обладают самыми ценными качествами, такими как преодоление усталости, бесконечной выносливостью, силой и способностью к длительной и тяжелой работе с питанием только на подножном корме, тогда как другие породы лошадей на это не способны, будучи зависимыми от наличия зерна. Эти выдающиеся качества степной лошади были широко использованы великими военными лидерами Азии – Чингисханом, Тамерланом и другими¹²⁹, – что объясняет секрет их успеха.

Пределы достижений и завоеваний бесчисленных орд Азии зависели не от силы сопротивления подчиненных народов, не от их армий – они определялись лишь пределами распространения влажных травянистых лугов, холодным дыханием севера и тропической жарой долин Индии, которые были губительны для киргизской лошади.

Теперь наша дорога снова лежала к озеру Чатыр-Куль и перевалу Торугарт. Несмотря на то, что местность вокруг была зеленой и по ней были разбросаны поляны с ирисами и тюльпанами, шел легкий, сухой снег, и сильный ветер кружил его вокруг нас. Это продолжалось до самого полдня, пока мы не перевалили через небольшую возвышенность и не спустились к озеру Чатыр-Куль. Здесь снег исчез, лед на озере уже полностью растаял, вокруг с трудом пробивалась зеленая жалкая травка среди сухостоя прошлого сезона. Побережье озера было болотистым и напоминало арктическую тундру. По берегам были разбросаны кучи высохших

---

¹²⁹ См. Иванов "О военном искусстве монголо-татар" – малоизвестная, но чрезвычайно интересная работа, и две мои статьи "The Scythians Past and Present" "Edinburgh Review" July 1929, pp.108–122, and "The Sons of Gog" "English Review" March 1930 (Прим. Павла Назарова).

водорослей, выброшенных волнами, и огромное количество гуано, указывающее на то, что стаи гусей во время осенней миграции постоянно здесь отдыхали. Несколько песочников какого-то вида летали над болотами, возможно, прибыв сюда для гнездования.

Полярный характер местности был особенно ярким в это время года. Здесь, на высоте около трех с половиной тысяч метров над уровнем моря, мы обнаружили не альпийские условия, обычные для таких высот, а типичную арктическую тундру, где только северный олень мог бы дополнить картину. Вместо оленей мы видели яков, которые имеют сходство с другим арктическим зверем – мускусным быком. Фактически это объясняется тем, что эта часть Тянь-Шаня состоит из высоко поднятых долин, разделенных относительно невысокими гребнями, возвышающимися, как лестничные ступени, одна над другой. Здесь нет складчатых образований земной коры, таких как в Альпах и на Кавказе. Здесь то, что геологи называют пенепленом – высокогорной равниной повторного поднятия, равниной, сформированной в результате эрозии, а затем и полного разрушения древних горных сооружений, которые сейчас поднимаются снова. И когда эти равнины вновь будут эродированы, на их месте образуется настоящий горный рельеф. Между прочим, это характерно только для долин с высоко поднятой поверхностью, ограниченной невысокими хребтами. Структурно-это не типичные горные плато, какие занимают большую часть Тибета. Поднятый на высоту разреженного воздуха и холодных атмосферных потоков этот регион представляет точно такие же климатические условия, как и на Крайнем Севере, отсюда и его сходство с полярными районами. Проще говоря, здесь современный ледниковый период, и только недостаток влажности предотвращает от формирования громадных ледников или сплошного ледяного панциря. Без сомнения, и в современную геологическую эпоху, в голоцене, ледники достигали громадных размеров. Это доказывается бесчисленными огромными моренами и широко распространенными ледниковыми отложениями в речных долинах. Такое увеличение или уменьшение ледников повторяется через определенные промежутки времени. Это напрямую подчинено периодическому увеличению выпадения осадков в этом регионе или циклическому поднятию или опусканию местности, и все указывает на то, что ледниковые периоды в разных частях земли были обусловлены в свое время совершенно такими же поднятиями регионов на большую высоту в зону холодного и разреженного воздуха. Я очень рекомендую всем, кто серьезно интересуется проблемой оледенения, нанести визит в этот регион, где нет предела для экстремально интересных и важных наблюдений в динамической геологии.

Мы провели ночь на Торугарте в той же самой хибарке, где я останавливался в мой первый визит сюда. Ветер дул всю ночь, сыпался мелкий, сухой снег. Утро было ясным и солнечным, но очень холодным. Ручей, сбегавший вниз с Торугарта, был покрыт тонким льдом.

Здесь мы покинули дорогу и повернули прямо на восток. Мы ехали долго по вершинам холмов, избегая ущелий и оврагов, спустились вниз к широкой, возвышенной предгорной равнине, простиравшейся далеко на восток, где увидели крутой мыс, окончание маленького хребта, и перевал Терек, и начали спускаться в верховья реки Кашка-Суу.

Долина постепенно понижалась и расширялась, мы въехали в абсолютно сухое русло реки. Высокие берега из красного песчаника были вертикальными, как стены искусственного канала. Дно состояло из чистого песка, плотного и даже как будто укатанного, и на нем во множестве росли высокие, прямые, с широкими и круглыми листьями стебли дикого ревеня. На плоских берегах была маленькая травка, и на ней здесь и там виднелись куртинки какого-то вида желтых, розово-лиловых и голубых альпийских цветов, низкорослых, с плотно прижатыми друг к другу толстыми стеблями, как будто они боялись поднять головки и группировались вместе, сохраняя тепло, – форма растительного сообщества, хорошо известная всем альпинистам.

Русло реки становилось все шире и шире и вскоре достигло просторной, открытой равнины, где протекала река Чокмак-Таш (Огненный камень). Здесь мы остановились на вер-

пине песчаного холма, перекусили и решили выбрать дальнейшее направление. Две дороги были открыты для нас: одна – вниз по Чокмак-Ташу через перевал Кара-Теке, перевал Черного козла, где был большой китайский пост, его невозможно было обойти; другая – через территорию сарыбагышей, имевших очень дурную репутацию, и далее через перевал Урта-Суу, где не было поста. Но там мы могли быть замечены и атакованы сарыбагышами, которые могли нас ограбить и убить. Обе долины выходили к перевалу Урта-Суу через узкое ущелье, которое нельзя было миновать, где всегда был пост китайских солдат, охраняющих дорогу днем и ночью. Начальник поста Абдулла-Бек был хорошо известен своей строгостью и жестокостью.

Итак, как перед героем старой русской сказки, перед нами лежали две дороги, открытые для нас и обе в равной степени опасные и ведущие к беде. Мы могли выбрать любую, я был за второй вариант, доверяя своему ружью и приличному запасу пуль. Но Турсунбай был за первую дорогу, убежденный в своей ловкости и умении пройти ночью через любое препятствие.

После долгой дискуссии я согласился с ним, полагаясь на его опыт, и мы начали спуск по реке к перевалу Кара-Теке.

Чем дальше мы продвигались, тем уже и глубже становилось ущелье, потом оно перешло в скалистую щель. Мы ехали прямо по речному руслу, то песчаному, то каменистому. Стены ущелья были сформированы массивными сериями сланцев различных видов, глинистыми или карбонатными, сильно деформированными и залегающими в различных направлениях, с красными и серыми третичными песчаниками, лежащими на них с угловым несогласием. Ущелье стало очень скалистым, и мы двигались то по одной, то по другой его стороне. В одном месте на правом берегу, на очень высокой горе, я смог увидеть пласт песчаника, прорванного потоками базальтовой лавы. Очевидно, весь этот регион был театром мощной вулканической деятельности в течение третичного периода или позже. Около пяти километров дальше, перед китайским постом, мы остановились на отдых на небольшой поляне, где было немного травы для лошадей и одиночная юрта киргиза, принявшего нас очень дружелюбно.

– Держите ваше ружье рядом с собой, – прошептал мне Турсунбай. – Этим людям доверять нельзя, и я не буду спать.

Мой проводник расспрашивал хозяина детально и долго о дороге и лучшем пути обхода китайского поста.

– Вы никак не сможете обойти пост, – сказал киргиз. – Стены ущелья вертикальны, и тропа очень узкая. Кроме того, на вершине перевала всегда стоит специальный патруль. Если вы хотите пройти незаметно, я советую вам вернуться назад, и через пару верст вы увидите узкое, маленькое ущелье справа. Въезжайте в него, оно выведет вас на перевал, очень крутой и труднодоступный. Но вы сможете его пройти, забирая все время вправо. Потом найдете проход к маленькому ручью, который приведет вас в долину Урта-Суу. Этот путь неизвестен китайцам и совсем не охраняется.

Турсунбай долго его расспрашивал о деталях этого перехода, но потом, наконец, сказал решительным тоном:

– Если китайские власти не желают пропускать русских через Кашгар, то не стоит сейчас идти туда, лучше вернуться в Ат-Баши.

Я понял его замысел и притворно согласился с ним. Потом, когда мы отошли подальше, я спросил его, почему он был так дипломатичен в отношениях со старым человеком, ведь тот, казалось, очень хорошо относился к нам.

– Нельзя доверять людям в здешней округе, – ответил он. – Убедив нас пойти кружным путем, он пойдет и сдаст нас китайскому посту, так как все здесь заискивают перед властями, и нас поймают на Урта-Суу.

Утром, когда мы поехали в обратный путь, хозяин юрты долго сопровождал нас, все время уговаривая повернуть на тайную тропу. Это убедило меня в том, что Турсунбай был прав в своих предположениях, поэтому я сказал самым решительным тоном, что отказываюсь

от такого риска и возвращаюсь в Ат-Баши. Я поблагодарил хозяина за гостеприимство, попрощался и поехал рысью. Турсунбай последовал за мной.

Мы не свернули в ущелье, о котором нам говорил старый человек, а двинулись дальше и, проехав далеко за поворот тропы, остановились. Здесь, на площадке среди скал, выждали определенное время, чтобы убедиться, нет ли за нами слежки. Мой опытный проводник наблюдал долго и внимательно, и когда он почувствовал полную уверенность, что дорога чиста, мы поехали назад, в узкую щель, которая круто поднималась к перевалу. Потом ущелье слегка расширилось, и там была какая-то растительность, немного травы и несколько кустов; потом снова голый кристаллический сланец, скалы и осыпи, и залежи грязного снега.

Перевал был очень крут, мы поднимались зигзагами по сыпучим гравийным осыпям, которые сползали под лошадиными копытами. Мы часто останавливались, чтобы дать животным отдышаться. Бедные трудяги тяжело дышали, их бока вздымались, и я через седло чувствовал сердцебиение моей лошади. На вершине перевала был толстый слой грязного снега, перемешанного с камнями и пылью. Отсюда открывался необыкновенный вид: громадные, кажущиеся бесконечными пространства распространялись к югу. Скалы спускались круто, казалось, почти вертикально, а далеко внизу, у подножия наших гор, тянулось море узких, скалистых, абсолютно голых, бесплодных хребтов, с трудно различимыми ущельями между ними, без каких либо признаков жизни или зеленой растительности. Везде каменистая пустыня, дикие скалы и увалы.

Далеко-далеко, у самого края горизонта, в конце этого каменного моря, я смог совершенно отчетливо разглядеть равнину, с плотным облаком пыльной мглы. Все это освещалось ярким, сверкающим и обжигающим южным солнцем. Я понял: это была равнина Кашгара – долгожданная цель моих настойчивых усилий, земля обетованная для меня, несчастного, преследуемого беглеца! Но до нее оставалось еще два дня и две ночи трудной дороги.

К юго-западу, над пыльным маревом, покрывавшим равнину, поднимался светлый конический массив, белый, как чистое облако, возвышаясь высоко над землей. Это был, как я узнал позднее, Конгур – высочайшая точка Памира – 7649 м. Что там Монблан с его 4800 м или наш Кавказский Эльбрус – 5642 м!

Но в то самое время, когда я впервые наблюдал равнину Кашгара вне себя от радости, что достиг цели моих скитаний, отряд красногвардейцев, следуя за мной по пятам, пришел на Торугарт. ЧК шло по моим следам, но было поздно! Я пересек границу и углубился в места, где даже «хозяева земли» не могли меня найти. Удача, граничащая с чудом, сопровождала меня все время в моем бегстве от большевиков.

Спуск был очень сложен, мы спешили и вели наших лошадей, которым тоже было нелегко. Скалы состояли из сланцев, изогнутых в разных направлениях. Тут и там были клочки земли, зацепившиеся среди камней, со свежей зеленой травой и какими-то белыми и розовато-лиловыми примулами. В узенькой расщелине мы обнаружили восхитительный родник со свежей, чистой водой, здесь мы остановились отдохнуть, поесть, покормить лошадей и дожидаться вечера, чтобы ехать дальше вниз по ущелью под покровом темноты.

Ночь была экстремально темной, и я не мог видеть даже ушей своей лошади. Я не пытался править ею, а просто, подтягивая поводья, удерживал, когда она спотыкалась. По звуку я определял, что мы ехали то по камням, то по сыпучему гравию, перекатываемому под копытами, то по мягкому песку между множеством огромных валунов. Иногда спуск был очень крутым, шел по самому краю пропасти, и если камень отскакивал от лошадиных копыт, то я долго слышал шум его падения. В другой раз мы взбирались на крутой утес, потом снова почти вертикально спускались вниз, и я балансировал в седле, чтобы не нарушить равновесия лошади, иначе мы могли вместе с ней исчезнуть на дне пропасти.

На этом пути мы обошли киргизское стойбище, в котором большая часть людей были китайского подданства, оттуда мы слышали бешеный лай собак, очевидно учуявших нас, но

киргизские собаки обычно лают всю ночь непрерывно, что, вероятно, представляется им главной обязанностью сторожевого пса, поэтому на их лай никто не обращает внимания.

На этих крутых склонах все зависело от сильных ног лошади, и все всадники, оставаясь в седле, надеются на животное, но держатся, однако, начеку, чтобы, если что, не улететь вместе с лошастью вниз.

Мой проводник впервые шел по этой тропе, но благодаря его глазам рыси, он выбирал путь идеально. И этот человек еще желал съесть глаз ворона, чтобы улучшить свое зрение!

Мы спустились все ниже и ниже и, наконец, обнаружили, что едем по ровному гравийному руслу ручья, обходя большие валуны и часто пересекая поток.

Наступила угнетающая жара без малейшего ветерка, и воздух нагревался от скал, как от печи. В этот вечер я съел последний оставшийся кусочек ветчины и теперь мучился жаждой. Кроме того, для этой местности я был очень тепло одет. Был июль, жарчайший сезон в Кашгарии. И этим же утром вверху, рядом с вечным снегом, я совершенно замерзал даже в своей теплой одежде! Ужасно хотелось пить, горло и рот пересохла, и внутри я чувствовал огонь. Хотя ноги наших лошадей часто были в воде, я сопротивлялся соблазну, так как хорошо знал, как опасно пить воду из неизвестного источника.

Вскоре немного посветлело. Я смог различить очертания гор на фоне неба и справа тени нескольких огромных тополей.

– Это ущелье Урта-Суу, – сказал Турсунбай. – Здесь дорога проходит через перевалы Урта-Бель и Терек. Я хорошо знаю эту местность. Сейчас мы должны ехать как можно быстрее, чтобы пройти пост Абдуллы до рассвета.

Потом ущелье сузилось снова, и стало еще темнее.

Несколько минут спустя Турсунбай сказал:

– Мы сейчас проходим самую опасную часть пути. Ущелье узкое, с вертикальными стенами, мы не можем его обойти. Китайский часовой стоит там на посту день и ночь. Только тихо, и все будет хорошо. Иншалла!¹³⁰

Вскоре справа от нас мы увидели темный массив какой-то стены, слева всхрапнул верблюд и отбежал в сторону, очевидно, он стоял на тропе. Свора собак бросилась на нас из темноты, дико лая, и голос китайца спросил что-то, возможно: «Кто идет?».

Я застыл...

В этот самый момент другая свора собак появилась из темноты и свирепо атаковала первую; это было настоящее столпотворение, и китайский солдат закричал что-то снова. На этот раз другим голосом, наверное, разгоняя собак. Шум практически скрыл наши шаги и... Слава Богу! Опасность осталась позади!

---

¹³⁰ (арабск.) Во имя Аллаха, во имя Бога, с Божьей помощью.

Глава XX В Кашгаре

С рассветом мы достигли обширной пустыни. По обеим сторонам тянулся ряд небольших холмов. Вода в реке была грязной; страдая, я боролся с жаждой до тех пор, пока мы не вышли к ручью, где вода тоже была мутной, но свежей и холодной. Здесь Турсунбай достал из своих запасов «турсук» – бутылку, сделанную из закопченной кожи, в которой у него было несколько капель кислого молока. Потом мы повернули к востоку, двигаясь между грядами холмов, где выбрали подходящее уединенное место для остановки и отдыха.

Холмы вокруг были голыми и каменистыми. Они состояли из серых и красных глинистых сланцев, часто покрытых прекрасным серым песком. В руслах ручьев и во впадинах было немного ксерофитной растительности, типичной для сухих и жарких пустынь. Все это было странным и чуждым и в тоже время указывало, в какой тип климата мы прибыли. Песчаная почва была бедна питательными веществами и влагой, и каждое растение – кустик или пучок травы – росло отдельно на большом расстоянии друг от друга, не образуя растительного слоя. Встречались небольшие скопления эфедры, напоминающей своими высокими острыми колючими стеблями блестящий зеленый камыш. Самыми эффектными были небольшие группы пустынных вьюнков, покрытых красивыми, сладко пахнущими, розовыми цветами. Они казались искусственно созданными и были развешаны на тонких, длинных, гибких зеленых стеблях, твердых, как проволока, с мелкими почти незаметными листьями. Каждый куст был собран в букет диаметром в полметра, и смотрелись они очень красиво на фоне блестящего желтого песка. Ниже по ручью были гигантские заросли шиповника, или дикой розы, с ветками, усыпанными гладкими, колючими шипами, белыми ароматными цветами и крохотными жесткими листьями. Все растения пустыни, в которой пища так скудна, защищают себя шипами и колючками от поедания дикими животными.

В безоблачном небе появилось солнце и сразу же начало безжалостно жечь. Я лежал под кустом эфедры, с помощью плаща создав небольшой клочок тени. Лошади были связаны вместе и покрыты чем только можно для защиты от обжигающих лучей солнца. У них весь вечер не было корма. Теперь каждая из лошадей получила только по половине пригоршни ячменя. Мы целый день провели в этой пылающей печи. К счастью, совершенно неожиданно из-за гор вышло облако с раскатами грома и несколькими большими, редкими каплями дождя. Потом разразился сильный град. Это было непредвиденной удачей: воздух охладился, и во время дневного отдыха нас обдувал приятный ветерок. Пустыня Кашгара встречала меня с улыбкой. Капли дождя были растаявшими градинами; вероятно, только в этом виде влага могла сохраниться в жарком воздухе близ земли, а обычные дождевые капли испарились бы еще в вышине, как это часто наблюдается в пустынях.

Мы не страдали от жажды. Вода из кожаной бутылки, смешанная с кислым молоком, прекрасно утоляла жажду. Киргизы всегда используют такое питье в дороге. Для меня было открытием, что молочная кислота помогает сделать плохую воду безопасной. Оказывается, этот способ применялся в пустынях во времена русских компаний покорения Туркестана. В воду добавляется особый продукт, называемый «курут». Он делается из овечьего молока, содержит высокий процент молочной кислоты, именно он использовался войсками, пришедшими в степную местность. Благодаря «куруту», равнины Центральной Азии, имевшую дурную репутацию, прежде гибельные для экспедиций, теперь затупили свое смертельное жало и открыли дороги для прохождения армий.

Опустилась темная ночь, как сказал мне Турсунбай, «последняя ночь» перед Кашгаром. Мы покинули наш привал и вышли на тайную тропу, далекую от перевала Терек, киргизских аилов и пограничных постов. Я снова поражался остроте зрения Турсунбая. Для меня в темноте не были различимы ни его спина, ни его лошадь, хотя я следовал прямо за ним; он находил дорогу без колебаний, а если терял ее, то выбирался быстро и безошибочно. Спустя некоторое время мы выехали на торную тропу и по ней стали двигаться гораздо быстрее. Где-то около полуночи моя лошадь вдруг остановилась. Из темноты доносился запах верблюдов и дыханье лошадей. Ничего не видя, я услышал разговор между моим проводником и каким-то другим киргизом.

– Вы не сможете пройти по этому пути, упретесь прямо в китайский патруль. Место между рекой и крепостью очень узкое, и солдаты остановят вас. Езжайте через «капчигай» – овраг и увидите «мазар», там только один солдат на посту. Он киргиз, – говорил незнакомый голос.

Мы повернули в другую сторону. Я не понимал, как мой проводник находил путь в незнакомом месте, не по тропе и даже не по следам выбирая правильное направление. Но он ехал уверенно, только однажды попросил меня зажечь спичку, чтобы посмотреть, где мы находились. За поворотом наши лошади оказались перед вертикальным утесом, который перегородил нам дорогу. В десяти шагах дальше в скалах была высечена узкая, надежная тропа. Это и был «капчигай». Еще раз, когда мы оказались в узком ущелье, Турсунбай попросил меня зажечь спички, чтобы посмотреть следы на земле, так как он подумал, что мы сбились с тропы.

Длинные, бессонные ночи и невозможность выспаться в дневное время вымотали меня. Я отчаянно хотел спать. Каждый раз, когда я начинал дремать, мне казалось, что падаю с седла. Иногда я просыпался, со страхом удивляясь, почему еще я не упал, пытаюсь понять, как долго спал. Невозможность видеть, где мы идем, еще больше усиливала мое желание спать. Напрасно я пытался отвлечь свой разум медитацией, по старой памяти концентрируя свои мысли на каком-нибудь объекте и прогоняя сон. Ничего не помогало. Наконец, начало светать, я смог четко различать окружающие предметы и почувствовал небольшое облегчение.

Мы въехали в рошу из сухих деревьев около старого мазара. Вдруг Турсунбай быстро повернул назад, прижавшись к седлу, и сделал мне знак, показывая пальцем на губы. Он повернул вниз, в сторону небольшого оврага, по которому мы обошли какое-то опасное место. Оказалось, что мы чуть не выехали к тому самому посту, о котором нас предупреждал встречный киргиз.

Через полтора километра Турсунбай остановил лошадь и воскликнул:

Теперь, Слава Аллаху, мы проехали все посты – дорога в Кашгар открыта!

Он запел бодрую песню в первый раз за все время пути, и мы поехали дальше в радостном настроении. Я испытывал огромное облегчение, мои постоянные тревоги ушли. Наконец-то в этот раз благополучно достигну Кашгара!

Мы выехали на широкую гравийную равнину, абсолютно сухую и покрытую почти всюду пустынными растениями, такими как верблюжья колючка (*Alhagi camelorum*), и здесь мы спугнули стадо газелей, которые моментально скрылись из вида.

На востоке, на горизонте, поднимался величественный горный хребет. Именно с его высот стекал Терек. Равнина постепенно поднималась к югу, и мы незаметно вышли на сглаженную ветрами поверхность, основание которой слагали серые и желтоватые песчаники с прослоями мергелей. Эти песчаники своим видом и формой пустынного выветривания сильно напоминали мне похожие места в районе Ферганы, на берегах Сырдарьи, около поселка Наукат. Там в прошлые годы я нашел интересные залежи самородной меди, с высоким содержанием химически чистого металла. Схожесть местности и отложений была очень большой и усиливалась еще тонким покровом гальки на вершинах холмов, редкой растительностью, в основном состоящей из колючей солянки (*Salsola*). В обеих местностях также изобиловали любопытные, маленькие ящерицы круглоголовки (*Phrynoscephalus*). И мне казалось, что я снова еду около своих собственных рудников вдоль знакомых берегов Сырдарьи. Взглядом я инстинктивно искал обнажения с ярко-зелеными пятнами – признаками окисленной меди¹³¹.

Как я выяснил позже, в этих песчаных холмах все-таки была великолепная медная руда. Около селения Канджиган китайское правительство разрабатывало эти руды и чеканило из них медные деньги.

Дальше появились слои конгломератов, которые слагали довольно высокий, крутой, сильно рассеченный утес, через который проходила тропа, она шла чрезвычайно узким оврагом, очень извилистым, с крутыми, почти отвесными стенами. Я ехал в мою обетованную землю через этот удивительный, почти подземный коридор. В местах, где были боковые овражки, виднелись фантастические очертания арок, каверн, гротов, колонн и тому подобных сооружений, формирующихся, как известно, пустынной вертикальной эрозией.

Наконец этот темный, мрачный проход внезапно кончился, и перед моими глазами развернулась ярко освещенная южным солнцем картина оазиса, в этот момент я подумал, что вернулся в Фергану! Все внизу до мельчайших подробностей было точно таким же, как в Фергане, которую я так хорошо знал: поля «джугары»¹³², или сорго, поля хлопка, риса, высокие и стройные тополя, деревья «джиды», так называемой вавилонской ивы (*Eleagnus hortensis*), абрикосовые и персиковые деревья, ивы. Даже дикие растения на сухой глинистой почве были такими же: те же низкие кусты темно-зеленого тамариска, с легкими пучками розовых цветов на концах, те же высокие камыши и колючки.

Мы въехали в ворота нового караван-сарая, что стоял невдалеке от дороги, это вполне мог быть притон контрабандистов. Отдых ждал нас в «чайхане» или чайной. Шел седьмой день с тех пор, как мы выехали из Ат-Баши, это была первая остановка после вчерашнего вечера. Мы ехали четырнадцать часов, не слезая из седла, и потому наш отдых был заслуженным. Комнаты казались великолепными. Стены, оклеенные панелями из материи приятного голубого тона, в специальных нишах были прекрасные фарфоровые чашки и тарелки различных цветов. Все носило печать чистоты и порядка и сильно отличалось от зловонных притонов, которые назывались заезжими домами в Семиречье.

Я не чувствовал истощения от долгой дороги, но пить и спать хотелось невыносимо; наконец, после бесчисленных стаканов чая я крепко уснул счастливым сном человека, достигшего цели и освободившегося от постоянной тревоги.

Мы проснулись около двух часов утра, выпили чаю и снова двинулись в путь. Было светло, когда мы выехали из оазиса на совершенно другую горную дорогу, но опять двигались таким же узким проходом, как и вчера, но более длинным, продуваемым и бесконечным.

В конце концов он вывел нас на равнину Кашгара, всю залитую утренним солнечным светом, с массой зеленых садов и полей, через которые лежала наша дорога. Она была обсажена

---

¹³¹ Эти слои были названы артышскими английскими геологами Столичкой и Хантингтоном. Русский геолог профессор Богданович отнес их к плиоцену. В виду отсутствия ископаемых в обеих толщах здесь и на Сыр-Дарье, но по литологическому сходству обеих, я думаю, их можно объединить в одну артышскую свиту. (Прим. Павла Назарова).

¹³² Лох серебристый.

тенистыми ивами и вязами. Вдоль обеих сторон тянулись ряды местных ферм, фруктовые сады, маленькие лавочки и кладбища со старыми «мазарами», огороженными стенами из ажурной кирпичной кладки. Километрами тянулись непрерывные поля клевера. «Джугару» и пшеницу уже начали убирать. Высокие, стройные тополя и большие абрикосовые деревья, увешанные прекрасными золотистыми плодами, росли вдоль дорог. Здесь я увидел необычную птицу – большого кашгарского голубя, в красивой ливрее светло-сиреневого цвета и с бархатистым черным кольцом вокруг шеи. Эта элегантная птица селится в садах и селениях, где соседствует с маленьким туркестанским голубем (*Peristera cambayensis*), обычно прилетающим в Кашгар из Ферганы, и за честь считает свое присутствие в каждом дворе и саду.

С Кашгара открывается внушительный вид на горы Памира. Они как будто поднимаются вертикальной стеной прямо из равнины, серой массой вздымаясь на невероятную высоту. Высоко в небесах, над облаками сверкали снежные пики хребта. В памяти всплыли стихи Лермонтова о горе Казбек, которые я попытался перефразировать:

*И над вершинами Памира
Изгнанник рая пролетал,
Под ним Кунгур – вершина мира
Снегами вечными сиял.*

Эта панорама эффектнее, более величественная и впечатляющая, чем вид гиганта Кавказа – Казбека, который еще и намного ниже Кунгура. На нашей планете есть немного мест, где с прилегающей равнины можно увидеть всю гору высотой в шесть тысяч метров, от самого основания до вершины. Правда, такая чудесная картина видна в Кашгаре не очень часто. Только весной и летом и только в ранние утренние часы эти горы можно наблюдать во всей их величавой и роскошной красоте. В другое время они скрыты за завесой пыльной мглы, которая беспрестанно висит над засушливой пустыней Кашгара. Здесь можно жить месяцами и не подозревать о присутствии этих горных гигантов. Еще более редко бывают дни, когда можно заметить вдаль, на юге, застывшие пики самого Кунь-Луня, едва различимые среди облаков.

Повсюду спокойно и мирно работали на земле людей, бросалось в глаза изобилие плодов их труда. Какой контраст с «блестящей империей трудящихся масс», оставленной мною позади!

Окружающие лица не носили следов угнетенности и нервного беспокойства, которые мы видели у всех по ту сторону Тянь-Шаня. Люди были бодры и приятно улыбались, хотя под властью китайского правительства эта страна и не стала беспечной Аркадией¹³³. Я был в европейской одежде, приветствуя нас, все спрашивали: откуда мы? Нас угощали фруктами, лепешками и холодной водой. Китайцев здесь не было видно, население состояло из сартов, совсем как дома, в Туркестане.

По мере продвижения дорога становилась все более и более оживленной. Движение по ней увеличивалось. Мы встречали людей, едущих на ослах, лошадях, груженых повозках и верблюдах. Было много женщин, одетых в «паранджу» различного цвета, черный «чимбат» здесь часто заменялся светлым цветным покрывалом. Многие женщины не закрывали своих лиц вовсе, мы видели несколько накрашенных кокеток, озорно на нас поглядывающих.

В тени массивных деревьев торговцы разложили свой товар – фрукты, хлеб, свежую воду в высоких глиняных кувшинах, которые могли выставляться в каком-нибудь музее как классический антиквариат.

Между тем движение по дороге становилось еще плотнее. Магазины встречались чаще, торговцы были многочисленней, деревья стояли теснее. Вдруг блеснула полоска воды

---

¹³³ В греческой поэзии Аркадия изображалась как страна блаженного пастушеского существования.

широкой и слегка мутной реки. Длинный деревянный мост через нее был заполнен людьми, ослами, повозками с тентами, растянутыми над лошадьми. Слышался звон колокольчиков, шум и гомон базара, потом возникли огромные городские ворота в массивных широких зубчатых стенах... Я в Кашгаре!

Мы не поехали в город, а повернули направо вдоль стен, у которых были по углам высокие башни, одни сильно разрушенные, другие – меньше. Базар и площадка перед домом в европейском стиле были окружены тенистым садом, на доме красовалась надпись «Русско-Азиатский банк»¹³⁴!

Через полчаса я сидел на веранде, наслаждаясь завтраком. Снежно-белая скатерть, безупречный сервис, блестящее серебро, цветы в вазе, удобная мебель, миндальное печенье, бисквиты, сахар, американские и английские газеты – все перенесло меня в мир цивилизации и культуры.

Я испытывал странное и необычное чувство огромного блаженства. Казалось, что я проснулся от долгого сна, полного страшных сновидений и кошмаров. Я вернулся к моей прежней жизни и обрел обычное, старое, дорогое старое, прошлое, которое, как мне думалось, ушло навсегда, разрушенное бандитами, которые сейчас управляли моей страной. Дикая жизнь, все виды лишений и нужды, голод и жажда, преследования – все это было уже в прошлом. Мрачная могила, громадный приют сумасшедших, представлявших сегодня мое несчастное отечество, остались, слава Богу, позади! Далеко от снежных пиков Тянь-Шаня я снова был в мире приличных, нормальных людей.

Через пять минут спустя после моего прибытия связной от Тао-Яня уже был в консульстве, чтобы выяснить, кто я и какими способом добрался в Кашгар из Советской России. Получасом позднее я позвонил русскому консулу, и через час был принят молодым человеком, очень вежливым и официальным, хорошо говорящим по-русски, который был послан Тао-Янем. Он поздравил меня с моим благополучным прибытием в Кашгар, спросил о моем здоровье и выразил надежду, что я чувствую себя в моем новом окружении, как дома.

– Не знаю, – ответил я. – Я не знаю, до сих пор ли в этом грешном мире или все еще поднимаюсь выше и выше в горы. Я прибыл без уведомления в этот рай, на небеса!

Такой ответ чрезвычайно понравился китайцу, он принял его как комплименты любовной заботе администрации о благополучии страны и как похвалу китайской культуре.

Китайцы чрезвычайно любят лесть и вежливость, которая подается приятнейшими, ничего не значащими и экстравагантными выражениями. Молодой человек, узнав о моей специальности, спросил меня от имени Тао-Яня, собираюсь ли я помогать китайской администрации в изучении и эксплуатации минеральных ресурсов страны.

В соответствии с китайским этикетом день моего визита к Тао-Яню был назначен заранее.

Все выглядело приятно, но, как мы увидим дальше, события изменились в неожиданном для меня направлении.

Справившись с формальностями, я решил нанести визит парикмахеру, последовавшему за великолепной горячей ванной, и потом позволил себе взглянуть в зеркало. Там была уже не волосатая физиономия беженца из «Совдепии», а респектабельное лицо цивилизованного человека. Я снова был самим собой и мог появиться под своим настоящим именем.

Что касается несчастного землемера Новикова, отправленного по служебным делам одновременно по двум противоположным направлениям, к Балхашу и Нарыну, советские власти сделали сообщение о его исчезновении. В администрацию в Верном, центре Семиречья, был отправлен рапорт из Нарына, что землемер Новиков утонул вместе с лошадью, переправляясь через реку Чу во время паводка. Большевики так никогда и не узнали, что несчастный зем-

---

¹³⁴ Русско-Азиатский банк – российский коммерческий банк, работавший в 1910–1917 годах. Образован в 1910 году путём слияния находящихся под контролем французских акционеров Русско-Китайского и Северного банков.

лемер, который погиб на их службе, и злейший враг, которого ЧК преследовала так активно, – это одно и то же лицо.

Я был принят с распростертыми объятьями в небольшой европейской колонии Кашгара. Она состояла главным образом из русских, которые пребывали здесь еще с дореволюционных времен. Старое Российское консульство еще существовало, как и Русско-Азиатский банк, директором которого был В. В. Богушевский. Они оказали мне самое щедрое гостеприимство. Британский консул – полковник Этертон тоже был со мной очень любезен.

Прекрасные сады Британского консульства, устроенные по европейскому образцу, и великолепное здание самого консульства могли сделать честь любому месту, и особенно такому отдаленному, как Кашгар. Для всего остального европейского сообщества Британское консульство служило «окном в Европу». Через его телеграф мы получали сообщения агентства «Рейтер». Консульская почта приносила газеты из Индии с самыми последними известиями и письмами. Через него мы узнавали, что вообще происходит в мире, и теперь, благодаря их почтовой службе, у меня снова была возможность связаться с друзьями и корреспондентами в Индии и Европе.

В Кашгаре я встретил несколько сартов-ремесленников и торговцев, которых знал еще по Ташкенту. Они оказались здесь, как и я, спасаясь от социалистического рая, и были рады видеть меня невредимым и избежавшим опасности.

Помогая мне забыть о своих испытаниях, все члены европейской колонии соперничали друг с другом в проявлении ко мне чувства дружелюбия. Они просто-таки носились со мной, приглашая к чаепитиям, обедам и пикникам, при этом создавая из-за меня огромную суету. Это была восхитительная, свободная жизнь в приличном окружении образованных людей, и прежнее состояние депрессии постепенно сглаживалось, как и последствия деморализации из-за двух лет существования в «свободнейшей в мире стране».

Было особенно приятно видеть круг соотечественников, живущих здесь прежней русской жизнью, не тронутой штормами и бурями революции. Даже уклад их жизни очень мало изменился. Здесь, в этом отдаленном углу обширных пустынь Центральной Азии, люди, составлявшие оазис русской жизни, еще надеялись его сохранить.

Конечно, я едва ли мог предположить, что большевики не откажутся от попытки занести свою заразу и сюда. Но Кашгар был нужен большевикам как земля изобилия по сравнению с Россией, которую они развалили. Также это было место, где «белые банды империализма», как они их называли, могли объединиться и угрожать коммунистическому отечеству.

В русской колонии я был представлен молодой женщине, назвавшейся мисс О. Ее прошлое было туманно. Согласно ее собственному рассказу, она служила в известном женском батальоне смерти, придуманном престранным Верховным главнокомандующим – юристом Керенским¹³⁵. Трудно сказать, было ли создание такого батальона отчаянной попыткой спасти военную мощь Российской империи, для развала которой он сам приложил руку, когда армии на полях сражений разлагались германскими агентами с благословения его родного Временного правительства, или цели были другими.

К моему удивлению, я узнал в ней женщину, которую хорошо знал еще по Ташкенту, где она была «подругой» иностранного инженера, служившего в том же самом ведомстве, где я был директором во время войны. Инженер был умным молодым человеком, великолепно говорившим по-русски, так же хорошо, как и на английском, французском и немецком. Когда я был арестован и брошен в тюрьму большевиками, участники антисоветской организации были вынуждены скрываться в горах. Один офицер, посланный Британским Генеральным штабом в

---

¹³⁵ Положение «О формировании воинских частей из женщин-добровольцев» было утверждено 29 июня 1917 года. Батальон принял участие в боях на Западном фронте, понес большие потери и генерал Корнилов запретил использовать женский батальон в боевых действиях. В октябрьских событиях 1917 года рота женского батальона была среди оборонявших Зимний дворец.

Туркестан, тоже был вынужден скрываться. Между прочим, его замечательные приключения, из которых он с находчивой дерзостью безопасно выбрался, являются одними из самых романтических страниц в истории борьбы с большевиками в Туркестане¹³⁶. Пытливый инженер, друг госпожи О., ухитрился овладеть комнатами, где этот английский офицер проживал, присвоил все его вещи, а затем, прихватив их с собой, успешно выехал из страны, вернувшись в свою родную Бельгию. А в это время его «подруга» двинулась в Кашгар.

Здесь она была с распростертыми объятиями принята русскими, которые нашли для нее прекрасную должность в консульстве и устроили ее давать уроки русского языка китайским чиновникам. Вскоре она была уличена в воровстве некоторых важных документов из консульского архива и передаче их китайским властям. Белые офицеры, которые были в то время здесь, обнаружили факт ее связи с большевиками. Конечно, она была сразу же выдворена из консульства и жила теперь только уроками с китайскими учениками.

Конечно, я позаботился о том, чтобы не показать ей, что знаю, с кем имею дело. Госпожа О. расспрашивала меня о моих друзьях, которые остались в Ташкенте, о том, чем занимается «старая гвардия», что могут еще сделать белые и тому подобное.

– Будьте осторожны с мисс О., – предупредил меня русский друг. – У нас есть веские доводы считать ее большевистской шпионкой.

– Не беспокойтесь, – ответил я. – Я вижу птицу по полету.

В наших разнообразных беседах с ней я старался не высказываться о своем отношении к советским властям, большевикам и коммунистам. Однажды зашел разговор о А. Ф. Керенском, ярой поклонницей которого, к моему удивлению, она оказалась. Я рассказал ей, что знал Керенского еще гимназистом. Уже тогда его хвастливые заявления и истерическая болтовня не пришлись мне по вкусу. Я добавил, сказав, что старые ташкентцы должны краснеть за такой недоброкачественный фрукт, выросший в Туркестане и сыгравший такую позорную роль в судьбе нашей бедной России. Госпожа О. в то же время благоволила герою белого движения генералу Корнилову.

И все-таки я не сдержался в оценке и позволил вырваться с трудом скрываемому гневу, отвращению и презрению к большевикам и к их жалкому предшественнику, который подготовил для них путь. Я с наслаждением усмехнулся, увидев искру ненависти, сверкнувшую в глазах авантюристки.

Но мои страдания в Кашгаре еще не закончились. Спустя некоторое время после моего прибытия со мной произошел случай, который чуть не стоил мне жизни.

В одно прекрасное утро я выехал с несколькими друзьями, включая полковника Этертона, на пикник, организованный нашими друзьями из шведской миссии. Я ехал впереди по хорошей дороге довольно быстро, рысью и галопом, на карашаре. Эта порода лошадей, как я узнал позднее, слаба на передние ноги. На выезде из города, когда мы двигались вниз узким пыльным проулком, я вдруг почувствовал, как лошадь споткнулась и стала падать. Я потянул узду вверх, пытаясь поднять ее, но ничего не вышло. Я попытался выскочить из седла, чтобы не оказаться под лошадью, как это делал не раз в прошлом, но было уже поздно. В миг я оказался внизу, и моя левая нога была прижата лошадиным боком.

Все это случилось мгновенно, и я ощутил на себе вес лошадиной туши, перекатывающейся через мою спину. Раздались крики ужаса. С огромнейшим трудом я привстал, чувствуя, что моя спина измята всмятку. Было ужасно трудно дышать, и я совсем не мог двигаться.

Шесть долгих недель я провалялся в постели под неустанным вниманием русского врача, окруженный доброй заботой всей колонии. Я вынужден был лежать неподвижно, так как самая легкая попытка двинуть ногой или рукой вызывала приступ невыносимой сильнейшей боли. Мышцы спины были помяты, но, к огромной радости, ни одна кость не была сломана.

---

¹³⁶ Речь идет об английском разведчике Фредерике Бейли и его книге «Миссия в Ташкент».

Это было время огромнейшего физического и душевного страдания. Мое положение казалось абсолютно безнадежным. Все дни и долгие ночи я думал о моей семье и друзьях. Я видел свое будущее как жалкое существование беспомощного калеки. Для чего я выдержал столько опасностей, лишений и трудностей, зачем подвергал своих друзей опасности? Я достиг цели огромными усилиями и борьбой, и неужели теперь буду несчастным инвалидом в чужой земле, в отдаленном углу Центральной Азии, без средств, запасов и даже возможности работать?

Пока я переживал тяжелейшую духовную депрессию, еще один непредвиденный удар мне пришлось испытать. Русское консульство получило настоятельную просьбу от Тао-Яня, чтобы я покинул китайскую территорию и немедленно вернулся в Советскую Россию. В просьбе содержалась угроза, что если я откажусь уехать, то приказ о выдворении будет выполнен силой. Разбитый физически и морально, искалеченный, с непреходящей болью, теперь я изгонялся из земли, где думал, что нашел, наконец, убежище от преследования. Я должен быть отдан в руки смертельных врагов!

– Что повлекло такое изменение в отношении ко мне китайских властей? – спросил я человека, который принес мне плохие новости.

– Этим вы обязаны исключительно мисс О., – ответил он мне с горькой улыбкой. – Это результат ее интриг с китайскими властями. Кроме того, она, вероятно, надеется получить хорошенькую плату от большевиков.

Я еще не оправился от шока из-за этой беды, когда пришел посольский доктор с печальным выражением лица и с несколькими плохими новостями. Специальным декретом Президента Китайской республики все русские дипломатические институты в Китае были ликвидированы. Это выбило основу из-под моей последней надежды – воспользоваться привилегией экстерриториальности нашего старого Русского посольства.

Мне даже трудно описать трагедию своего положения в тот момент и мое состояние. Мне было хорошо известно, что китайцы способны на все.

Что будет со мной дальше?! Куда мне деться?!

Доктор пытался успокоить и убедить меня не терять присутствия духа.

– Очень могущественные силы и влиятельные персоны выступают в ваших интересах. Они не отдадут вас, – сказал он.

И это была правда. Приказ о моем выдворении был отозван назад. Я получил возможность жить спокойно и мирно. Госпожа О. к всеобщей радости покинула Кашгар и уехала на Дальний Восток. Китайские власти совершенно забыли, что я стал жителем Кашгара незаконным путем. Я жил четыре года в этом древнем городе как полноправный гражданин этой чужой для меня молодой республики, где научился жить почти как дома. Я начал с нуля, имея в руках лишь доброту и гостеприимство китайских чиновников.

После четырех лет проживания в Китайском Туркестане мои обстоятельства так изменились, что в августе 1924 года я готов был уйти в Европу через высочайшие перевалы в мире Кунь-Луны и Гималаев, через горные пустыни Каракорума и Западного Тибета, через чудесные долины Кашмира и горячие равнины Пенджаба!

Приложение П. С. Назаров Кух-и-Сим – сокровище Туркестана

I.

Много лет назад, будучи еще студентом, я участвовал в геологической экспедиции в Киргизской степи, в краях диких, далеких от всякого человеческого жилья. Однажды поздней осенью я попал в снежную бурю. Ветер дул неистовыми порывами, и в скором времени дорога начала теряться под снегом. Усталые лошади едва передвигали ноги. Впереди была неприятная перспектива провести ночь в степи и, возможно, замерзнуть. Я спросил моего проводника-киргиза:

– Где теперь дорога? Найдем ли мы укрытие?

– Если поспешим, Кудаи каласа – то есть, если будет угодно Богу, – к вечеру сможем добраться до Хазрета и там найдем уютный кров и гостеприимство. У него большой дом, другого такого в степи нет, он – ученый и святой человек. Тебе будет очень приятно встретиться с ним, – ответил мой спутник.

Поздно ночью с большим трудом нам удалось добраться до жилища Хазрета. Его каменный дом был расположен на берегу ручья в роще – большой редкости в безлесной степи.

Я уже слышал о Хазрете, ученом мулле, пользовавшемся большим влиянием среди киргизов и снискавшем известность своей мудростью, образованностью и благочестием, поэтому был рад возможности встретиться с ним.

Моя радость удвоилась, когда я вошел в предназначенную для меня светлую, чистую, теплую и красивую комнату, самую лучшую в доме. Мебели в ней не было, все помещение было завешено и выстелено роскошными бухарскими коврами. Повсюду лежали подушки, по стенам были сложены одеяла из сатина. Хорошо было расслабиться после десятичасовой езды в седле и холода снежной пурги, пить горячий чай и утолять голод отменным пловом, приготовленным способом, который известен лишь тем, кому довелось бывать в благородном граде Бухара-и-Шериф.

Хазрет принял меня сердечно.

– Живи здесь, сколько пожелаешь, а настанет хорошая погода, я дам тебе свежих лошадей и провожатых, и ты сможешь двинуться прямо в Джаман Кала.

Воистину, он был интересной личностью. Киргиз, сын богатого родителя, он, будучи еще юношей, исполненным жажды знаний, отправился в Бухару – центр магометанского просвещения. В течение восемнадцати лет он был студентом медресе, а потом совершил хадж в Мекку, преодолев верхом на лошади Афганистан и Персию. Теперь он жил в тишине и покое среди близких людей, пожиная плоды своей мудрости. Хазрет производил впечатление средневекового схоласта с четко установившимися взглядами. Чудно было слышать от него, например, что Бухара – это самый просвещенный город мира.

– Всюду свет нисходит сверху, но в Бухаре он восстает из земли, – говорил он, вторя хвастливым проповедям тамошних мулл.

– В священной Бухаре вы можете обрести все знание, одолеть все науки человечества, – утверждал Хазрет.

– Что же вы изучали в медресе Бухары? – спросил я его.

– Законы ислама, исторические книги, философию Афлатуна, работы Абу ибн Сины, географию и арабский язык, на коем все это изложено.

Вот пределы мусульманского образования! Прозвучали имена Платона и Авиценны, знаменитого географа, жившего в Хиве в одиннадцатом столетии и ставшего авторитетом в средневековой Европе.

– Я покажу тебе некоторые из моих книг, – добавил Хазрет и вскоре принес и выложил на ковер ряд древних томов в кожаных переплетах.

– Это очень старые и дорогие книги. За одну вот эту я заплатил сто золотых тилей, ей около тысячи лет, по ней я учил географию.

Я внутренне улыбался тому, как он читал сей фолиант, за который отдал около тридцати фунтов стерлингов, за трактат по географии, который, конечно, не освещал и сотой доли известного нам мира. Я взял книгу, и мой взгляд упал на большую карту, изображающую Вселенную в виде плоского круга, окруженного кольцом океана. Северной Европы, восточной части Азии и большей части Африки на карте не существовало. Контуры стран и континентов были искажены, а на месте Великобритании изображались некие «Острова Джинов».

Узрев такую диаграмму мира, я едва смог сдержать улыбку.

– А Москва и Санкт-Петербург здесь есть? – спросил я.

Хазрет взглянул на карту и ответил:

– Нет, эти города не показаны.

– Что же проку от географии, не отражающей столь важных столиц?

– Тут изображены преимущественно магометанские страны, – ответил Хазрет. – Видишь, вот Бухара, а вот Самарканд.

– А где же Ташкент?

– Здесь Ташкента нет.

Тут уж я не мог не улыбнуться.

– Что толку от сего трактата по географии? Из него нельзя узнать ничего о мире. Сей фолиант не стоит тех денег, которые вы заплатили за него!

Хазрет немного подумал. Тень сомнения набежала на его лицо, казалось, мои слова поколебали его устоявшиеся мусульманские понятия.

– Видишь ли, – начал Хазрет после короткого раздумья. – Мне не столь дорог новый мир наших дней, как тот, что существовал во времена Пророка, да славится имя его!

«Ответ, достойный истинного ортодоксального фанатика», – подумалось мне. В то время я был юн и гордился своим университетским образованием. Через много лет я понял свою ошибку, свою неспособность воспринять традиционные верования ученого муллы, его любовь к прошлому.

Заметив некий большой город возле Самарканда, я спросил Хазрета, что это за поселение.

– О, это большой и очень процветающий град, Тункент, столица княжества Илак. В этой книге много сказано о нем, – ответил он, исполняясь радостью.

– И что же там сказано о Тункенте? – спросил я, ведь раньше о существовании такого города в Туркестане мне ничего не было известно.

– Смотри, вот здесь, среди этих гор, – Хазрет указал место на карте, – находится самая знаменитая и богатая серебряная копь в мире. Здесь добывали чистое серебро так, как будто это были простые камни. Копь принадлежала княжеству Илак, а в Тункенте чеканили монеты и изготавливали разные тонкие ювелирные изделия, которые распространялись по всему свету в обмен на разного рода товары. Город утопал в роскоши, везде были дворцы, мечети, со всех сторон он был окружен дивными садами.

– Но, может быть, в старину так именовали Самарканд? – предположил я.

– Отнюдь, Тункент был совсем другим городом, богаче Самарканда, а в Самарканде лишь пребывал эмир, правивший всем Хорасаном, – возразил Хазрет.

– Гляди, – продолжал он. – Здесь есть огромная и жуткая пещера, до конца которой еще никто не доходил. Там протекает подземная река, через нее перекинут мост, и в глубине пещеры ужасный дракон стережет бесчисленные сокровища из золота и драгоценных камней. Он убивает каждого, кто рискнет пройти.

– Ну, это только старые байки невежд прошлых веков. Вы, как образованный человек, сами знаете, что ничего подобного не существует, – попытался я урезонить собеседника.

– Нет, это – правда, – был его ответ. – Я сам читал в Мекке на стенах главной мечети письма об этой пещере, а паломники из Коканда рассказывали, что не так давно три киргиза, вернувшиеся из Мекки, отправились в пещеру для поиска сокровищ и не вернулись назад. Тогда их родственники, числом не менее сорока человек, все хорошо вооруженные, отправились их искать и тоже не вернулись. После этого жители окрестностей завалили ее главный вход камнями и засыпали землей. Ученый мусульманин Абу ибн Сина, что жил девять столетий назад, описал в книге эту пещеру подробно. Она зовется Кан-и-Гут – то есть Рудник Погибели. Абу ибн Сина дал все указания насчет молитв, какие следует прочесть, входя в нее, и заклинаний против дракона, необходимых тем, кто намерен взять сокровища.

Больше я его не слушал. Утомленный путешествиями, я впал в дремоту и так и не узнал, что еще собирался сказать Хазрет о пещере и сокровищах Туркестана.

II.

Спустя многие годы мне пришлось пожалеть о том, что уделил так мало внимания редким, старинным книгам, что показывал мне Хазрет, и ему самому, мудрому, старому знатоку арабского языка и древней арабской литературы. Судьбе было угодно, чтобы я провел свои лучшие годы в Туркестане в поисках минеральных богатств. Здесь мне довелось стать пионером горной промышленности, которая тогда была еще в зародыше.

Слава Туркестана как земли, богатой золотом и другими важными и полезными минералами, испарилась как дым, после русской колонизации. Первые геологоразведочные экспедиции, проведенные горняками Урала и Сибири, показали вскоре, что эта южная страна очень бедна. Такая оценка была подтверждена геологическими исследованиями профессоров Мушкетовым и Романовским. Туркестан надолго перестал привлекать к себе внимание в этом отношении.

Мои первые исследования геологии Туркестана показали, однако, ошибочность этих представлений. И чем больше я узнавал этот край, тем больше убеждался, что он не бедней Урала по запасам полезных ископаемых, только залежи расположены вдали от больших городов или главных путей сообщения. Золото, серебро, ртуть, медь, цинк, свинец, ванадиевые руды, вольфрам, нефть, уголь, изобилие отличной железной руды, асбест, недавно открытые радиоактивные руды, залежи олова (последние найдены мною) обогатили бы страну, если бы обстоятельства для их разработки были более благоприятными. Природа, кроме того, одарила эту землю драгоценными камнями, изрядным количеством мрамора и литографского камня.

Помимо богатств и разнообразия минералов, я не раз встречал свидетельства древних выработок с остатками орудий из бронзы и камня. Встречались разработки и недавнего прошлого, времен ханов Коканда, но большая часть старых копей в местах самых обширных разработок принадлежала очень отдаленному историческому периоду, золотому веку экономического и культурного процветания Туркестана.

В одном удаленном месте среди гор я видел груды шлака, поросшие травой и кустарником, остатки многочисленных строений, старых шахт и подземных галерей, обширные выработки в скалах; все было завалено землетрясениями и превращено временем в естественные

пещеры, стены которых покрыты кальцитом, а с потолка тут и там свисают сталактиты. Нужен очень опытный взгляд и тщательное исследование, чтобы распознать дело человеческих рук, понять, какие добывались руды и в каких местах. Замечательно то, что во многих таких раскопках главные пласты и входы в штольни и шахты искусственно замурованы, зацементированы и тщательно замаскированы. На взгляд неспециалиста все это выглядит просто как ямы и естественные гроты. К такому укрывательству природа добавила еще осыпи, скальные обвалы, заросли деревьев и кустов.

В этом месте некогда процветал богатый и в высшей степени развитый горный промысел, жизнь кипела, то был настоящий промышленный муравейник, как теперь где-нибудь в Англии или в Бельгии. Потом все вдруг умерло, что-то произошло и превратило процветающий промышленный район в пустыню.

Это что-то случилось не вдруг, было ожидаемо, и у горняков осталось время подготовиться, дабы спрятать свои богатства от глаз неприятеля до лучших времен, которые для этой несчастной страны так и не настали.

Пещера, названная Кан-и-Гут, о которой так много говорил Хазрет, оказалась хорошо известной и часто исследовалась. Ханы во времена их правления отсылали туда приговоренных преступников, обещая им жизнь и прощение, если те пройдут ее до конца и, вернувшись, расскажут, что они нашли в ее глубинах. Но ни один из посланных не вернулся.

Русские также предпринимали ряд попыток исследовать пещеру, но всякий раз останавливались, сталкиваясь с трудностями.

Теперешний вход в пещеру ведет в огромный грот на краю подземных пропастей, в обширные залы и камеры, глубокие колодцы и, в конце концов, к подземной реке. Воздух в пещере чист, она отлично проветривается, и нет следов тел погибших. Внутри есть источник превосходной чистой воды, остатки старых деревянных перекрытий и крепей из никогда не гниющей древесины местного можжевельника, арчи (*Juniperus pseudosabina*). Но путешественнику требуются крепкие нервы, чтобы передвигаться по узким, ненадежным путям над темными и мрачными обрывами при мерцающих вспышках магния или свете ацетиленовой лампы.

Мне было нетрудно распознать старый рудник в бесконечных камерах и проходах пещеры, но, чтобы пройти их все до конца, понадобилось бы несколько дней.

Часть этих огромных полостей создана самой природой, иные на протяжении столетий были пробиты руками человека. Здесь велись регулярные и методичные разработки, всюду угадываются деревянные крепи, глубокие шахты с приспособлениями для спуска и подъема, хотя кто-то вполне мог бы подумать, что пользоваться ими смогли бы разве только обезьяны; в отдельных местах над крутыми или отвесными спусками в камне были пробиты специальные кольцевые отверстия для крепления веревок.

Путь покрыт пылью столетий; но если ее убрать, обнажается гладкий мраморный пол, отполированный сотнями босых ног, проходивших по нему на протяжении долгого времени; пол был гладким, как мрамор древних статуй. Удивляли длинные, похожие на трубы проходы, пробитые каким-то образом вручную в скальной породе.

В пещере обнаружилась богатая серебросвинцовая руда, галенит и руда золотоносная. Была и руда цинковая, но если ее и разрабатывали, то лишь для медицинских целей.

После исследования полостей пещеры в течение двух дней на основании разных признаков я пришел к выводу, что воздух внутри насыщен радиоактивными эманациями. Научная экспедиция, которая обследовала пещеру перед Первой мировой войной, подтвердила мое мнение и доказала, что воздух сильно радиоактивен. На северном подножье гор, в которых расположена Кан-и-Гут, в привлекательном месте приютилась могила святого Ходжи-и-Тараута. Там, среди пустынных гор, бьет источник прекрасной воды, дающий жизнь зеленому оазису.

Место и родник считаются чудотворными, и люди тысячами приходят к могиле святого испить целебной воды; исследования вскоре показали, что она сильно насыщена радиевой эманацией.

В горах Кара-Тау, над могилой, была найдена урановая смолка – уранинит.

III.

В высшей степени заинтересовал меня другой странный рудник. Я случайно наткнулся на него в дикой и удаленной части Туркестанских гор, в закрытой, изолированной и пустынной долине. Меня поразило, что, несмотря на ее недоступность, все свидетельствовало о давным-давно прошедшей уединенной жизнедеятельности людей, оставивших свой след повсюду, след, уже стиранный временем и природой.

Через долину можно было проехать только верхом на лошади, и то с трудом. По ней зигзагами снизу вверх до высоких гор шла все еще сохранившаяся широкая, отлично выложенная проселочная дорога. Теперь вся она заросла травой и деревьями. Дорога вела к старинным горным выработкам, многочисленным и очень обширным; иные обвалились, другие были засыпаны обломками скальных пород в результате землетрясений. В главной выработке, изнутри подобной кафедральному собору, пол был усыпан толстым слоем гуано, виднелись огромные скальные глыбы, вероятно, рухнувшие с потолка. Но галереи были целы, изумительно широки, искусно пробиты в твердом известняке, однако они были «слепыми», то есть вели в никуда. Все свидетельствовало об интенсивных горных разработках, производившихся в течение ряда столетий в «промышленных, капиталистических» масштабах.

После тщательного исследования отвалов, шлаков и выработок я отчетливо увидел, что здесь добывалось серебро и некоторые другие металлы. Но сами рудные жилы, собственно руды и окончания галерей, были тщательно замурованы и искусно скрыты.

Человек неопытный едва ли мог понять, где находится основное рудное тело и где раскопки могли быть возобновлены. Для специалистов я добавил бы, что это месторождение принадлежит к так называемому контактно-метаморфическому типу, какие имеются в Банате на равнинах Дуная.

Кто же разрабатывал эти руды и в какой исторический период это происходило? Что за люди трудились здесь? Когда возник сей обширный горный промысел в ныне забытой и почти недоступной долине? Куда поступал конечный продукт? Вот вопросы, которые возникали в моей голове, когда я изучал эту древнюю копь.

Конечно, разработки не могли быть делом теперешних обитателей страны – сартов, с их очень низким уровнем технических знаний и природной ленью. К тому же их характер, склонность к сельскому хозяйству и торговле совершенно не соответствовали идее предприятия горного промысла.

Они еще помнили прежний промысел, но их владение железом и медью во времена ханов было примитивным, и местные жители ясно отличали его от древних крупномасштабных разработок, подобных той, что я описал. Они, говорили сарты с уверенностью, осуществлялась китайцами.

Примерно в то же время, к которому относится мой рассказ, в Самарканде была найдена астрономическая обсерватория, принадлежавшая некогда Улугбеку, внуку Тамерлана, знаменитому ученому Средневековья. Составленная им звездная таблица не потеряла своего значения даже для современных астрономов! Ему принадлежит очень верное высказывание, часто повторявшееся в его сочинениях: «Изучение природы объединяет род человеческий, а философия и религия разъединяют». Как верно подтвердила эту мудрость история двадцатого столетия!

Когда я осматривал эту обсерваторию, то встретил русского археолога, который очень интересовался историей Туркестана. Он спросил меня, не приходилось ли мне во время моих геологических экспедиций в горах встречать древние серебряные рудники.

– А почему вы об этом спрашиваете? – задал я вопрос в свою очередь.

– Видите ли, – объяснил он, – по сути нас интересуют не сами рудники, но по их расположению на карте, в согласии с древними арабскими руководствами, мы могли бы определить месторасположение семи древних столиц Туркестана, которые сейчас не найдены, и сверх того – найти город Тункент, столицу княжества Илак. Мы надеемся обнаружить там множество очень интересных антикварных предметов домагометанского периода Туркестана и первых столетий арабского правления.

– Этот рудник, – продолжал он, – назывался Кух-и-Сим, что на персидском языке означает Серебряная Гора. В свое время он снабжал серебром весь мусульманский мир, а также Россию. В Эрмитаже Санкт-Петербурга хранится целый ряд монет, извлеченных из старых хранилищ центральной и даже северной России, с надписями, что они отчеканены из серебра Кух-и-Сима города Тункента.

Тогда я вспомнил Хазрета и рассказал архитектору об этом ученом киргизе и о его старинных книгах.

– Да, несомненно, – ответил мой собеседник, – то были воистину редкие книги; жаль, что вы не уделили им большего внимания и не выяснили, каковы их названия и кто их авторы.

– В Бухаре, – продолжал он, – все еще есть много редких, старинных фолиантов, но местные муллы ценят их очень высоко и скрывают от европейцев.

Все это настолько меня заинтересовало, что я решил всерьез заняться историей Туркестана. В Императорской публичной библиотеке Санкт-Петербурга имелось великолепное издание De Gué «Bibliotheca Geographica Arabico-rum», но арабский текст был для меня «закрытой книгой». К счастью, такие арабские авторы, как Идрисси, Истахри, Ибн Хаукал, Ибн Хороат Бек и Абулфеда, доступны частично или полностью в переводах на некоторые европейские языки. Эти писатели заново открыли для меня Туркестан. Я, как и многие другие, считал этот край страной новой, обретенной только недавно. Казалось, только теперь Туркестан стал открытым для культуры и цивилизации, а до того был темной, непонятной и дикой азиатской страной, погруженной в варварство, страной без истории. Мне открылось, что в древнем Туркестане таятся следы высокоразвитой цивилизации, уже существовавшей в ту пору, когда народы Европы еще пребывали в дикости, а в лесных дебрях России, по выражению древнего летописца, люди жили, «аки скот».

В семнадцатом веке, до арабского нашествия на Туркестан, он был далеко впереди государств Европы по своему культурному развитию. Самарканд предстал арабам богатым и в высшей мере процветающим городом. В нем существовал, например, водопровод, который по свинцовым трубам доставлял жителям отличную питьевую воду из горных источников. Красивые и пышные сады Самарканда орошались водой из целой сети каналов. Отмечу, между прочим, что сегодня ни Самарканд, ни Ташкент – столица Туркестана – не имеют водоснабжения, и жители вынуждены пить воду из нечистых источников или зловонных канав.

В летнюю жару даже бедные жители древнего Самарканда обеспечивались бесплатно льдом – роскошь, недоступная сегодня даже в Европе!

Площади столицы украшали огромные бронзовые статуи лошадей, быков, верблюдов, собак и т. д. Главной религией того времени было учение Зоратустры, Маздеизм, которое воспитывало любовь к животным, особенно домашним, среди которых первое место отводилось собаке, как главному товарищу человека, завещанному от Ахуры Мазды для защиты его семьи, очага и стада. Так изложено в гимне «Зенд-Авесты», сочиненном в честь собаки. Подтверждением правдивости данных сведений может служить нога верблюда, отлитая в бронзе, что най-

дена в водном канале у Дирхана возле Самарканда. Теперь она хранится в музее Ташкента, если только не украдена большевистскими комиссарами, как это у них водится.

В Самарканде было множество храмов, не только зороастрийских, но и буддистских, манихейских и храмов несторианских христиан, поскольку в то время в Туркестане была полная свобода религий. Арабские завоеватели Туркестана не были разрушителями; ислам внедрялся постепенно, и его принятие сопровождалось разного рода привилегиями, такими, как денежное вознаграждение за посещение мечети.

В девятом, десятом и одиннадцатом веках страна достигла высокой степени процветания и благополучия. То было время правления династии Саманидов, основанной Саид Назаром, правителем Туркестана. Саманиды отличались любовью к культуре и образованию. Их эмиры были совершенно независимыми от халифов Багдада. Их власть распространялась не только на территорию теперешнего Туркестана, но также на северную часть Персии и Афганистана. Весь этот район получил потом название Хорасана. Здесь процветали торговля и промышленность.

В Самарканде изготовлялась превосходная бумага из коры шелковицы, а здешнее стекло славилось на весь свет. Китайский император отправил особое посольство к эмиру в Самарканд с просьбой прислать в Китай искусных мастеров для изготовления стекла.

Был он также знаменит своими шелками. По преданию, китайская принцесса, вышедшая замуж за эмира Самарканда, спрятала в прическе и привезла с собой из Китая коконы шелковичного червя, так было положено начало производству этой ткани в стране. Китайцы ревностно хранили секрет своего шелка, и вывоз коконов карался смертью.

В горах в то далекое время производство развивалась бурно. Дымы плавильных печей поднимались к небу: отливались железо, медь и свинец, добывались золото и ртуть (были найдены каменные аппараты, применявшиеся для амальгамирования серебра и золота), добывались драгоценные камни.

Добыча угля в этой стране началась на четыре столетия раньше, чем в Европе.

Все эти сведения от древних арабских географов поражают читателя своей обстоятельной точностью, как руководства они полезны даже и теперь для тех, кто знает, как их следует понимать. При описании некоторых каменноугольных копей, например, упоминалось, что угольная зола пригодна для отбеливания тканей. Это кажется странным, но анализ золы, выполненный мною, показал, что она содержит цинк. Арабы также хвалили олово из Туркестана за его чистоту, хотя этот металл был совершенно не известен в стране до тех пор, пока я однажды не наткнулся на легкоплавкую оловянную руду. Позже, преследуемый «властью рабочих и крестьян», я был вынужден скрываться в горах, там мне встречались месторождения топаза, сапфиров и рубинов.

В прошлом торговые связи Туркестана были очень обширными. Его железо славилось чистотой, а сталь, «булат», поставлялась в Дамаск, где из нее ковали знаменитые клинки.

Туркестан всегда славился своими арбузами. Их укладывали со льдом в свинцовые ящики и доставляли курьерским экспрессом прямо к столу халифов Багдада – воистину первый пример экспорта скоропортящихся фруктов в холодильнике.

Арабские писатели уделили особое внимание вышеупомянутому серебряному руднику Кух-и-Сим и городу Тункенту.

Исходя из всех доступных мне арабских источников, я уверен, что обнаруженный мною удивительный серебряный рудник и есть знаменитый Кух-и-Сим. Все до малейших деталей указывает на него. Подтвердились даже сведения о том, что неподалеку от устья реки возле рудника расположена обсерватория. Я часто посещал рудник, убеждаясь в богатстве месторождения, и каждый раз все больше утверждался в мысли, что это именно он, рудник Кух-и-Сим. Я все откладывал детальное исследование и съемку до более подходящего случая, который, увы, так никогда и не наступил!

Эта высокоразвитая цивилизация, эта бурная промышленная и торговая жизнь, эти процветающие города и дивные сады – все было сметено нашествием варваров-кочевников, хлынувших с востока, – ордами Чингисхана. Вливание монгольской крови и материальное разрушение страны привело к интеллектуальному распаду населения и к экономическому краху государства. Только на короткое время при Тамерлане и его непосредственных преемниках Туркестан вновь достиг некоторой степени культурного развития, однако ненадолго.

Ислам, став однажды преобладающей религией, обратил духовную культуру к дикому фанатизму, ненависти к «неверным». Так длилось вплоть до колонизации страны Россией. Как раз накануне ее завоевания два английских путешественника, Стоддарт и Коннолли, погибли мученической смертью в Бухаре по приказанию эмира Музафараддина.

О быстроте духовного распада населения свидетельствует следующий случай. В Самарканде был найден оригинальный измерительный инструмент, использовавшийся в старину для составления планов местности. Его устройство было столь удобным и практичным, что прибор выставили на продажу под видом современного. На нем превосходно сохранилась надпись, что прибор сделан в Самарканде таким-то мастером. Но ни в Самарканде, ни в Бухаре сейчас не найти ни одного местного жителя, даже среди ученых мулл, кто бы смог объяснить назначение и способ применения данного инструмента.

IV.

Кроме рудника Кух-и-Сим мне также посчастливилось найти месторасположение древней столицы княжества Илак – города Тункента.

Зимняя снежная буря в Киргизской степи по чистой случайности свела меня с Хазретом, от которого я впервые узнал о Тункенте. По странному совпадению, благодаря другому снежному бурану в степи Туркестана, я напал на место, где некогда стоял гордый, процветающий город.

Вот как это произошло.

В конце дня успешной охоты на кабана я отправил домой своего человека с полудюжиной подстреленных мной поросят, а сам отправился в киргизский аул для ночлега. На следующее утро я выехал еще до рассвета, рассчитывая за пару часов езды верхом добраться до небольшого караван-сарая, где мог бы отдохнуть и позавтракать. Утро было холодное и туманное, начался мелкий дождь, перешедший вскоре в обильный сухой снег. Сильный холодный ветер поднялся с северо-востока.

Езда против ветра была трудной. Снег бил в лицо, слепил глаза и застилал землю, стывшую под ветром. Руки немели от холода, но моя отличная лошадь все еще смело пробивалась вперед, как мне казалось, по дороге.

Так длилось два часа, три, четыре. Но знакомого караван-сарая все не было. Буря скрыла обзор, и я начал понимать, что сбился с пути и двигаюсь в неверном направлении.

Пришлось внимательно вглядываться сквозь снег и ветер, надеясь отыскать нечто, подобное укрытию, где я мог бы остановиться для отдыха, защититься от непогоды и переждать бурю. Впереди было видно не более чем на 10–15 шагов. Все было покрыто толстым слоем снега.

Неожиданно справа на некотором расстоянии от меня постепенно появилось что-то, выступающее из пелены. Я подъехал ближе и увидел угол старой, разрушенной стены. Это было хорошим укрытием от ветра, и здесь можно было спрятаться от непогоды вместе с лошадью, которая не меньше меня была рада защите от слепящего урагана. Намотав поводья на руку, я забился прямо в угол, как можно плотнее укутался в шинель и заснул.

Когда я проснулся, буран уже стихал и вскоре прекратился вовсе. Небо прояснилось, я выбрался из моего укрытия и влез на стену, дабы оглядеться вокруг и определиться с направлением.

То, что представилось взору, меня поразило. Все вокруг, насколько мог видеть глаз, являло собой как бы вычерченный черным по белому в натуральную величину план огромного города. Целые улицы были ясно обозначены, виднелись очертания зданий, ирригационных каналов, водохранилищ, башен и стен. Сухой снег, движимый ветром, заполнил все углубления в почве, показав рельеф выступающих деталей и как бы разметив город, когда-то уже давно сравнивавшийся с землей.

Летом, когда степь покрыта травой, и зимой, когда земля скрыта под однотонным серо-желтым одеянием, все эти небольшие углубления и выступы не видны. Но теперь, когда снежная мантия, столь редкая в этой части Туркестана, укрыла землю, а ветер ее разровнял, план древнего города, спустя долгое время после того, как он был разрушен, потерян и забыт, вновь проявился, подобно негативу фотоснимка. То была завораживающая, чрезвычайно редкая и поучительная картина.

На следующее утро солнце должно было растопить снег, и чудный план должен был снова исчезнуть. Как жаль, что у меня не было с собой фотокамеры и не было других средств запечатлеть увиденное, что было бы даже лучше, чем фотоснимок.

Еще долго разъезжал я по улицам и паркам этой призрачной Помпеи, пытаюсь сообразить, что все это значит, понять смысл того или иного прямого угла или кривой. Странно выглядели места городских ворот. Казалось, будто здесь некогда были заложены основы нового города.

К ночи я достиг большой реки, где разбил бивуак в избушке. По возвращении домой я тщательно вымерил на карте расстояния, направление моего пути, просмотрел заметки из сочинений древних арабских писателей и пришел к однозначному выводу, что набрел на место, где некогда стоял загадочный Тункент. Я созерцал на мгновение обозначившийся под снегом план именно этого древнего города.

Уместно спросить, какова теперь судьба рудника Кух-и-Сим и Тункента?

Мои заметки, планы и рукописи, наряду со всем имуществом, были отобраны большевиками и уничтожены. Во время суровой зимы 1918–19 гг., в ту пору, когда я вынужден был скрываться в местных аулах, большевики топили печки моими бумагами и документами, в которых был итог трудов всей моей жизни в Туркестане, геологических съемок и разведок.

Кух-и-Сим, утаившийся от нашествия монгольских орд, остался недоступным и для варваров севера, истребивших горную промышленность, только начинавшую давать ростки в Туркестане. Крупное землетрясение, случившееся незадолго до войны, скрыло и спрятало подходы к руднику. Ныне там видны лишь груды камней и обломки скал.

Пер. с англ. В. Цибанова, 2013 г.